

ЕЛАБУЖСКИЙ ИНСТИТУТ ФЕДЕРАЛЬНОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО АВТОНОМНОГО
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«КАЗАНСКИЙ (ПРИВОЛЖСКИЙ)
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Российские немцы: вопросы языка, культуры и самоидентификации

Елабуга 2016

УДК 81:39:81:31

ББК 81.006.2+81.006.35

Р76

Печатается по решению редакционно-издательского совета ЕИ КФУ

Научные редакторы: доктор филол. наук проф. Д.А. Салимова
канд. филол. наук доцент Ю.Ю. Данилова

Рецензент: доктор филол. наук проф. Е.М. Шастина

Технический редактор: Д.Р. Нуриева

Р76 **Российские немцы: вопросы языка, культуры и самоидентификации:** Сборник статей/ Научные ред. Салимова Д.А., Данилова Ю.Ю. – Казань: РИЦ «Школа», 2016. – 138 с.

Настоящий сборник «Российские немцы: вопросы языка, культуры и самоидентификации» представляет собой результат труда группы языковедов-исследователей, выполняющих грант РГНФ №15-04- 00011 «Язык и культура русских немцев в миграции: проблемы самопрезентации и самоидентификации». В сборник включены статьи участников проекта и других авторов России (Москва, Тюмень, Казань, Можга, Чистополь и др.) и Германии, Чехии, имеющих серьезные исследования по указанной теме. Особого научного внимания заслуживают статьи-воспоминания представительниц российских немцев, с которыми исполнители проекта поддерживают тесные контакты в течение двух лет. Сборник состоит из трех частей: 1. Нация в миграции: исторические и социально-политические аспекты проблемы. 2. Язык и культура российских немцев: проблемы этнолингвокультурной (само)идентификации. 3. Листая живые страницы памяти: воспоминания российских немцев.

Составители надеются, что материалы сборника окажут помощь как в научных исследованиях по теме, так и в практической работе национально-культурных организаций российских немцев.

© РИЦ «Школа» (оформление), 2016 г.

© Салимова Д.А., Данилова Ю.Ю., 2016 г.

© Нуриева Д.Р., верстка, 2016г.

Содержание

Часть 1. Нация в миграции: исторические и социально-политические аспекты проблемы.....	6
Власова Т.В. Екатерина II и иностранная колонизация Поволжья во второй половине XVIII века: как одна задумка решила несколько проблем.....	6
Ивыгина А.А. История миграции семьи Герингер в Россию: историко-биографический аспект исследования.....	9
Карабулатова И.С. Современные трудовые мигранты Германии: феномен языкового поведения личности в условиях внешней миграции как фактор этнополитической безопасности государства.....	13
Крапоткина И.Е. Устные источники и их значение в современных исследованиях.....	19
Кудрявцева Е.Л. Время, люди и судьбы: Фрида Оскарловна Семенова...23	
Разживин А.И. А.Х. Востоков и его вклад в историю русской словесности.....	28
Шевелина Г.А. Исторический экскурс проблемы миграции немцев в Россию XVII-XVIII вв. Манифест Екатерины II.....	37
Часть 2. Язык и культура российских немцев: проблемы этнолингвокультурной (само)идентификации.....	42
Алишина Х.Ч., Рахимбакиев С.З. Труды историка Г.Ф. Миллера как лингвистический источник.....	42
Алмагамбетова Д.Т. Русский или немец? К проблеме самоидентификации российских немцев.....	47
Гильмутдинова Л.А. Лексема «Ленинград» как маркер этнолингвокультурной самоидентификации российских немцев: на примере прозаических текстов Р. Лейнонена.....	52
Данилова Ю.Ю. Концептуальная оппозиция «свой – чужой» как способ самоэтноидентификации российских немцев.....	57

Евтеева Т.А. Этнолингвокультурная составляющая жизнедеятельности этнических немцев, проживающих на территории г. Елабуги РТ.....	63
Карабулатова И.С., Ким Л.И. Деятельность общества немецкой культуры «Видергебурт» в социализации инвалидов как опыт проработки этнотравмы.....	68
Мартинкова А.А. «Загадочная немецкая душа»: к вопросу о самоидентификации русских немцев на современном этапе.....	73
Салимова Д.А. Проблемы самоидентичности российских немцев в ракурсе психологии и языкознания.....	78
Салимова Д.А., Ушкова И.И. Этническая культура российских немцев как вектор социолингвистических исследований.....	84
Саушкина А.И., Ягудина Л.И. Причины утраты и возобновления своих лингвоэтнокультурных корней (на материале анализа данных четырех семей российских немцев).....	88
Часть 3. Листая живые страницы памяти: воспоминания российских немцев.....	95
Балобанова (Вельш) С.К. Учительская династия российских немцев: на примере семьи Вельш.....	95
Балобанова (Вельш) С.К. Традиции семьи и речевые особенности российских немцев Вельш.....	101
Виноградов А.В. «Мой предок самых строгих правил...»: Франц Иоганнович Катуй.....	105
Данилова Ю.Ю., Евтеева Т.А., Нуриева Д.Р. «Я долгий путь прошла, но духом не пала!»: Мина Петровна Колоскова (Майснер).....	107
Евтеева Т.А. «Называйте меня русским с немецкими корнями»: Александр Владимирович Роотермель.....	115
Кондрашин Д.В. Немцы в России: из истории одной фамилии.....	117

Пупышева Е.Л. Нашим предкам Рац посвящается (из воспоминаний сестер Евгении, Екатерины и Лидии Рац).....	121
Сайбель Е.Г. Воспоминания о моем детстве.....	126
Фрезе К. Хочу быть ближе к своим корням.....	129
Фрезе К. Что я знаю о своей семье?.....	132
Сведения об авторах	134

Часть 1. Нация в миграции: исторические и социально-политические аспекты проблемы

Екатерина II и иностранная колонизация Поволжья во второй половине XVIII века: как одна задумка решила несколько проблем

Власова Т.В.,

г.Елабуга (Россия, Татарстан)

Статья выполнена в рамках реализации гранта РГНФ №15-04-00011а «Язык и культура русских немцев в миграции: проблемы самопрезентации и самоидентификации».

Что требуется от правителя? По-отечески заботиться о своем народе, отстаивать интересы государства на международной арене, решать внутренние проблемы страны. Без сомнения, все российские правители решали встававшие перед ними задачи в целях поддержания мощи государства, его процветания. Не стала исключением и Екатерина II. Среди всех ее внутренних преобразований наиболее пристальное внимание историков, а также филологов, уделяется процессу иностранной колонизации Поволжья с последующим формированием на этой территории нового народа – немцев Поволжья. Однако формирование нового народа само по себе является длительным процессом, поэтому в статье мы рассматривали причины колонизации Поволжья, которые в последующем привели к появлению поволжских немцев.

Как известно, императрица всерьез увлекалась идеями французских просветителей. Одной из таких идей была теория народонаселения. В своем знаменитом «Наказе» Екатерина писала: «Россия не только не имеет довольно жителей, но и обладает еще чрезмерным пространством земель, которые не населены, не обработаны. Чтобы восстановить Державу, обнаженную от жителей, напрасно будем ожидать помощи от детей, могущих впредь родиться. Надежда эта вовсе безвременна...» [1, с. 45]. Следует пояснить, что нехватка свободных рабочих рук сказывалась наличием в России феодально-крепостнической системы. Помещики и правительство не могли отпустить своих крепостных крестьян, являвшихся единственным источником дохода. Поэтому решено было призывать иностранных колонистов.

Прежде чем призывать колонистов, правительству нужно было определиться с территорией будущих мест поселения. В Манифесте от 22

июля 1763 года Екатерина II подробно представила перечень свободных земель. В этот реестр были включены Барабинская степь близ Тобольска, левобережье Волги, или Саратовское Поволжье, земли вокруг Оренбурга, Валуйский уезд Белгородской губернии [2, с. 19-28]. Однако основной поток колонистов направлялся в Саратовское Поволжье. Почему именно эта территория была выбрана для иностранного поселения? Во-первых, к середине XVIII века Среднее Поволжье, со своей столицей Саратовом, представляло собой пустынные, почти не заселенные земли, бывшие местом разгула «воровских» людей, то есть разбойников, грабивших проходившие по Волге купеческие суда. В то время как по правую сторону Волги бродили разбойники, на луговой стороне, в столь же диких степях обитали кочующие киргиз-кайсаки и калмыки, которые хотя и числились русскими подданными, но так же беспрепятственно, из-за нехватки сил у государства, разоряли и грабили все, что попадало под руку [3, с. 8]. Во-вторых, левобережье Волги по составу почвы являлось черноземным и могло прокормить целый народ. Но из-за отсутствия населения оставалась залежной территорией. Необходимость и как следствие частые набеги кочевников, а также простаивание земли подстегивало Екатерину окончательно закрепиться на этой территории.

Всего за 1763-1766 годы в Россию было перевезено более 30 тысяч человек, которые были поселены в Саратовском Поволжье [3, с. 11]. А уже к концу XVIII века, по данным ревизии 1796 года, численность немцев составила 237 тысяч человек [4, с. 2]. Кроме определения территории поселения, нужно было выбрать, кого именно вызывать. Выбор пал на немецких крестьян и ремесленников. Переселение немцев в Россию было выгодно с экономической точки зрения. Это объяснялось способностью немцев лучше всех заниматься сельским хозяйством, торговлей и промышленностью. И Екатерина, будучи немкой, прекрасно знала об этом. От привлечения немцев ожидали, кроме увеличения количества населения, распространения торговли, фабрик, промыслов среди местного населения [1, с. 46], а самое главное – перенесение на русскую почву усовершенствованных приемов обработки земли [5, с.1]. В общем, немецкие крестьяне и ремесленники должны были стать культурными агентами в России.

К каким последствиям привела иностранная колонизация Поволжья во второй половине XVIII века? Прежде всего, правительству удалось за короткий срок увеличить население за счет немецких переселен-

цев. Правительство поселило немецких крестьян на территории Саратовского Поволжья, решив тем самым проблему с набегами калмыков и киргиз-кайсаков. Конечно, сразу набеги не прекратились, однако в дальнейшем немцы смогли наладить торговлю с кочевыми племенами. Колонисты привезли с собой бранденбургский железный плуг, косу, деревянную молотилку. С приходом немцев на территории Поволжья появились такие сельхозкультуры как крап и вайда (красящие вещества), земляной миндаль, зелень (салат, сельдерей, укроп, петрушка, пастернак и шпинат), кунжут, тутовое дерево, виноградная лоза, табак, горчица и картофель. Широко развивалось мукомольная, табачная, ткацкая и маслобойная промышленность.

Таким образом, колонизация Поволжья проводилась с целью решения социальной (демографической), экономической, военно-стратегической проблемы. Иными словами, внешняя сторона процесса колонизации была видна, ощутима и полезна. Однако колонизация стала началом появления нового народа – немцев Поволжья. В основу формирования поволжских немцев как народа легли немецкие традиции и условия жизни на новой территории. Это сочетание является для немцев Поволжья возможностью позиционировать себя не только как поволжские немцы, но и как российские немцы в целом.

Литература и источники

1. Писаревский Г.Г. Из истории иностранной колонизации в России в XVIII в. (По неизданным архивным документам). – Москва: Печатня А.И. Снегиревой, 1909. – 483 с.
2. Немцы-колонисты в Век Екатерины / Сост. Е.Е. Лыкова, М.И. Осечкина. – Москва: «Древлехранилище»; Общественная академия наук российских немцев, 2004. – 340 с.
3. Герман А.А., Плева И.Р. Немцы Поволжья: Краткий истор. очерк. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2002. – 144 с.
4. Смирнова Т.Б. Динамика численности немцев в России от манифестов Екатерины II до наших дней // Современные проблемы науки и образования. – 2012. – №6. [Электронный ресурс]. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/dinamika-chislennosti-nemtsev-v-rossii-ot-manifestov-ekateriny-ii-do-nashih-dney> (дата обращения: 1.10.2016).
5. Зиннер П.И. Немцы Нижнего Поволжья. Историч. очерк. Выдающиеся деятели из колоний Поволжья. – Саратов: Саратов. ун-та, 1925. – 20 с.

История миграции семьи Герингер в Россию: историко-биографический аспект исследования

Ивыгина А.А.,

г. Елабуга (Россия, Татарстан)

*Статья выполнена при финансовой поддержке РГНФ №15-04-00011а
«Язык и культура русских немцев в миграции: проблемы
самопрезентации и самоидентификации».*

Культура российских немцев во всех ее проявлениях исключительна и многогранна. Она органично аккумулирует в себе духовную и материальную составляющую нации, целостно не представленной в России ни в этническом, ни в конфессиональном, ни в территориальном отношениях. Но несмотря на это российские немцы внесли весомый вклад в культурную жизнь нашей страны. Это и известные писатели и поэты (Д.И. Фонвизин, А.И. Герцен, А.А. Фет, А.А. Блок, З.Н. Гиппиус и др.), и полководцы (М.Б. Барклай-де-Толли, А.Х. Бенкендорф, Л.Л. Беннигсен и др.), и художники (К.П. Брюллов, Э.О. Визель, Е.Р. Рейтерн, В.Г. Перов и др.), и лингвисты (В.И. Даль, Я.К. Грот, А.Ф. Гильфердинг, А.П. Дульзон, А.А. Шварц и др.), и географы, мореплаватели (Ф.П. Литке, О.Е. Коцебу, И.Ф. Крузенштерн, П.С. Паллас, А.Б. Дитмар), и историки (Г.Ф. Миллер, В.К. Надлер), и философы (Ф.А. Степун, Г.Г. Шпет, Э.Л. Радлов, И. Гизель) и др. Безусловно, здесь перечислены далеко не все фамилии, составившие цвет российских немцев, проживавших в нашей стране. Многие из этих фамилий известны широкому кругу людей в России и за ее пределами. Но существуют целые династии российских немцев, не известные большинству носителей русской культуры. К ним можно причислить и семейство Аделунгов.

Аделунги принадлежат к немецкому роду, некогда эмигрировавшему в Россию и навсегда оставившему свой след в ее культурной жизни. Первым Аделунгом, ступившим на российскую землю, стал Ф.П. Аделунг [1].

Глава семейства Аделунгов – Федор Павлович (1768-1843), при рождении получивший имя Фридрих эмигрировал в Россию в конце 1700-х гг. Его дети, Мария и Николай, родившиеся уже на территории Российской империи, по праву считаются российскими немцами во втором поколении.

Федор Павлович Аделунг – личность уникальная, разносторонне одаренная. В 1794 г. по окончании университета в Лейпциге он приезжает

в Петербург, где первоначально ведет коммерческую деятельность совместно с банкиром Александром Ралем, затем становится цензором немецких книг и директором немецкого театра. По приезду в Россию он стал увлекаться изучением ее природы и географии, славянской и санскритской филологией. В этом смысле Федора Павловича можно считать продолжателем научной лингвистической деятельности его дяди Иоганна Кристофа Аделунга (немецкий филолог, представитель немецкого Просвещения, нормализовавший и унифицировавший немецкий язык). Ф. Аделунг разработал критерии разграничения степени родства языков, основанные на сравнении их грамматических структур. С экономистом А.К. Шторхом он создал труд «Систематическое обозрение литературы в России в течение пятилетия с 1801 по 1806 г.», положивший начало русской книжной статистике. В 1809 году он был избран членом-корреспондентом Академии наук и стал почетным членом Харьковского и Дерптского университетов. С 1819 г. состоял на службе в Коллегии иностранных дел. А в 1825 году он становится начальником Учебного отделения восточных языков (в дальнейшем Институт восточных языков) при Министерстве иностранных дел. В этой должности он находился почти 18 лет. [1].

Род Аделунгов известен прежде всего своей приближенностью к императорскому двору. Каждый его представитель так или иначе связан с представителями императорского рода.

В 1803 году Федор Аделунг был назначен воспитателем русских царственных наследников Николая и Михаила. Его сын, Николай Аделунг, служил при дворе королевы Вюртембергской. Дочь, Мария Герингер, состояла на должности обер-камер-фрау у императрицы Александры Федоровны (принцессы Шарлотты), супруги последнего российского императора династии Романовых Николая II.

О детях Ф.П. Аделунга известно гораздо меньше, чем о нем самом. Мария Фёдоровна Герингер (урожденная Аделунг) обер-камер-фрау императрицы, супруги последнего царя, была замужем за титулярным советником Николаем Львовичем Герингером, потомком рязанского дворянского рода немецкого происхождения. От этого брака у них родились сыновья Федор и Николай Герингеры.

Упоминания о М.Ф. Герингер находим лишь обрывочно в документальных и публицистических источниках. И эти упоминания, как правило, отсылают нас к царской семьей Романовых. В книге С.А. Нилуса (рос-

сийский религиозный писатель, автор православных книг (1862-1929) «На берегу реки Божьей», представляющей собой дневниковые записи, собраны воспоминания о святых и праведниках его времени, а также рассказы, услышанные им от современников. В одной из дневниковых записей этой книги С. Нилус упоминает о М.Ф. Герингер: «При особе Ея Императорского Величества, Государыни Императрицы Александры Федоровны состояла на должности обер-камер-фрау Мария Федоровна Герингер, урожденная Аделунг, внучка генерала Аделунга, воспитателя Императора Александра II во время его детских и отроческих лет. По должности своей, как некогда при царицах, были «спальные боярыни», ей была близко известна самая интимная сторона царской семейной жизни, и потому представляется чрезвычайно ценным то, что мне известно из уст этой достойной женщины». [Цит. по 2].

По словам Нилуса, М.Ф. Герингер рассказала ему две истории, связанные с царской семьей, свидетельницей которых она была. Первая история связана с поездкой Марии Федоровны и Николая Александровича в Гатчину и пророческими предсказаниями императора Павла I В «Тайнах великих предсказаний М.Н. Кубеева приводится ее рассказ об этом случае: «В то мартовское утро государь после возвращения из поездки в Гатчинский дворец, где в запечатанном ларце хранилось завещание императора Павла, был очень печален. Он не сказал близким, что было написано покойным императором, но почему-то при случае стал говорить о грядущем 1918 году как роковом для него лично, для династии Романовых и для России...» [3, с. 149]. Предсказание, которое Николай II вытянул из ларца, содержало информацию о том, что на нем закончится род Романовых. Об этом случае упоминает и Юрий Росциус (автор около тридцати научно-популярных книг, посвященных выявлению, анализу достоверности, интерпретации феноменов, не нашедших научного признания) в «Синдроме Кассандры». [2]

Второй случай, рассказанный М. Герингер, касается происшествия во время церемонии водосвятия, когда Николай II чуть не был убит случайным выстрелом пешки из Петропавловской крепости [4]. Последняя история также упоминается в публицистической исторической книге Б.С. Романова «Император, который знал свою судьбу», в которой автор подробно освещает события, происходившие до 1917 года и накануне Февральской революции в России.

До конца полагаться на достоверность рассказов Нилуса нельзя, по-

сколько книга не претендует на научный исторический источник. Однако для нас более важной является информация о Марии Герингер как о реальной исторической личности.

Еще меньше информации о сыне Ф. Аделунга, Николае. О нем известно только то, что с 1828 г. он состоял на службе чиновником Министерства иностранных дел. С 1846 по 1872 гг. был секретарем королевы виртембергской Ольги Николаевны. С 1858 г. стал статским советником [5].

Таким образом, семейство Аделунгов, несмотря на непродолжительное пребывание в России, смогло оставить заметный отпечаток в ее культурной и государственной жизни, особенно ее глава Ф.П. Аделунг. Подтверждением этого факта, безусловно, являются энциклопедические, публицистические и художественные источники, упоминающие тех или иных представителей этого немецкого рода, по праву названными российскими немцами.

Литература и источники

1. Большая биографическая энциклопедия. [Электронный ресурс]. – URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_biography (дата обращения: 1.10.2016).
2. Кубеев М.Н. Тайны великих предсказаний. – Москва: Вече, 2013. – 240 с.
3. Юрий Росциус Синдром Кассандры. [Электронный ресурс]. – URL: <http://arhangel.ru/future/2/14> (дата обращения: 30.09.2016).
4. Электронная библиотека. [Электронный ресурс]. – URL: <http://profilib.com/chtenie/158066/yuriy-nezhinskiy-misticheskij-peterburg-14.php> (дата обращения: 15.09.2016).
5. Википедия [Электронный ресурс]. – URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/586561> (дата обращения 15.09.2016).

**Современные трудовые мигранты Германии:
феномен языкового поведения личности в условиях
внешней миграции как фактор
этнополитической безопасности государства**

*Карабулатова И.С.,
г.Москва (Россия)*

Современный мир ярко демонстрирует тенденцию к смешению различных этнокультурных элементов не только в обществе, но и в психике конкретного человека, что приводит к непрогнозируемым этноконфликтным ситуациям, росту разнообразных социальных этнических девиационных процессов, которые мы называем этносоциальными девиациями [1, с. 109; 2, с.64; 3, с. 154].

Многофакторный анализ этносоциоконфликтогенности современного мира обусловлен, на наш взгляд, дезгармонизирующими условиями феномена глобализации в условиях мигрантоемких и/или сложных в этническом плане макрорегионов, как например, страны Евросоюза [4, с. 34]. Поисковая система «Яндекс» по запросу «Протесты европейцев против мигрантов» дает свыше 942 тыс. ответов на 03.09.2016 г. В Британии, Польше, Германии, Испании, Финляндии, Дании, Чехии и Греции радикально настроенная молодежь провела массовые демонстрации против мигрантов. Многие протесты переросли в погромы и столкновения с силами правопорядка [5]. Так, 2 сентября 2016 г. в Германии «левые» провели акции против принятия закона, регламентирующего рынок труда, в том числе, размер минимальной зарплаты для беженцев и исключение мигрантов в ЕС из системы соцобеспечения. «Около тысячи человек приняли участие в утренней блокаде Минтруда в Берлине. Во второй половине дня в городе прошли многочисленные акции, в настоящее время на Александерплац идет митинг против грязной сделки между Турцией и ЕС в вопросе о беженцах, здесь присутствуют около 800 человек», — заявила официальный представитель движения Blockupy [6]. В феврале 2016 г. акции протеста против исламизации прошли в 14 городах Евросоюза. Организатор протестов — немецкое антиисламское движение PEGIDA (Патриотические европейцы против исламизации Запада) вместе с другими аналогичными инициативами запланировали демонстрации «против исламизации Европы» под лозунгом «Крепость Европа» [7]. Так или иначе, сам феномен ближневосточных беженцев в

ЕС суггестивно отсылает европейцев к «Великому Ужасу», во времена революции ассоциировавшемся с картинами из книги Апокалипсиса [8, с. 66].

Миграционные процессы начала XXI века ознаменовались повышенным индексом не только внутренней, но и внешней миграции [9, с. 159; 10, с. 215], которые отражаются на языковом и социальном поведении личности мигранта [11, с. 144; 12]. Одним из наиболее важных факторов является трудовая миграция [13; 14], данный аспект особенно актуален в условиях прозрачности границ, провоцируя этнополитическую и социокультурную нестабильность государства [15].

Миграция в Германию остается весьма актуальной темой с восьмидесятих годов XX века, однако особенно данная тема обострилась в связи с массовым притоком мигрантов и беженцев из стран Ближнего Востока в середине второго десятилетия XXI века. Феномен социально-языкового поведения личности мигранта в ситуации внешней миграции в Германию заслуживает отдельного рассмотрения. Актуализирует данную проблему усиление негативного коннотата в современном электронно-информационном дискурсе освещения фактов и событий [16, с. 3].

В основу нашего исследования легли эмпирически собранные образцы поведения языковой личности трудового мигранта в Германии, статистика по результатам деятельности учебно-образовательного центра «Нельсен» в Северной Рейн-Вестфалии, в г. Вупперталь (Германия), официальные источники. Ни для кого не секрет, что Германия испытывала и испытывает мощные миграционные нагрузки, поэтому здесь были разработаны специальные программы по адаптации мигрантов. Первоначально эти программы были ориентированы на немцев-«возвращенцев», членов их семей, а позже, на трудовых мигрантов, не имеющих генетических связей с Германией.

Европейский союз дал возможность гражданам государств-участников активно участвовать в экономической, культурной, трудовой жизни стран, которые подписали Шенгенское соглашение о безвизовом пространстве, данная возможность была юридически закреплена и расширена Амстердамским и Лиссабонским договорами о Европейском союзе.

Стабильная экономика, рост производства и создание новых рабочих мест в Германии привлекают гастарбайтеров из различных государств. Сначала немецкое общество испытывало страх перед наплывом дешевой рабочей силы из близлежащих государств (прежде всего, Польши,

Португалии, Греции, Украины, Литвы, Эстонии, Латвии). В результате в этих странах изучение немецкого языка стало приоритетным среди взрослого населения, которое имеет иммиграционные установки.

Согласно данным официальной статистики Федерального ведомства по делам миграции и беженцев, в период с 2005 год по 2010 год на территорию Германии прибыло более 6 миллионов гастарбайтеров, из них 38 % прибыло из стран Восточной Европы (Польша, Болгария), 26% из стран Западной Европы (Италия, Испания), 24% из стран Африки (Марокко, Алжир, Конго), 12% из Турции. Такой пестрый состав мигрантов заставляет немецкие власти взвешенно подходить к языковой и социокультурной адаптации современных трудовых мигрантов.

Первой и самой главной проблемой, с которой сталкиваются иностранные рабочие – язык принимающего государства, в нашем случае – незнание немецкого языка в том объеме, который необходим для осуществления трудовой деятельности. Перед государством встал вопрос – как определить тот минимум, который необходим для осуществления трудовой деятельности и где данный объем изучить. Учитывая ежегодно возрастающее количество мигрантов, высокий спрос на курсы изучения немецкого языка и не справляющиеся с потоком «народные институты», решение данной проблемы было поручено Федеральному ведомству по делам переселенцев и беженцев. Решение было найдено достаточно быстро, потому что в основу новой модели лег опыт работы институтов Гете, которые долгое время представляют немецкий язык, как за рубежом, так и внутри Германии. Изучив накопленный опыт, принимая во внимание рекомендации Совета Европы по изучению иностранных языков (Европейские система уровней владения иностранным языком), были запущены так называемые интеграционные курсы для иностранцев, желающих жить и работать на территории Германии. Центр «Нильсен» также ориентирован на языковую и социальную адаптацию взрослых трудовых мигрантов. После окончания обучения студенты сдают специальные экзамены, результаты которых позволяют продолжить им дальнейшую интеграцию в немецком обществе. Без наличия таких сертификатов на знание немецкого языка (уровень B1-B2) мигранты не имеют права на работу.

Интеграционные курсы относятся к так называемым проектам с «низким пороговым уровнем», то есть доступны всем, кто желает выучить немецкий язык и пользоваться им в повседневной жизни и в трудовой

деятельности. Данные курсы финансируются государством, поэтому пользуются повышенным спросом среди иностранцев. Для более эффективного изучения курсы делятся на курсы для аналфabetов, общие интеграционные курсы, родительские курсы, курсы для молодежи. Для «почтовых невест», вышедших замуж за немцев и не владеющих немецким языком, на государственном уровне также открыты специальные курсы «Немецкий для мамы». На общих и молодежных курсах язык изучается в течение 600 академических часов, на родительских курсах и курсах для аналфabetов – 900 академических часов. Курсы проводятся ежедневно, кроме выходных. За один учебный месяц выдается 100 академических часов, таким образом, учеба не занимает много времени и дает возможность для мобильности. Изучение немецкого языка начинается с уровня А 1 (уровень для начинающих, низшая ступень владения языком) и заканчивается уровнем В 1, реже уровнем В 2 (уровень для продолжающих, средняя ступень владения языком). По окончании курса сдаются экзамены и выдаются сертификаты. За период с 2005 года услугами интеграционных курсов воспользовались более 3 миллионов иностранцев, каждый год число желающих возрастает на 15-20%.

По национальному составу учащиеся:

28% турки, 10% из стран Ближнего Востока (Сирия, Иран, Ирак), 40% славяне (как восточные так и западные), 12 % страны Африки (из них 7% франкофоны), 8% Западная Европа (Испания, Греция, Италия), 2% страны Азии (Китай, Шри Ланка, Вьетнам).

Перед началом курса: аналфabetы 9%, элементарные знания (А1.1) – 85%, уровня А 2 – 6%. Первый контрольный срез после 3 месяцев обучения: уровень А1 – А2 – 94%, , уровень А2-В1 – 6%. Экзамен после 6 месяцев обучения: уровень В1-86% (при требовании Ведомства 62%), уровень А 2 – 14%. Аналфabetы входят в это число.

Перед началом курса: количество орфографических ошибок на 30 слов письменного текста – до 60 ошибок, в середине курса: до 32 ошибок, в конце курса: до 19 ошибок.

Интонарование – интерференция родного языка на немецкий язык: в начале курса до 60%, в середине курса до 30%, в конце курса до 25%. Ошибки в произношении: начало курса (текст на 30 слов) – до 75%, в середине курса до 40%, в конце курса до 15%.

Изучение языка на интеграционных курсах имеет очень хороший эффект. Состав учащихся является гетерогенным, основной возраст уче-

ников от 18 до 55 лет. Не смотря на то, что ученики являются взрослыми, сложившимися и сформированными личностями, они испытывают неосознанный страх «быть отвергнутыми» в принимающем сообществе. В ходе обучения эти учащиеся прорабатывают свои психологические барьеры и страхи, что позволяет провести более успешную социокультурную адаптацию их в немецком обществе. Однако нельзя утверждать, что все находятся в равных условиях, статистика показывает, что в группах, где преподают немцы, экзамен сдают ниже минимума в 62%, но в целом успех не зависит от национальности преподавателя. Таким образом, трансформация личности трудового мигранта в Германии затрагивает все пласты его психики. Кроме того, этот процесс относится к сознательному моделированию личности мигранта на государственном уровне, что позволяет оценивать такую работу как высокоэффективную и перспективную. Ментальная и «языковая картина современного носителя языка подвергается существенным трансформациям. Все это приводит к необходимости изменения стратегий к обществу и окружающему миру» при обучении современных мигрантов [17, с. 791], к выработке новых основ для адаптации интеграции мигрантов в контексте национальной безопасности и профилактики этнолингвоконфликтогенных ситуаций.

Литература и источники

1. Карабулатова И., Мкртумова И., Поливара З., Ахметова Б., Галиуллина С., Лоскутова Е., Абылкасымов Е. Протестное поведение современной российской молодежи как этносоциальная девиация в ситуации этнополитической конфликтности// Центральная Азия и Кавказ. – 2016, Т. 19. – №2. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.ca-c.org/journal/2016/journal_rus/cac-02/11.shtml (дата обращения: 1.09.2016).
2. Мкртумова И., Досанова А., Карабулатова И., Нифонтов В. Коммуникационные технологии противодействия политико-религиозному терроризму как этносоциальной девиации в современном информационно-электронном обществе // Центральная Азия и Кавказ. – 2016, Т. 19. – №2. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.ca-c.org/journal/2016/journal_rus/cac-02/06.shtml(дата обращения: 1.09.2016).
3. Письменная Е.Е., Рязанцев С.В., Карабулатова И.С., Томайлы А.Е. Алкогольные девиации российского общества и социально-экономический кризис второго десятилетия XXI века// Социально-экономические

и гуманитарно-философские проблемы современной науки. – Москва: Уфа: Ростов-на-Дону, 2015. – С.154-158.

4. Карабулатова И.С. Мультилингвизм евразийской языковой личности нового типа в эпоху глобализации как геополитическая проблема // *Filologicke vedomosti*. – 2016. – №1. [Электронный ресурс]. – URL: http://sociosphera.com/filologicke_vedomosti/filologicke_vedomosti_1_2016/ (дата обращения: 1.09.2016).

5. Погромы в Европе – граждане протестуют против мигрантов. [Электронный ресурс]. – URL: <http://dosie.su/obshchestvo/19055-pogromy-v-evrope-grazhdane-protestuyut-protiv-migrantov.html> (дата обращения 03.09.2016).

6. Десятки человек задержаны, ранены полицейские и активисты в ходе протестов в Берлине. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.bfm.ru/news/332624> (дата обращения 03.09.2016).

Устные источники и их значение в современных исследованиях

Крапоткина И.Е.,
г.Елабуга (Россия, Татарстан)

*Статья выполнена при финансовой поддержке РГНФ
№15-04-00011а «Язык и культура русских немцев в миграции:
проблемы самопрезентации и самоидентификации».*

Все события, происходящие в обществе, находят непосредственное отражение в истории. Задача исследователя-историка – объективно интерпретировать факты, анализировать события и явления социально-экономической, общественно-политической, культурной и духовной жизни. К настоящему времени происходит переосмысление теоретических концепций, модифицируются методологические основы исторической науки. На первый план вышли проблемы междисциплинарного характера. Исследователи пересматривают и обновляют сложившиеся концепции, ориентируясь на современные достижения исторической науки.

В междисциплинарных исследованиях историки отдают предпочтение культурологическому подходу, определяя его суть как включение историографического знания в контекст сложившегося типа эпохи во всех его проявлениях: устроение общества, психологическая среда, менталитет, стиль мышления, литература, язык [1, с. 223].

Понимание происходивших и происходящих исторических процессов выступает методом познания, который выражается как «вчувствование», «вживание», «погружение» в эпоху. В свою очередь, «вчувствование» сводится к высказываниям, имеющим доказательную силу. Высказывания о чувствах и переживаниях обладают фактической значимостью. Понять – значит максимально полно представить и интерпретировать исторические факты, попытаться воссоздать некогда происходившие события и явления.

В качестве примера можно привести те научные темы, которые стали актуальными для исследователей в последнее время – это социокультурная среда, повседневная жизнь человека, восприятие народонаселением мировых и локальных конфликтов, ценностные ориентиры общества и т.п. Изучение данных научных проблем позволяет показать, какие новые подходы применяют учёные к анализу исторических процессов, каким образом они могут повлиять на процессы современности. На пер-

вый план выходит понимание сущности новейших методологических подходов, выработанных разными историографическими школами.

Исторические источники, в частности, устные свидетельства, раскрывают всё многообразие и многогранность исторического процесса. Благодаря способности «вчувствования» со стороны исследователя в определённую ситуацию, источник позволяет определить историческую реальность во времени и в пространстве, помогает выявить специфику реальности, показать её закономерность и уникальность. Российский историк-востоковед Е.В. Рашковский отметил, что смысл истории связан «с готовностью встретить и осознать сопричастный происходящему через нас историческому времени опыт ..., который может быть пережит и в минуты невзгод, и бездны мрачной на краю, и в минуты любви и самоотдачи, и в минуты творческого самоуглубления» [2, с. 5-6].

Особое внимание современными исследователями уделяется новому прочтению исторических источников, большое значение приобретают устные свидетельства. Один из надёжных источников, позволяющий запечатлеть свидетельства очевидца или непосредственного участника исторических событий – это беседа или интервью. Использование и накопление устных источников способствует развитию такого направления современных исторических исследований, как устная история (oral history).

В рамках реализации исследовательского проекта «Язык и культура русских немцев в миграции: проблемы самопрезентации и самоидентификации» ведётся запись бесед с потомками российских немцев, проживающих в Поволжье. Филологи и историки стремятся выявить, насколько потомки русских немцев сумели сохранить собственную идентичность, язык и культуру, каким образом они позиционируют себя в социокультурной реальности.

Идентификация человеком себя и презентация себя другим являются важнейшими условиями коммуникации и совместной деятельности людей. Исследователи обнаруживают, что всё большее число людей в настоящее время испытывают затруднения процесса самоидентификации [3, с. 37].

Общаясь с человеком, мы узнаём о событиях, прошедших десятилетия назад. То, как говорят потомки российских немцев, какие речевые обороты используют, какими терминами оперируют, – всё это следы эпохи предыдущих поколений. Потомки российских немцев, приехав-

шие осваивать российское пространство во второй половине XVIII в., в настоящее время стали носителями уходящей культуры. Поэтому устные свидетельства являются необходимым источником для изучения истории конкретных людей и целых народов с их опытом и характером поведения, обусловленными многовековыми традициями и культурой.

То, что говорят представители народа о себе, является важнейшим историческим источником. При этом важно не столько зафиксировать информацию, предоставленную информантом, сколько услышать, как говорят носители языка [4, с. 25]. Интерпретируя устный источник, исследователь может дать ту трактовку, какую сумел прочувствовать, насколько глубоко смог понять эпоху и её героев, уловить их настроение. Возросшее внимание историков к фактам, которые могут дать свидетельства простых людей, чей жизненный опыт в большинстве своём не был представлен в письменных источниках, даёт возможность показать историю «снизу», так, как её видят и чувствуют представители разных социальных групп, профессий, религий, этнической и национальной принадлежности. Свидетельства простых людей позволяют показать субъективный мир человека, его индивидуальные образы тех исторических фактов и событий, с которыми ему пришлось столкнуться в силу определённых обстоятельств, той исторической реальности, в которую он был погружён. Английский историк П. Томпсон отмечает: «С помощью устной истории мы узнаём людей такими, какими они сами представляют себя, мы видим вещи (конкретные предметы, события, места) через внутреннее мировосприятие каждого человека как непосредственного участника исторического процесса» [5, с. 20].

Привлекая для исследования устные исторические источники, мы можем показать, каким образом шло формирование индивидуальной, коллективной и общенародной исторической памяти. Стремление человека сохранить память о себе для последующих поколений – это важнейшая социокультурная функция истории. Именно её позволяют реализовать устные исторические источники.

Как сумели представители российских немцев передать своим потомкам знание, накопленное поколениями? Ответ на этот вопрос кроется, прежде всего, в устной традиции семейной истории. Интерпретация беседы и интервью, взятые у участника или свидетеля исторических событий, наблюдение за его поведением передают внутренний мир человека, выявляют его ценности, стереотипы, показывают страхи и надежды, что

в целом позволяет найти ответы на вопросы об особенностях мировоззрения человека.

Таким образом, современная историческая наука вышла на качественно новый уровень теоретического и методологического переосмысления фактического материала. Стимулом к возникновению новых направлений исторических исследований является изучение опыта, накопленного современниками, разнообразие методов и приёмов научного познания, междисциплинарный синтез. Открываются новые темы и сюжеты, ширится интерес к преимущественно частным историческим «микромирам», «малым областям», в центре которых стоит отдельный человек или представители отдельной группы населения, и всё, что их окружает. Устная история позволяет раскрыть всю глубину историко-культурных и социокультурных явлений и процессов, затрагивающих отдельного человека и общество в целом. Устные источники и свидетельства, как явления истории и культуры, позволяют осуществить самоидентификацию целой народности, в нашем случае российских немцев.

Литература и источники

1. Современная историография новейшей истории России и истории СССР / Под ред. В.И. Меньковского. – Минск: РИВШ, 2007. – 232 с.
2. Рашковский Е.Б. Профессия – историограф: Материалы к истории российской мысли и культуры XX столетия. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. – 250 с.
3. Лысак И.В. Особенности самоидентификации человека в условиях современного общества // Гуманитарные и социально-экономические науки. – Ростов н/Д : Изд-во Северо- Кавказского научного центра высшей шк.– 2008. – №6. – С. 37-42.
4. Богданов В. От Геродота до Интернета. – Москва: Весь Мир, 2014. – 208 с.
5. Томпсон П. Голос прошлого. Устная история / Пер. с англ. – Москва: Весь Мир, 2003. – 368 с.

Время, люди и судьбы: Фрида Оскарловна Семенова

*Кудрявцева Е.Л.,
г. Гюстро (Германия)*

Начну свой рассказ, с того, что, по сути, подтолкнуло к написанию этого небольшого документального эссе: с рассуждения о жизни, смерти, человеке и памяти. Люди, прийдя на эту землю, рано или поздно уходят в небытие... Документы, просуществовав под слоями пыли и бумажного хлама чуть долее своих хозяев, уничтожаются... Могилы, оплаканные, но не оплаченные (суровая проза жизни в Европе), срываются. Безликое будущее надвигается на подрастающее поколение. Но в то же время, будущее без прошлого обречено: на утрату корней и нестабильное существование на земле, на повторение ошибок и стагнацию, движение по замкнутому кругу вместо развития. И именно во имя наших детей, их будущего – эта статья: в память о Человеке и его Добрых Делах.

О главном враче Цюрихской детской больницы, Фриде Оскарловне Семеновой, я услышала от Валерии Флориановны Даувальдер, дочери эмигрантов первой волны. Попытка разыскать официальные документы ни к чему не привела: в клинике, которой Фрида Оскарловна отдала большую часть жизни, строго следовали букве закона, когда в конце 70-х годов XX века (после смерти Фриды Оскарловны, с целью соблюдения прав личности на частную сферу и за неостеробованностью документов отсутствовавшими у нее потомками) сжигали все связанные с ее именем бумаги. Память же Валерии Флориановны и других опрошенных русскоязычных жителей Цюриха сохранила немного, но я считаю своим гражданским долгом передать эти крупинки дальше: если не в вечность, то хотя бы в души новых поколений врачей.

Фрида Семенова, жена известного московского психиатра, приехала в Швейцарию в 1918 году вместе с баронессой Корф на отдых. Несколько месяцев спустя у нее родился сын, воспитанию которого решили посвятить себя обе женщины. Но жизнь готовила им тяжелейшие испытания: в первые дни революции в Москве был расстрелян муж Фриды Оскарловны, денег на жизнь за границей катастрофически не хватало, а о возвращении в новую Россию нечего было даже и думать.

Решение принимает старшая из двух – баронесса Корф: Фрида должна закончить цюрихский университет и получить диплом врача, а материальное благосостояние семьи – дело баронессы Корф. Так и получилось: баронесса пошла посудомойкой и уборщицей в небольшие ресторани-

ки, а Семенова смогла заняться самообразованием. Спустя несколько лет Фрида Оскарловна блестяще защитила диплом, получив право врачебной практики в кантоне Цюрих. Счастливая, она спешит сообщить об этом подруге и сыну, не зная, что за порогом дома ее ждет ужасное известие: мальчик, играя, выпал из окна квартиры и разбился.

Смерть ребёнка заставила молодую женщину по-новому взглянуть на мир: исчез последний след на земле ее мужа, последняя ниточка, связывавшая ее с Россией была порвана. И тогда она решает посвятить себя спасению чужих детей. Сегодня трудно представить, сколько эмигрантов и коренных швейцарцев звали доктора Семенову в самые трудные минуты, умоляя сохранить жизнь своим малышам – сотни, тысячи... В начале 1950-х годов она (первый и до сих пор последний русскоязычный по происхождению специалист) занимает пост главного врача детской больницы кантона Цюрих и продолжает работать не покладая рук.

Валерия Флориановна Даувальдер, одна из тех благодарных мам, в личной беседе со мной, вспоминает о знакомстве с Фридой Оскарловной: «Она не знала даже самого слова «усталость»: вставая в семь утра и ложась далеко за полночь. Доктор Семенова несла тяжелейшую ношу ответственности за чужие судьбы. Я никогда не видела ее раздраженной, никогда не слышала слов отказа. Фрида Оскарловна научила меня, да и многих неопытных молодых мам, растерявшихся перед чудом рождения ребенка, всем премудростям – пеленания, кормления, купания... Быту и бытию...».

Что такое архив? Прежде всего – свидетельство существования человека на земле. Его след. Но не важнее ли бумаги – людская благодарность? Дети, узнавшие тепло рук и сердечность доктора Семеновой, «мамы Фриды», давно сами стали матерями и отцами, дедушками и бабушками. И сегодня они как много лет назад говорят ей «Спасибо» так, как умеют и как помнят... И их память стирает границы, преодолевая пространства и время...

Опубликовав этот скромный материал под названием «Архивы, которых нет: Семенова Фрида Оскарловна» сначала в моментально ставшем раритетом сборнике «Твой знак пред жизнью – вереск гор...»: Архивы русской эмиграции в Швейцарии [4], а затем в 2014 году по многочисленным просьбам коллег и читателей – в составе того же сборника на сайте «Журнал «Самиздат»», – я не надеялась на широкий общественный резонанс.

Но, к моему счастью, эта история (как и многие другие из данного сборника) получила продолжение: новые страницы биографии Фриды Оскаровны стали мне известны самым неожиданным образом. Примерно через год после публикации материалов в открытом доступе на портале «Самиздата» я получила письмо от Петра Григорьевича Назарова, доктора медицинских наук, профессора, руководителя отдела иммунологии Института экспериментальной медицины (г. Санкт-Петербург). Приведу его практически полностью, дабы не исказить никоим образом полученную от него информацию о новых для меня фактах биографии Фриды Оскаровны и истории ее семьи: «Уважаемая Екатерина! Роясь в интернете, ища из месяца в месяц «Гартох Оскар», «Гартох Эльза», я сегодня набрал для разнообразия имя другой его сестры «Фрида Семенова», и тут же увидел Ваш рассказ «Архивы, которых нет: Семенова Фрида Оскаровна», который немедленно прочел. Уже по названию понял, что эта та Фрида, которую я давно ищу – Генриетта (Фрида) Семенова, род. 01.12.1881, ум. 01.01.1973; до замужества – Гартох (Semenoff, geb. Hartoch Frieda (Henrietta)), родившаяся в Петербурге, дочь Оскара Гартоха, промышленника.

Лет 15 я собираю материал для книги о ее брате – Оскаре Оскаровиче Гартохе (1882-1942). Это был крупный русский и советский ученый, микробиолог, профессор Института экспериментальной медицины в Петербурге-Ленинграде. При советской власти его трижды арестовывали и на третий раз не выпустили, он погиб в тюрьме в Саратове. Сам я работаю в том же институте и даже практически в созданном О.О. Гартохом научном отделе (правда, за прошедшие годы название отдела претерпело не одно изменение). И специальность моя практически та же. Мне 69 лет. Каждый год я думаю: хватит собирать материал, пора писать. Начинаю писать, но появляется что-нибудь новое, захватывающее, и я начинаю снова рыться и искать.

Ваш рассказ сразил меня наповал. Я знал только, что Фрида Семенова, получая паспорт США в 18 лет, была ростом 5 футов и 2 дюйма, имела карие глаза и была шатенкой; что в Цюрихе всю жизнь жила на Hofwiesenstrasse, 26; что рано потеряла сына, что окончила медицинский факультет и работала педиатром и была хорошим врачом, что ей посвящен рассказ «Баба» швейцарской писательницы Урсулы Ислер, ее бывшей пациентки (Ursula Isler: сборник «Pique-Dame und andere Gaste», 1979). Знал название защищенной ею в 1923/24 году докторской диссер-

тации («Ueber die Urobilinausscheidung und die Benzaldehydreaktion im normalen und pathologischen Harn»). Знал, что Фрида потеряла мужа; они были в разводе с Сергеем Семеновым с 10.02.1911. Но не знал, что С. Семенов погиб. Знал, что в 1926 Фрида получила гражданство Швейцарии.

Но я никак не ожидал, что рассказ об Фриде может появиться на русском языке.

Ее брат Оскар не эмигрировал из России, хотя в 1920-е годы часто бывал в Германии, и ему предлагали хорошее место в хорошем институте во Франкфурте-на-Майне.

У меня к Вам масса вопросов...»

Пожалуй, здесь я остановлюсь. Для меня это письмо сродни глотку свежего воздуха: это подтверждение необходимости подобных публикаций (причем, именно в открытом, бесплатном доступе, а не в дорогих малотиражных изданиях); важности изучения архивов (и их доступности для широкого круга интересующихся специалистов, а также их сохранения теми и там, где они возникли – перемещение и уничтожение архивов часто равноценное явление, т.к. они становятся ненаходимы для специалистов) и глубокой, постоянной работы с респондентами (уходя в лучшие миры, люди уносят с собой паззлы, которые могли бы сделать более яркой, четкой, истинной картину прошлого как России, так и мирового сообщества).

И, вместо заключения, еще ряд размышлений, уже не на индивидуально-личностном, а на более широкоохватном уровне: внутри- и межгосударственном. Чем были и остаются по сей день для нас Первая и Третья волна эмиграции из России? А если смотреть еще шире, то все волны миграции, начиная с масштабных потоков времен Екатерины Великой с территорий нынешней Германии, Австрии, Швейцарии – в Россию. И не заканчивая реэмиграцией русских немцев в Германию в 1990-2000-ые годы. Это не только школа миграционно-интеграционных процессов, недостаточно глубоко изученных по сей день (ибо большинство исследователей сосредотачивается на лингвистических или социально-политических аспектах, не видя за ними целостной картины преобразования личности поколений мигрантов и их потомков). Это не столько история становления и развития русскоязычных диаспор (а говорить о единой диаспоре – разнонациональной, разносоциумной, ... – сегодня не только неверно, но и не соответствует реалиям ее существования в странах рассеяния). Это, прежде всего, «отзеркаливаемая» каждым новым поко-

лением история (с ее бесценной практикой!) создания и ведения: русскоязычных в мире и немецкоязычных в России образовательных и общественных организаций (союзов, по принципу землячеств); сохранения и передачи по наследству объектов и информации, способствующих как интеграции новых поколений в общество страны пребывания, так и их самоидентификации (или отказу от оной) со страной и культурой исхода предков. Это – быт и бытие как школа креативности (в полном соответствии с учением Э.П. Торренса и его последователей); как развитие личностей нового времени в новых условиях: дву- и многоязычия и поликультурности окружающего сообщества. Наша задача как исследователей, как представителей этих диаспор в мире – научно обосновать свои наблюдения и распространять свои знания. Потому что, как и Фрида Оскаровна, как и все эмигранты, по Д. Мережковскому, «мы не в изгнании, мы – в послании» [цит. по: 1].

Литература и источники

1. Гуль Р. Я унес Россию: Апология эмиграции: В 3 т. / Предисловие и развернутый указатель имен О. Коростелева. – Москва: Б. С.Г.-ПРЕСС, 2001. – 1576 с.
2. Кудрявцева Е. История двух частных архивов, содержащих документы, связанные с деятельностью Русской Православной Церкви за рубежом (Швейцария, Германия) // Архивы Русской Православной Церкви: Пути из прошлого в настоящее. – Москва: РГГУ, Историко-архивный институт, 2005 – С. 123-130.
3. Кудрявцева Е.Л. «Уходящий берег Крыма я запомнил навсегда...»: История первой волны русской эмиграции на экране: Рабочая тетрадь. – Aachen: Shaker-Verlag, 2007. – 290 с.
4. Кудрявцева Е.Л. Архивы, которых нет: Семенова Фрида Оскаровна // Твой знак пред жизнью – вереск гор...»: Архивы русской эмиграции в Швейцарии. Авт.-сост. Е.Л. Кудрявцева. – Москва: Элит-Клуб, 2003. – 632 с.

А.Х. Востоков и его вклад в историю русской словесности

*Разживин А.И.,
г.Елабуга (Россия, Татарстан)*

Открывая страницы истории России начала XIX века, мы обнаруживаем там среди первого поколения людей нового века («...дней Александровых прекрасное начало») немногим известное ныне имя поэта и ученого Александра Христофоровича Востокова (1781-1864). При рождении получивший имя Александр-Вольдемар Остенек, он был внебрачным сыном немецкого барона Х.И. Остен-Сакена. Родился в Арнсбурге, в детстве был привезен в Петербург и воспитывался дядей, состоявшем на службе при дворе. Окончив в 1800 г. Академию художеств, он, однако, выбрал для себя иной путь, посвятив свою долгую жизнь исследованию славянских языков. О том, сколь значим его вклад в науку о языке, можно судить из сравнения, к которому обратился В.И. Срезневский. Он писал о том, что говорить об истории филологической науки «без упоминания о Востокове так же странно и невозможно, как говорить об истории русской литературы, не упоминая о Пушкине» [5, с.1]. Между тем, нельзя говорить и о русской литературе XIX века, не помятуя о том вкладе, который внес в литературу Востоков. Наши представления о путях развития лирической поэзии первой трети XIX века без осознания его художественного творчества были бы неполными. Он не был звездой первой величины в плеяде поэтов того времени, но в его поэзии отразились все те сложные процессы художественного мышления, которыми характеризовался русский предромантизм.

Востоков оставил научные труды по теории литературы, устному народному творчеству, древней русской литературе. Его филологические познания были необычайно широки, они базировались на глубоком знании истории славянских народов, их языков, религии, мифологии, этнографии. Особую славу принес Востокову его труд «Рассуждение о славянском языке», в котором были подведены итоги лингвистического спора карамзинистов и шишковистов по вопросу об отношении русского языка к старославянскому и положено основание славянской филологии как научной дисциплины. В «Рассуждении» Востокова впервые ставилась проблема сравнительно-исторического изучения русского языка. Из других ученых трудов Востокова наибольшей известностью пользуются «Описание русских и славянских рукописей Румянцевско-

го музея», в течение долгого времени служившее основным источником сведений о древней письменности, образцовое издание «Остромирова Евангелия», две «Русские грамматики» - «пространная» и «краткая», первая выдержала при жизни ученого девять изданий, вторая – одиннадцать, двухтомный «Словарь церковно-славянского и русского языка», «Опыт областного великорусского языка».

Востоков много занимался народной словесностью. Эти исследования были реализованы в «Опыте о русском народном стихосложении» (1-е изд. 1812 г., 2-е изд. 1817 г.), который явился первым глубоким теоретическим обоснованием системы русского народного стихосложения. Интерес Востокова к народному творчеству сформировался в атмосфере «Вольного общества любителей словесности, наук и художеств». Вступив в «Общество» в 1801 г., он сразу же приступил к записи песен, пословиц, других жанров русской старины. В значительной степени поводом к этому явился выход в свет «Древних российских стихотворений» Кириши Данилова.

В 1810 г. он обратился в «Общество» с «Запиской» об издании русских народных песен. Это была одна из первых попыток применения научного метода в издании русских фольклорных памятников. До Востокова подобное издание в конце XVIII в. было осуществлено Н.А.Львовым. Примечательно, что эти тексты были переложены на музыку И.Прачем. Большую ценность представляло теоретическое вступление, содержащее эстетическую оценку русских народных песен, их значение для постижения народного характера.

Востокову принадлежит попытка систематизировать народную поэзию. В своей «Записке» он сообщал, что давно занимается собиранием русских народных песен и намерен издать их в новом систематическом порядке. При систематизации материала он разрабатывает собственную классификацию, выделяя «разряды» обрядовых, любовных, застольных, шуточных, былевых, страннических, разбойничьих, военных песен. Позднейшие классификации песен вплоть до современных не во многом расходятся с востокской. Ученый намеревался заняться собиранием пословиц, желая издать их вместе с песнями, чтобы представить читателям не только поэзию, но и философию русского народа, сопроводив труд рассуждением о русском стихосложении.

«Цвет русской поэзии и русской философии» (рабочее название) не был издан Востоковым, но работа над ним помогла ему глубже вникнуть

в проблему русского народного стихосложения. В результате его разысканий вырисовывалась целостная и динамичная картина русского стиха, самобытного культурного феномена, впитавшего в себя традиции многих иноязычных версификаций – античной, византийской, церковно-славянской, польской, немецкой, итальянской. Изучение народного стиха требовало специфического теоретико-методологического подхода. Востоков нашел его, впервые, как и в языкознании, применив историко-сравнительный метод.

Помимо научной деятельности Востоков сорок лет своей жизни отдал гражданской службе. С 1801 г. в течение двадцати лет он был переводчиком в Комиссии составления законов, совмещая должности помощника хранителя рукописей в Публичной библиотеке, позднее – помощника секретаря в Департаменте духовных дел, с учреждением в 1828 г. Румянцевского музея был назначен его хранителем, принимал активное участие в реорганизации Академии Наук, многие годы был членом Комитета правления Академии.

Более чем полувековая научная деятельность заслонила в памяти потомков Востокова-поэта и литературоведа. А в сознании современников поэзия Востокова была явлением весьма заметным, он был непререкаемым авторитетом в вопросах литературного мастерства и эстетического вкуса. Да и позже Кюхельбекер, Пушкин достаточно высоко ценили его «Опыты лирические». «В его творчестве, – как справедливо указал В. Орлов, – наиболее отчетливо проявились связанные с опытами Радищева новаторские художественные тенденции, в основе которых лежало стремление создать новую как по содержанию, так и по стилю поэзию гражданских чувств и философской мысли» [3, с.71]. Его поэзия органично вливалась в литературный процесс начала XIX века, когда в художественном сознании поэтов и мыслителей возникали проблемы народности и национальной самобытности русской литературы. Востоков сумел сказать здесь новое слово.

В первое десятилетие XIX века Востоков очень увлекался поэзией, которая была для него откровением, пожалуй, единственной возможностью общения с миром. К поэзии он относился серьезно, она – отзвук его чувств, мыслей, идей, в ней все, о чем он «...в юности мечтал, Ведом надеждою отрадной, Что наконец и опыт хладный Иль опроверг, иль оправдал».

Первые печатные стихи Востокова увидели свет в 1802 г. В течение трех

лет он печатается в изданиях «Вольного общества любителей словесности, наук и художеств» - «Свитке муз» и в «Периодическом издании». В 1805-1806 годах выпускает двухтомное собрание своих произведений, назвав их «Опыты лирические и другие мелкие сочинения в стихах». Русские журналы «Любитель словесности» и «Вестник Европы» в 1806 г. откликнулись положительными отзывами. Один экземпляр «Опытов лирических» поэтом М.Н.Муравьевым был передан Александру I. Из кабинета Его Императорского величества Востоков получил за книгу бриллиантовый перстень. Этот жест, как оценки журналов, свидетельствовали об официальном признании Востокова как поэта.

После выхода «Опытов» Востоков печатается мало. Изредка стихи публикуются в журналах и альманахах «Талия» (1807), «Цветник» (1809-1810), «Санкт-Петербургский вестник» (1812), «Сын Отечества» (1812-1814). В 1821 г. Востоков вторично издаст дополненное собрание своих стихотворений и последний раз выступит печатно в 1825-1827 гг. с переводами сербских народных песен, которые он осуществит по просьбе друга Пушкина Антона Дельвига.

Востоков хорошо осознавал, что ученый не может исчерпывающе охватить многие области современного ему знания. Именно это обстоятельство ограничивало широту его интересов. Если в первые два десятилетия центром ориентации научных исследований была литература и фольклористика, что совмещалось с литературно-критической деятельностью, то впоследствии и до конца жизни он занимался исключительно языкознанием и занял в нем центральное место.

Вопрос о самобытной русской системе стиха, ее национальных истоках был актуален на протяжении всего XVIII века, начиная с реформы Тредиаковского-Ломоносова. Предложенная ими новая, более продуктивная система стихосложения, имевшая целью соотнести метрику с особенностями русского языка, не решала проблемы. Засилие книжных размеров – ямбов и хореев, с одной стороны, сужало возможности русской поэзии, с другой, - способствовало поискам теоретической мысли и направляло поэтические опыты русских поэтов к разработке оригинальной системы.

Неудовлетворенность традиционными формами стиха во второй половине XVIII века была высказана многими поэтами (Львов, Херасков, Радищев и др.). Но особенно остро этот вопрос был поставлен на рубеже

XVIII-XIX вв. и был связан с ведущей тенденцией русского предромантизма – интересом к народности и национальной самобытности литературы. Таким образом, «Опытом о русском стихосложении» Востоков откликался на потребности времени.

«Много говорили о настоящем русском стихе, - отмечал Пушкин, - А.Х.Востоков определил его с большой ученостью <i>и</i> сметливостью. Вероятно, будущий наш эпический поэт изберет его и сделает народным» [4, с.263].

Стиховедческая позиция Востокова была оригинальна и самостоятельна, хотя универсальной законченности она не приобрела. Тем не менее, его «Опыт о русском стихосложении» оказал значительное воздействие на ритмические искания в русской поэзии вообще. Вслед за Тредиаковским и Ломоносовым он связывает стихосложение с особенностями национального языка: «Стихосложение каждого языка сохраняет свои особенности даже тогда, когда подражает другим размерам» [1, с. 55].

Востоков разделил все известные ему виды русского стихосложения на три вида: «I. Стихосложение метрическое, в котором стихи по стопам слагаются... II. Стихосложение силлабическое или слогочислительное... III. Наконец, стихосложение тоническое, сочиняющееся по ударениям. К сему-то размеру, - писал он, - и принадлежат наши русские песни» [1, с. 3]. Термин «тонический стих» Востоков использует не в том смысле, который вкладывали в него в XVIII веке. Он связывал его не со стопными образованиями, а с равноударностью в стихе. В народном стихе он считает не стопы, не слоги, а «просодические периоды, т.е. ударения, по коим и должно измерять стихи старинных русских песен... Сказав, что в сем размере, - пишет Востоков, - слышны только два либо три долгих слога (т.е. ударения), разумеем мы под сим то, сто стих русский состоит их двух либо трех просодических периодов [1, с. 106]. В исследовании Востокова намечен новый методологический подход в изучении народного стиха в отличие от стопных концепций его современников.

«Просодический период» образуется, по мнению Востокова, благодаря выдвигению главного ударения и приглушению остальных. Новизна исследовательской позиции ученого состояла в том, что он разрабатывал методику не метрического, а интонационного анализа. Востоков подметил, что в стихотворной речи непременно появляется энклитика и проклитика и не учитывать интонации в анализе ритмики невозможно. В этом он был прав. Но отказавшись совершенно от поисков стоп в

народном стихе, он отказал последнему в стихийном стопообразовании, не заметил встречающейся в нем равносложности и тем самым не смог описать народный стих во всем его многообразии.

Просодические периоды он разделил на простые и сложные. Простой период – это взаимосвязанный ряд слов, в котором выделяется одно ударение (границы его 7-8 слогов), в сложном же периоде кроме главного слышно еще одно, слабейшее ударение. Народный стих, в свою очередь, Востоков разделяет на лирический (песенный) и эпический (сказочный). Отличия видит в следующем: «Главное свойство тех и других есть равночисленность ударений, но песенные стихи бывают притом по большей части равносложны и имеют (по больше части) порядок ударений не меняющийся..., в сказочных же изменяется как число слогов, так и порядок ударений» [1, с.107-108].

Любопытен тот факт, что для лирического стиха Востоков не довольствуется, как вытекало бы из его теории, определением числа ударений, а стремится определить слоговой состав и размещение ударений. То же самое происходило у Востокова и со сказочным стихом. Фактический материал заставлял его определять место сильного ударения. Назвав сказочный стих трехударным, он говорит: «Первое ударение сказочного стиха русского может переходить с 1-го слога на 2-й, и так далее, даже на 5-й слог. Второе и среднее ударение отдалено от первого по крайней мере одним кратким слогом, но может отделяться от оногo и 4-мя, 5-ю и даже 6-ю краткими, смотря по величине стиха. Третье или последнее ударение имеет непременно свое место на третьем от конца слоге: / – – (редко на 4-м / – – –). Таким образом, с тремя частями русский стих принимает более ста вариаций» [1, с.144-145].

Однако уже современники Востокова подметили (в частности, Цертелев), что его определения не характеризуют всего многообразия ритмики народного стиха. Если ритм стиха оценивать только с точки зрения числа ударений, то песни, разнообразные по ритму, могут оказаться ритмически однообразными. Поэтому счет ударений недостаточен для суждений о ритмике стиха.

Значительный интерес представляют его наблюдения о так называемых «стихотворных вольностях и фигурах» в народном стихе. Среди них он выделил: 1) передвижные ударения *девица - девица, серебро - серебро*; 2) наполнительные частицы: *А и конь под ним как бы лютый зверь*; 3) увеличение слогового объема («вставка в самые слова наполни-

тельных слогов для меры»), например: вместо «ым» - «ыим» - А и тем по-пам все соборным: 4) уменьшение слогового объема: «горючьми слезми» вместо «орючими слезами»; 5) усечение: «белу руку» вместо «белую руку».

«Пиитические вольности», т.е. вставки или пропуски слогов, вызванные, по наблюдениям самого Востокова, требованием сохранения «меры стиха», свидетельствуют о том, что эта «мера стиха» не ограничивается равенством ударений, но в какой-то степени включает и признаки слоговой организации. Следовательно, не только тонический, но и слоговой принцип должен учитываться при определении ритмики русского народного стиха.

Очевидно, эту необходимость осознал и сам исследователь, не случайно он неоднократно говорит о «мере стиха» и на протяжении всей книги пытается уловить какие-то закономерности в слоговом размещении ударений. Востоков верно подметил, что новейшие простонародные песни начинают приближаться к стопосложению, однако от поиска стопных образований в народном стихе отказался.

Связь с народным стихом он увидел в метрической организации «Ильи Муромца» Карамзина. Правда, он отмечал, что это стих песенный: «Новейшие авторы употребляли некоторые виды сего размера в качестве стихов стопосложных, чему первый подал пример Н.М.Карамзин своим «Ильей Муромцем» [1, с. 161]. Сказочный стих, по его мнению, более подходит для романтической поэмы во вкусе Ариосто или Виланда, поскольку он разнообразнее песенного.

Действительно, Карамзин, Львов, Херасков в своих произведениях, ориентированных на старину, использовали так называемый русский склад, найденный ими в народной поэзии. Это четырех- и пятисложные стопы с ударением на третьем слоге. Да и сам Востоков в своей поэзии прибегал к ним. В частности, поэма «Певислад и Зора» представляет собой яркий образец использования стопных народных образований. Дактилические окончания, закрепленность ударений на 3 7 слогах, пиррихии на 1 и 5 слоге, либо ослабление некоторых ударений – это тот комплекс ритмических приемов, которые ведут к образованию новых стоп в стихе с хореической основой:

Собирайтесь, люди киевски,
Перед Холм священный Боричев
Поклонитися богам своим

И почтить святую силу их
Благочестным приношением,
Пированием и тризнице...

Совершенно прав В.С. Совалин, отмечая, что Востокову «осталось будто немного, привести в порядок уже складывающуюся в народном стихе силлабо-тоническую систему русского стихосложения, располагающую иными стопами, нежели предложенными реформой Тредиаковского-Ломоносова. Но на этом поиски Востокова остановились» [2, с. 67]. Благодаря «Опыту» Востокова, как отмечает современный исследователь, в XIX веке «родилась традиция неоправданно широкой трактовки русской тоники, искажающая историческую перспективу и соотношение отнюдь не идентичных форм фольклорного и литературного стиха и, с другой стороны, устанавливающая между ними слишком абстрактную типологическую общность (на основе относительно равного числа ударений в каждом стихе)» [6, с. 267].

Востокову не удалось в полной мере описать ритмику и метрику народного стиха, Тонические принципы его организации несомненны, что подтверждается обилие того поэтического наследия, которое исследовал ученый. Но народный стих может быть и силлабо-тоническим: хореическим, дактилическим, в нем могут использоваться пеоны и пентоны, особенно их третьи вариации, народный стих может иметь и полиметрические композиции.

Тем не менее, заслуга Востокова велика. Он теоретически осмыслил то, о чем говорили многие поэты зарождающегося романтизма, стремящегося соотнести книжную поэзию с богатством форм народной культуры. Значение «Опыта» Востокова состоит еще и в том, что вопрос о русском народном стихосложении сделался научной проблемой. Вскоре появились работы Д.Самсонова «Краткое рассуждение о русском стихосложении», Н.Цертелева «О стихосложении старинных русских песен», Д.Дубенского «Опыт о русском народном стихосложении», П.Голохвастова «Законы стиха русского народного и нашего литературного», которые развивали учение Востокова, порой полемизировали, выступая последовательными защитниками стопной теории народного стиха, тем самым обогащая общую картину русского стихосложения.

Литература и источники

1. Востоков А.Х. Опыт о русском стихосложении. Репринтное воспроизведение издания 1817 г. – Казань: Наследие, 2002. – 192 с.
2. Касаткина В.Н., Михеева Т.С., Совалин В.С. Литературно-фольклорные истоки русской лирики первой трети XIX века. – Москва: МОПИ, 1989. – 87 с.
3. Орлов В.Н. Избранные работы: В 2-х т. – Ленинград: Художественная литература, т.1, 1982. – 365 с.
4. Пушкин А.С. Полн. собр. соч. т.11. – Москва – Ленинград: АН СССР, 1949. – 638 с.
5. Срезневский В.И. Первые сорок лет жизни и трудов Востокова. – Петроград: Типография Императорской Академии Наук, 1915. – 21 с.
6. Федотов О.И. Основы русского стихосложения. Метрика и ритмика. – Москва: Флинта, 1997. – 488 с.

Исторический экскурс проблемы миграции немцев в Россию XVII-XVIII вв. Манифест Екатерины II

Шевелина Г.А.,

г. Елабуга (Россия, Татарстан)

Статья выполнена в рамках реализации гранта РГНФ

*№15-04-00011а «Язык и культура русских немцев в миграции:
проблемы самопрезентации и самоидентификации».*

Сегодня вопрос о миграции народов по всему миру является одной из ключевых социальных проблем, приобретающей глобальные масштабы: «Увеличивающийся разрыв в уровнях экономического развития между отдельными странами и регионами мира, нестабильная политическая ситуация как внутри страны, так и за ее пределами, природные и техногенные катастрофы выдвинули международную миграцию населения в ряд важнейших глобальных процессов, в значительной степени влияющих на социально-экономическое развитие государства и мира в целом» [1, с. 77-78].

Среди подобных процессов особый интерес представляет проблема миграции немцев в Россию, поскольку это история двух народов, которая берет свое начало еще в XV-XVI вв. и нередко несет за собой страдания, но также и длительные периоды сближения, тесного культурного и общественного обмена.

В данной статье мы попытаемся рассказать о возникновении «немецкого вопроса», причинах и условиях вызова иностранцев в Россию.

Винфрид Зюсс в своей работе «Динамика связей России и Германии» выделяет 4 основных периода развития русско-немецких отношений: время правления Петра I, Екатерины II, первая половина XIX в., вторая половина XIX – начало XX вв. [2, с. 237-240].

1-ый этап – эпоха Петра I: предпосылки возникновения немецких колоний в России.

В этот период времени наиболее зримо представлены интегративные связи между Россией и Западной Европой. Они обусловили формирование в этих странах совершенно уникальных социокультурных ситуаций. Россия была в это время еще достаточно устойчивым, по сравнению с Западной Европой, феодальным государством. Однако идеи Просвещения затрагивают и эту страну. Выразителем просвещенческих интересов в России выступил Петр I. Его потребность изменить строй и уклад своей страны нашла благоприятную почву и отклик в Германии. На

примере социокультурных и образовательных связей, которые начинают устанавливаться в этот период, можно увидеть первые шаги к сближению двух стран. Для Западной Европы Петр I выступает как яркая фигура просвещенного монарха, а Россия – как страна распространения просвещенческих идей.

2-ой этап – век Екатерины II: становление и развитие немецких колоний.

В это время начинают возникать немецкие поселения, что стало возможным под влиянием, с одной стороны, социокультурной ситуации, которая сложилась в России и была чрезвычайно благоприятной для массовой миграции иностранцев; с другой – особой социокультурной ситуации в Германии, которая в этот период отставала в своем развитии, что способствовало иммиграции немцев в Россию.

В этот период просветительницей выступает сама Екатерина II. Россия на этом этапе исторического развития остается мощным самодержавным государством. Крепостничество в России удерживает крестьян при наделах своих помещиков, поэтому необходимо нахождение другого пути заселения и освоения богатейших пространств страны. Не желая ослабить крепостное право, царское правительство находит его: это путь заселения поволжского региона иностранными переселенцами. Несомненно, толчком были два манифеста Екатерины II о вызове иностранцев, особенно значимым из которых признается манифест 1763 года.

3-ий этап – первая половина XIX века: органичное вращение немецких колоний в жизнь русского общества.

Период времени с 1800 по 1860 г. характеризуется расширением и углублением связей двух государств. В России императором выступает Александр II. Весь этот период можно рассматривать как относительно стабильный в русско-немецких связях и отношениях. В это время (поскольку для дворян границы открыты) идет широкий обмен культурными идеями Западной Европы и России. Усиливается поток людей за рубеж, которые получают там естественнонаучное образование, а в российских университетах работают преподаватели из Германии.

На протяжении всего этого периода ситуация была благоприятной также для становления и развития немецких колоний: во-первых, в связи с общими тенденциями развития социокультурной и образовательной ситуации; во-вторых, уже существующие колонии доказали, что они

могут органично вписываться в культурную и хозяйственную жизнь страны и давать образцы высокого уровня быта свободных людей. Территория колоний расширяется, увеличивается их число, завязываются и укрепляются контакты с местным населением.

4-ый этап – вторая половина XIX – начало XX века: русификаторство как особая политика царского правительства в отношении немецких колоний.

В России этого времени общественность начинает интересоваться путями развития страны и нации. В этот период четко оформилось «западническое» направление интеллигенции и «славянофильское». Вследствие этого усиливается идея национального самосознания. Начиная с 1880-х годов, идет нарастание напряженности и во внешних связях России с Германией. Николай II принимает решение уравнивать немцев-колонистов с русским населением. По этому поводу можно выделить несколько документов, основанных на идее русификаторства, которые к началу XX века набирают силу. Например, законы 2 мая и 24 сентября 1881 года вводили русский язык как обязательный в церковных и колониетских школах.

Исходя из вышесказанного, отметим, что русско-немецкие отношения начинают значительно развиваться в эпоху Петра I, при этом основными причинами были идеи Просвещения. Переселение же иностранцев в Россию как колонистов, становление и развитие соответствующих поселений начинается именно в период царствования Екатерины II. В это время Российская империя одержала победу в войнах с Турцией, границы страны продвинулись далеко на юг – до северных берегов Черного и Азовского морей. Тем самым обширные территории с плодородными землями представляли собой безлюдную пустыню, а по берегам степных рек кочевали калмыцкие и киргизские племена. Следовательно, как подчеркивает Яков Дитц в своей книге «История поволжских немцев-колонистов», «истинными причинами вызова колонистов были: заселение пустующих мест; желание создать на границах с калмыками, киргизами и дикими народами естественный буфер для безопасности России и утвердить ее владычество на этих окраинах, а также желание поднять культуру земледелия и промышленности посредством иммиграции просвещенных западноевропейцев» [3, с. 377].

Решить эту проблему с помощью русского населения было невозможно, так как крестьяне находились в крепостной зависимости от поме-

щиков. Поэтому Екатерина II решила пригласить граждан европейских стран. Она издала манифест 4 декабря 1762 года, но не указала, при каких условиях предлагается переселение [4, с. 8]. В связи с этим, 22 июля 1763 года вышел новый манифест «О дозволении всем иностранцам, в Россию въезжающим, поселяться в которых губерниях они пожелают и о дарованных им правах». В нем написано буквально следующее: «...Мы наиторжественнейше утверждаем и исполнять повелеваем: всем иностранным дозволяем в Империю Нашу въезжать и селиться, где кто пожелает, во всех Наших губерниях; <...> в числе иностранных, желающих в Россию на поселение, случаются и такие, которые для проезду своего, не будут иметь довольного достатку, то оные могут являться у Министров и Резидентов Наших ... и путевыми деньгами удовольствованы будут; <...> всем, прибывшим в Империю Нашу на поселение, иметь свободное отправление веры, по их уставам и обрядам, беспрепятственно...; не должны таковые прибывшие из иностранных на поселение в Россию, никаких в казну Наших податей платить...; всем иностранным, прибывшим на поселение в Россию, учинено будет всякое вспоможение и удовольствие, склонным к хлебопашеству или другому какому рукоделию и к заведению мануфактур, фабрик и заводов...» [4, с. 18-21]. Иными словами, манифест гарантировал свободный выбор места поселения, свободу вероисповедания, самоуправление, освобождение от податей, налогов и различных повинностей. «Льготные условия переселения вызвали интенсивную колонизацию южных окраин России. В 1764-1770 гг. – всего за 6 лет – создается 117 колоний; в 1800-1850 гг. было основано еще 218 поселений» [4, с. 9]. В Россию прибывали преимущественно немцы из Германии. Это объяснялось тяжелым экономическим положением в стране: семилетняя война 1756-1763 годов разорила Германию. Интересен и тот факт, что сама Екатерина II была немкой по происхождению, сменившая впоследствии имя и вероисповедание. Возможно, что данный фактор также в некотором смысле способствовал миграции немцев, которые среди общей численности населения вновь образованных колоний представляли подавляющее большинство. Так, например, «к 1908 году насчитывалось 2 млн. 70 тыс. немцев, в том числе: в Саратовской губернии – 206 тыс. (6,9% всего населения); в Самарской – 181 тыс. (8,2% всего населения)» [4, с. 9].

Но уже в «Аграрном законе для колонистов», утвержденном Екатериной II 19 февраля 1764 года, сказано, поселить иностранцев (не «где кто

пожелает») в район от Саратовской области до Волгограда; от Волгограда до территории реки Дон; далее – Пензенская область и низовья реки Волги [5, с. 17-18]. Да и по свидетельствам самих переселенцев, не все было исполнено. Действительно из списков подворной переписи колонистов в 1767 году видно, что между ними были люди самых различных профессий. «Тут-то и началась милая жизнь, – насмешливо повествует колонист Асмус, – один был дома портным, другой парикмахером и прочее; во всю жизнь в их руках не было ни лошади, ни сохи или телеги, и они не знали даже, что делать с этими предметами; никогда не видели, как взнуздывают лошадь, а между тем их заставили управлять ею» [5, с. 81]. Очевидно, что в отношении колонистов осуществлялись принудительные меры со стороны российского правительства. У них не было свободы выбора рода деятельности, что противоречит манифесту. Отсюда, как следствие, и неблагоприятное отношение к русской этнолингвокультуре.

Таким образом, миграция немцев в Россию – достаточно сложный процесс, который продолжался несколько веков. Однако к концу XIX века на Причерноморских и Поволжских просторах стараниями европейских крестьян-переселенцев была создана новая, доселе неизвестная культура. В связи с тем, что основная масса колонистов была представлена в России выходцами из германских княжеств, эта культура и получила свое историческое название как немецкая.

Литература и источники

1. Алешковский И.А., Ионцев В.А. Тенденции международной миграции в глобализирующемся мире // Век глобализации. – 2008. – № 2. – С.77-87.
2. Колпакова Н.В., Славгородская Л.В., Смагина Г.И., Шрадер Т.А., Ролль К. Немцы и развитие образования в России: Сб. науч. трудов. – Санкт-Петербург: РАН, 1998. – 320 с.
3. Дитц Я.Е. История поволжских немцев-колонистов. – Москва: Готика, 1997. – 496 с.
4. Ауман В.А., Чеботарева В.Г. История российских немцев в документах (1763-1992). – Москва: Междунар. инст. гум. программ, 1993. – 448 с.
5. Герман А.А., Иларионова Т.С., Плева И.Р. История немцев России: Хрестоматия. Приложение к учебному пособию «История немцев России». – Москва: МСНК-пресс, 2005. – 544 с.

Часть 2. Язык и культура российских немцев: проблемы этнолингвокультурной (само)идентификации

Труды историка Г.Ф. Миллера как лингвистический источник

*Алишина Х.Ч., Рахимбакиев С.З.,
г. Тюмень (Россия)*

Учеными-лингвистами плодотворно используются богатейшие материалы Г.Ф. Миллера по языкам и диалектам народов Сибири. Эти материалы признаны самым важным источником XVIII в., без которого было бы невозможно решение многих кардинальных задач, связанных с определением языковой принадлежности ряда этнических групп, реконструкцией этногенетических, миграционных и ассимиляционных процессов в XVII – XVIII вв.

Лингвистические данные использовались и ранее для решения вопросов, связанных с происхождением и родством народов. Однако для других ученых, предшественников Г.Ф. Миллера и его современников, при установлении родственных связей между народами обычно достаточно было выявить сходство отдельных слов, названий, обнаружить случайные созвучия. В «Истории Сибири» Г.Ф. Миллер так писал о подобном методе: «Писатели, которые для исторических доказательств довольствуются только сходством имен, приписывают сибирским народам большой возраст и происхождение от глубокой древности, производя название реки Тобола и главного города Сибири Тобольска от Тубал Каина и от тобелов, а имя Сибири от тибаринцев и иберов. Предоставим подобные предположения их создателям, не разделяя их мнение» [5, с.169]. Сам ученый признавал только общее (родовое) сходство языков. Здесь уместно упомянуть, что по Г.Ф. Миллеру, сибирские (нерусские) народы подразделяются на исконных (коренных), живущих на территории Сибири «из давних лет» (например западносибирские татары) и переселившихся сюда относительно недавно (бухарцы и др.).

Лингвистические данные, по мнению Г.Ф. Миллера, нуждаются в проверке и подкреплении историческими фактами. Как справедливо отметил В.Г. Мирзоев, язык как исторический источник получил в работах Г.Ф. Миллера новое, качественное отличие от прежнего значения: «На

место произвольных домыслов предшествующей историографии Г.Ф. Миллер обосновывает научный метод использования лингвистических данных, основанный на принципе сличения, сопоставления и взаимной проверки данных» [6, с. 131].

Как подчеркивает историк А.Х. Элерт, «руководствуясь строго научными принципами и используя богатейшие словарные материалы по всем без исключения сибирским языкам (а также данные по ряду языков зарубежного Дальнего Востока, Центральной и Средней Азии), собранные в ходе экспедиции, Миллер сумел сделать ряд крупнейших открытий. Но многие его достижения так и остались не известными исследователям последующего времени, и им пришлось открывать заново то, что было хорошо известно Миллеру». [9, с. 69]. Считается, например, что лишь в середине XIX в. М.А. Кастрен доказал, что так называемые «остяки» три разных народа (современные ханты, селькупы и кеты). Между тем, по словам Элерта А.Х., уже в самом начале сибирского путешествия Г.Ф. Миллер разделял остяков по языковому принципу на три совершенно самостоятельных народа, которые он называл по месту основного проживания остяками Нарымского, сургутского и енисейского языков. Впервые на строго научной основе Г.Ф. Миллер установил родственные языки между целым рядом народов (общность происхождения тунгусов и маньчжуров; наличие тюркских и монгольских компонентов в языке якутов; родство бурят и монголов; наличие широкой языковой общности, включающей самоедов, нарымских и томских остяков, камашинцев и др.) [9, с. 69]. Знание языка позволяло Г.Ф. Миллеру писать топонимы на двух языках: например, русск. Епанча, тат. Япанза, русск. Абалак, тат. Ебалак, русск. Ескальба, тат. Есвальга и др. В исследовании Г.Ф. Миллера большое внимание уделяется происхождению названий татарских деревень, например, Кашкара, Варвара, Майтмас произошли от имен князей, живших на этой территории, а слово «Сибирь» перешло к русским от зырян.

Г.Ф. Миллер приходит к выводу, что якуты в прошлом составляли один народ с татарами. Самоназвание якутов «соха» (во множественном числе «сохалар») совпадает с названием татарского рода Красноярского уезда.

Г.Ф. Миллер во время своих экспедиций очень важное значение придавал географическим объектам. В путевых описаниях лета 1740 г., когда ученый совершил путешествие по воде от Томска до Тобольска, он дает

сведения о 1316 аборигенных гидронимах, а также сотнях аборигенных названий населенных пунктов [9, с. 70]. В работах Миллера нет развернутого обоснования причин, по которым он уделял столь большое внимание сбору топонимических данных. Однако, как подчеркивает Элерт А.Х., не вызывает сомнений, что он хорошо понимал значение этого источника для реконструкции этнической истории и этногенеза народов. Многие его концепции основаны именно на данных топонимики. [9, с. 70] Яркий пример – рассуждения в «Истории Сибири» о давних связях коми-зырян с народами Северо-Запада Сибири и их значительной роли на начальном этапе присоединения и освоения края. В Путевых описаниях 1740 г. Миллер зафиксировал большое количество топонимов зырянского происхождения в районе Нижней Оби, на западных притоках Оби и Иртыша: именно эти данные легли в основу выводов историка. Расселение ряда народов в прошлом ученый реконструирует зачастую также на основе этих данных. Так, анализируя гидронимы бассейна р. Тым (правый приток Оби), он приходит к выводу, что в «давние времена» верховья этой реки заселяли, видимо, енисейские остяки (кеты), поскольку в названиях речек здесь часто присутствуют кетские элементы [3, с. 199].

«Столь же скрупулезно Миллер фиксировал и этнонимы сибирских народов. В его описаниях народов неизменно присутствуют данные о том, как они называют себя сами, как их называют соседние народы и как, в свою очередь, эти соседние народы называются на их языке. Большое количество записанных ученым этнонимов вообще не известно науке, так как этнические группы, которым они принадлежали, исчезли уже XVIII в. Немалый интерес представляют и данные о тех этнонимах, которые, как считается, имели совершенно иной ареал распространения или более позднее происхождение» [9, с. 70]. Так, в литературе можно встретить утверждение, что название «нганасаны» не является автоэтнонимом: «В отличие от этнонима ненец названия народов энцы и нганасаны образованы искусственно: хотя соответствующие слова означают «человек», в качестве самоназваний они энцами и нганасанами не употреблялись». Во время пребывания в Мангазее летом 1739 г. Г.Ф. Миллер встретился с ненцами с р. Таз, которые сообщили ученому множество данных о ненецких этнонимах, в том числе и в отношении тавгов (нганасан). Согласно этим данным, тазовские ненцы называли тавгов Тау, однако сами себя они называли Ngangasana.

Интересные сведения Г.Ф. Миллер дает об этнонимах сургутских остяков (хантах). Большинство современных ученых считает, что русское наименование «остяки» - это заимствованный тюркский этноним иштек. Первоначальная гипотеза о происхождении этнонима остяк от самоназвания северных хантов ас-ях (обский народ) считается сейчас менее вероятной из-за звуковых трудностей и ограниченности ареала распространения данного этнонима. Этноним ханты возводят к ряду древних форм – Конт, кантах и др., от которых выводится самоназвание хантэ. [9, с. 71]

Г.Ф. Миллером в полевом дневнике тюркский этноним иштек зафиксирован лишь один раз, судя по всему, во время пребывания в Томске весной 1740г.: «Татары называют остяков Ischtek. Остяков на Кети – особым именем Tumai-ulus». Что касается этнонима Ass-jach, то он отмечен путешественником не только у северных ханты, но и у всех «остяков сургутского языка», живших на Оби; кроме того, так именовали их и ханты, жившие на притоках Оби, в том числе на р. Васюган в Нарымском уезде, - самые южные ханты Обского бассейна. [9, с. 71]

Г.Ф. Миллер называет также большое количество этнонимов, которые использовали ханты в отношении других народов: русские – Rutsch-jach, татары – Chatan-jach.

Безусловно, наибольший интерес представляют материалы Миллера о тех народностях, которые были ассимилированы уже в XVIII в. В ряде случаев это единственные достоверные данные, по которым можно судить об их языке, особенностях социальной организации, материальной и духовной культуре.

Литература и источники

1. Алишина Х.Ч. Ономастикон сибирских татар (на материале Тюменской области): Монография: В 2-х частях. Часть 1. – Тюмень: ТюмГУ, 1999. – 240 с.
2. Алишина Х.Ч. Ономастикон сибирских татар (на материале Тюменской области): Монография: В 2-х частях. Часть 2. Приложения. – Тюмень: ТюмГУ, 1999. – 216 с.
3. История Сибири с древнейших времен до наших дней. В 5 т. – т. 2. – Ленинград: Наука, 1968. – 527 с.
4. Миллер Г.Ф. Описание Сибирского царства – Санкт-Петербург: Императорская Академия наук, 1787. – 130 с.

5. Миллер Г.Ф. История Сибири. Т.1. – Москва-Ленинград: АН СССР, 1937. – 607 с.

6. Мирзоев В.Г. Историография Сибири. XVIII век. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1963. – 261 с.

7. Рахимбакиев С.З. Историко-лингвистическое изучение тюркских топонимов Западной Сибири XVIII века (по материалам Г.Ф. Миллера)»: автореф. дис. ... канд. филол. наук: специальность 10.02.02 – языки народов РФ (татарский язык). – Казань: К(П)ФУ, 2011. – 24 с.

8. Элерт А.Х. Сибирь и сибирские народы в геополитических проектах академика Г.Ф. Миллера // Немецкий этнос в Сибири: Альманах гуманитарных исследований. Вып. 2. – Новосибирск: Института археологии и этнографии СО РАН, 2000. – С.77-84.

9. Элерт А.Х. Народы Сибири в трудах Г.Ф. Миллера. – Новосибирск: Института археологии и этнографии СО РАН, 1999. – 240 с.

Русский или немец?

К проблеме самоидентификации российских немцев

Алмагамбетова Д. Т.,

г. Елабуга (Россия, Татарстан)

Статья выполнена в рамках реализации гранта РГНФ

№15-04-00011а «Язык и культура русских немцев в миграции: проблемы самопрезентации и самоидентификации».

Одной из важнейших проблем народов, проходящих через трудный исторический период, является проблема самоидентификации, или этнической идентичности. Сегодня в отечественной науке этот вопрос достаточно актуален, он затрагивается в ряде этнологических, антропологических, социологических статей и монографий, посвященных рассмотрению этнической идентичности, или этнического самосознания [1, 2, 3, 4 и др.]. Более того, нет единства среди терминологической номинации и в специальной литературе можно встретить такие номинации, как «национальное самосознание», «этническое самосознание», «этническая идентичность». Поэтому, нам представляется целесообразным, говоря об этнической идентичности российских немцев, уточнить план содержания данного понятия. Этнограф В.И. Козлов так охарактеризовал данные определения: «Национальное самосознание – чувство принадлежности людей к определенной нации, объединяющей их в единый социальный коллектив. Этническое самосознание – сознание принадлежности людей к одному народу, проявляющееся в употреблении ими определенного названия народа» [3, с. 89].

В рамках данной статьи мы постараемся осветить основные факторы, влияющие на этническую идентификацию российских немцев. Материалом для исследования проблемы нами были выбраны воспоминания потомков немецких колонистов, которые были депортированы в начале Великой Отечественной войны в Сибирь и Казахстан, собранные и опубликованные в виде сборника в 2003 году под общим названием «Горькие судьбы» [5] под редакцией этнической немки, репатрианта Анны Шаф.

Говоря о факторах, влияющих на этноидентификацию, мы делим их условно на лингвистические и экстралингвистические при очевидной взаимобусловленности. Для этнического размежевания более существенное значение имеют характерные черты культуры в самом широком смысле этого слова, т.е. понимаемой как совокупность специфических

человеческих способов сознательной деятельности и ее результатов. Не случайно в практике повседневного межэтнического разграничения, как правило, акцент делается на устойчивых и отчетливо внешне выраженных компонентах культуры соответствующих этносов: религии, искусстве, обычаях, обрядах, нормах поведения, привычках и т.п. Останемся на них более подробно.

Основные праздники немцев – Рождество, Пасха, Троица, праздник Жатвы и Вознесение. Обрядовость этих праздников изменилась из-за длительного проживания совместно с русским населением. Многие немцы отмечают «русское Рождество», «русский старый Новый год». Традиционных христианских постов (предрождественского и предпасхального) у немцев нет. Обратимся к воспоминаниям Ольги Гофман, семья которой была депортирована в Джалал-Абадскую область Киргизии в 1941 году: *«В апреле 1946 года родилась я. Сколько помню, в нашем доме всегда было полно народу, родители были очень гостеприимные и хлебосольные люди. Помню, как проводили **праздник Новый год. Приходил Дед Мороз, дарил подарки, дети играли и пели. Все организовывала моя мать. Эту традицию сохранила и я: всегда, до самого отъезда в Германию, собирала соседских детей, дарила им подарочки и проводила праздник**»* [5, с. 23]. Или еще один пример из воспоминания Лидии Эккерман: *«На праздники мама старалась принести что-нибудь вкусное. Мы радовались **Новому году**. Елки вблизи не росли, родители **приносили из леса срубленную березку, и мы украшали ее бумажными цепочками и самодельными игрушками. Приходил Дед Мороз, его наряжали из жителей деревни, и он шел по всем домам**»* [5, с. 20]. Как мы видим, традиционные русские праздники плотно закрепились в культурной жизни немцев, даже тех, кто эмигрировал в Германию – этот фактор идентифицирует российских немцев как «русских».

На ранних этапах формирования этносов одним из решающих факторов был конфессиональный (религиозный), благодаря которому сложилось много межэтнических общностей. Стоит отметить, что немецкие колонисты были в большей степени религиозны. Например, две трети поволжских немцев были лютеране, остальные – католики. Немцы стремились соблюдать принцип моноконфессиональности и в семейно-брачных отношениях, поэтому смешанные браки были редки. Часто общность религиозных связей в немецких поселениях с течением времени подкреплялась кровно-родственными связями, что приводило

к формированию клановости. Примечателен тот факт, что в сборнике воспоминаний «Горькие судьбы» нет ни одного свидетельства того, что российские немцы подвергались насильной православизации [5]. Находим, например, подтверждение этому в рассказе Фриды Коллер, уроженки деревни Мессер (Саратовская область): «... *Жители этой деревни не смешивали свою кровь с русской, по возможности сохраняли предания старины, культуру и религию немецкого народа*» [5, с. 13].

Не менее важную роль в этнической дифференциации народов играет культурно-хозяйственный признак, предполагающий разграничение этносов по типу хозяйства (охота, земледелие), образу жизни (оседлый, полукочевой, кочевой), формам орудий труда, одежды и других элементов материальной культуры. По воспоминаниям Фриды Коллер: «*Хлебопашец и мастер на все руки [дед – прим. авт.] получил от государства сто пятьдесят рублей и с женой и дочкой трех лет начал хозяйствовать на земле. Через два года был построен дом, куплены четыре лошади, несколько коров, распахано двадцать пять гектаров земли, посеяна рожь, пшеница и другие культуры*» [5, с. 13]. По сути, тип хозяйства и образ жизни этнических немцев не идентифицирует их, как русских или немцев, но свидетельствует о том, что немцы обустроивали свои дома, рассчитывая на продолжительную жизнь в этих местах.

Только с конца XIX – в начале XX в. немцы России стали входить в более тесные контакты с местным населением, создавать смешанные семьи, некоторые элементы других культур стали проникать в их традиционную культуру, как например, «русский Новый год» и т.п. Однако, в целом, эта тенденция не изменила традиционный уклад жизни основной части немцев России.

Анализируя множество классификаций факторов этнической идентичности, следует выделить основным – национальный язык. С помощью национального языка обеспечивается единство этноса. Дополним, что знание языков представителем этноса может быть здесь равноуровневым – например, совершенное или беглое, но всё же не совершенное владение вторым языком.

Со времён существования Автономной Советской Социалистической Республики Немцев Поволжья (1918-1941) немецкая языковая культура была относительно изолирована. На территории Республики действовали немецкие театры, выпускались газеты на немецком языке, обучение в школах происходило также только на немецком языке. С прихо-

дом советской власти в связи с различными историческими событиями (Гражданская война, начало Великой Отечественной войны, депортация российских немцев) основным языком для этого этноса становится русский: «Клуб и школа в селе вместе были, их закрыли и оборудовали на их месте лазарет. Так что в школу я пошла, когда мне уже десять лет исполнилось. Учились на немецком языке, я по-русски ни слова не знала. Четыре года в своей деревне училась, а потом в район пошла», – рассказывает колонистка в 5 поколении Даниэль Амалия [5, с. 24]. У немцев-колонистов в процессе коммуникации наблюдается употребление лишь нескольких фраз на русском языке, русский язык в колониях иногда вообще не преподавался. Можно говорить о том, что живя обособленно, немцы не нуждались в знании русского языка, общаясь только между собой. Потребность в знании русского языка возникла тогда, когда после депортации немцы оказались в среде русских, казахов, украинцев, татар. Для всех этих народов русский язык стал языком межнационального общения. А немецкий же язык стал исполнять роль только этнического кода. Так, этнические немцы более двух с половиной веков сохраняли свой язык как этнический код, только в XX в. активность процесса их русификации увеличилась в разы, что было обусловлено экстралингвистическими факторами.

Следует отметить, что немецкий язык на современном этапе выполняет для российских немцев значимую символическую функцию. Несмотря на то, что немецкий все реже реально используется на практике в обыденной жизни, он продолжает играть роль этнического «кода», проводя границу между «своими» и «чужими» [6, с. 125]. *«Дети разбегались по разным городам, особенно мне жаль, что в Германию не приехала моя дочь Оля. Она вышла замуж за татарина, он работает милиционером, у них родилось трое детей. В семье они говорят только по-русски. Оля не слушала, когда мы говорили с отцом по-немецки. Язык не знает, полностью обрусела, тест на знание языка сдать не может. Вся семья ее живет по-прежнему в Казахстане, в селе, где уже не осталось немцев. Такая боль в душе, когда думаю о ней!»* [5, с. 17], – рассказывает Даниэль Амалия.

Из всего вышесказанного следует сделать вывод о том, вопрос «немец или русский?» остался открытым, потому что ассимиляционные процессы в первое десятилетие XXI века увеличивают радиус своего воздействия, что выражается в повсеместном преобладании русского

языка над немецким и использовании его во всех сферах жизнедеятельности российских немцев, уменьшении количества мононациональных немецких семей, а также смешении культуры и традиций русского и немецкого народов. Однако наблюдается и положительная динамика: с увеличением в 1990-х гг. миграционного потока переселенцев более активно стали возрождаться традиции, обычаи, культура, язык немецкого народа на территории России. Этому способствует работа немецких центров и центров встреч, клубов, организаций и домов немецкой культуры (например, Российско-немецкий дом, Московский союз немецкой культуры), где ежегодно появляются новые языковые (например, курсы для взрослых «Nallo Nachbarn Neu»), культурные программы (например, просмотр фильмов на немецком языке, посещение концертов, выставок, литературных чтений и презентаций), направленные на сохранение российских немцев как этноса.

Литература и источники

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – 2-е изд. испр. – Москва: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
2. Дробижева Л.М. Национально-гражданская и этническая идентичность: проблемы позитивной совместимости // Россия реформирующаяся. Ежегодник – Вып.7. – Москва: Институт социологии РАН, 2008. – С. 214-228.
3. Козлов В.И. О понятии этнической общности // Советская этнография. – 1967. – №2. – С. 89-100.
4. Соколовский С.В. Этничность как память: парадигмы этнологического знания // Этнокогнитология. Вып.1. Подходы к изучению этнической идентификации. – Москва: РАН, Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия, 1994. – 156 с.
5. Шаф А. «Горькие судьбы». Свидетельства очевидцев. – Розенхайм: Unsere Welt, 2010. – 30 с.
6. Кутафин О.Е. Российское гражданство. Монография. – Москва: Юристъ, 2004. – 589 с.
7. Новоселова А.А. Немцы в русской деревне: «свои» или «чужие»? // Немцы Сибири: история и культура: Сборник резюме докладов Четвертой международной научно-практической конференции. – Омск: ОмГПУ, 2002. – С. 73-80.

**Лексема «Ленинград» как маркер этнолингвокультурной самоидентификации российских немцев:
на примере прозаических текстов Р. Лейнонена**

*Гильмутдинова Л.А.,
г. Елабуга (Россия, Татарстан)*

*Статья выполнена в рамках реализации гранта РГНФ
№15-04-00011а «Язык и культура русских немцев в миграции:
проблемы самопрезентации и самоидентификации».*

Этнолингвокультурная самоидентификация является важным маркером, который помогает дифференцировать национальные составляющие, определить функциональную значимость тех или иных этнических традиций и культурных смыслов, а также исторических причин формирования этноса. Путем этнолингвокультурной самоидентификации человек структурирует представление о себе и позиционирует собственное «Я» по отношению к другим людям. Самоидентификация становится основополагающим фактором удовлетворения человеческих потребностей и системой ориентаций.

Проблема этнолингвокультурной самоидентификации российских немцев очень бурно обсуждается как в научной, так и в общественно-политической практике. Особенно острым этот вопрос становится в среде представителей российских немцев (об этом мы писали ранее, см. [1]).

Наиболее интересными в плане анализа этнолингвокультурных маркеров идентичности становятся художественные тексты российских немцев, т.к. данный этнос находится на стыке двух культур, русской и немецкой. Сложность изучения творчества писателей-русских немцев заключается в том, что их контингент обусловлен неоднозначностью этнолингвокультурной самоидентификации.

Отнеся себя к числу российских немцев, поэт, публицист, прозаик и общественный деятель Роберт Лейнонен чувствует свою ответственность за место, где он родился и вырос, где жили его предки. Поэтому в концептуальный план произведений автора включаются такие универсальные константы человеческого бытия, как «родина» и «дом». Именно здесь особенно ярким, выпуклым и в некотором смысле даже «болезненным» становится номинация «Ленинград», приобретающая в дискурсе прозы Р. Лейнонена статус этнолингвокультурного маркера.

Прозаические произведения Р. Лейнонена представляют собой не-

большие по своему объему рассказы, включенные в сборник «Жизнь на полустанке» (1999), в контексте которого можно условно выделить три тематических «ленинградских» блока.

В первом тематическом блоке объединены рассказы, посвященные Ленинграду как городу, в котором родился, вырос и провел свою юность писатель. Он охарактеризован им исключительно с положительной стороны (сквозь призму категории «свой/родной»): *«В конце 1954 года, неожиданно и почти случайно, я попал в Ленинград – на родину!»* [7, с. 19]. Автор, несомненно, рад случайной встрече с городом его детства и юности. Данная фраза произнесена с восклицательной интонацией, что свидетельствует об эмоционально положительном состоянии/настроении автора. В рассказе Роберта Адольфовича «Мой родной город» [4, с. 8] нам удастся посмотреть на Петербург и его жителей глазами автора: *«Он стал выражать словами свою бесконечную восторженность красотой любимого города. Сразу было понятно, что они все истинные ленинградцы...»* [4, с. 8]. Автор описывает рассвет, и то, как он встречал его, сидя на берегу Невы, когда заметил старичка, восхищающегося видами города. К тому же, автор локализует пространство и социум, отмечая, что всю красоту города может заметить и оценить лишь истинный петербуржец (ленинградец), к коим он себя относит, т.к. тоже замечает всё это. Налицо фактор самоидентификации Р. Лейнонена как истинного ленинградца, любящего и ценящего свою родину, – Ленинград. В данном случае, актуальность вновь приобретает маркер «свой» сквозь призму локативно обусловленной номинации «ленинградец».

Второй тематический блок связан с периодом взросления писателя, и носит название «Воспоминания детства». Так или иначе детство писателя неразрывно связано с Ленинградом, с Россией, и особенно ценно то, как ребенок воспринимал окружающую действительность, оценивал ситуацию, адаптировался и понимал мир: *«Моё детство прошло в Ленинграде, и эти годы носят на себе отпечаток беззаботности, радужный оттенок беспечности и переполнены нашей скромной детской радостью неизбалованных детей, потому ли, что действительно в семье нашей умели придавать праздникам эту из ряда вон выходящую торжественность, необычность, заставлявшую нас с нетерпением ждать, пока под ёлкой раскладываются подарки каждому»* [6, с. 14].

Скромный достаток семьи Лейнонен не позволял праздновать Новый год с подобающей торжественностью, однако они старались сохранить

культуру и традиции своей исконной нации, ведь традиция ставить ель в доме в канун этого праздника была перенята у германских народов. *«В нашей семье рядовых немцев до войны 1941 года дома говорили по-немецки! Немцы свой язык и культуру сохраняли до последней возможности»* [6, с. 15]. К тому же данные счастливые мгновения имеют конкретную локацию – город Ленинград.

Роберт Лейнонен вспоминает и другие празднования Нового года, но те воспоминания меркнут по сравнению с детским праздником. Например: *«В 1943 я встретил новый год в Копейске, в смрадном общежитии немцев «Трудармии». – Ложитесь спать! – было сказано нам, немцам. – Этот праздник не для вас! А в соседних комнатах потерявшие человеческий облик пьяные люди орали и бесились далеко за полночь»* [8, с. 12]. На примере данного отрывка можно судить об ущемлении прав российских немцев, основанном лишь на этнической разобщенности. Российские немцы, находящиеся в трудармии, были лишены праздника из-за их национальной принадлежности. Эти два эпизода противопоставлены лишь тем, что началась война, и немцы, жившие мирной и спокойной жизнью, стали восприниматься российским народом (точнее – властью, активно пропагандировавшей данную точку зрения) как враждебный этнос, и, естественно, что автор только годы детства и юности вспоминает с теплотой и трепетом.

Третий тематический блок описывает годы блокады. Этой теме в творчестве Р. Лейнонена посвящен отдельный цикл, так как писатель потерял в блокадном Ленинграде всех своих родственников и чудом выжил сам. Лейнонен пишет: *«Блокада явилась страшным отрезком в моей жизни и предопределила дальнейшую мою судьбу. Я пережил её только до августа 1942 с последующей высылкой по «Дороге Жизни» сначала в «эвакуацию» по национальному признаку, а потом в трудармию»* [3, с.16]. Несомненно, данный фактор спас ему жизнь, однако 15 лет ссылки сложно назвать везением.

«Последний раз я видел маму и брата 27 декабря 1941 года, когда Ленинград уже плотно был взят фашистами в блокадное кольцо. Я с дошкольного возраста жил с моими тётушками, сёстрами мамы. Они были ленинградскими немками» [5, с. 28]. В данном отрывке мы видим номинацию «фашисты», содержащую эмоциональную оценку (коннотацию) автора «несущие разрушение, агрессию, войну, смерть». В этом смысле становится понятным, почему Р. Лейнонен никогда в контексте своих

произведений не использует лексемы «немцы», «немецкие войска» как номинации противников СССР в 1941-1945 гг. С «немецким» у писателя связаны только положительные эмоции и воспоминания: мать Роберта была немкой, воспитывался он в лучших немецких традициях, тремя ленинградскими немками, которые, кстати, и записали его немцем при получении паспорта. *«Предполагалось, что при получении паспорта в графе «национальность» я сделаю прочерк. Но судьба распорядилась так, что анкету заполняли тётушки по причине моего отсутствия и, поскольку они были немками до мозга костей, то и меня записали «немцем». Когда я узнал, я заплакал, не хотел быть немцем»* [7, с. 20]. Роберт Лейнонен неоднократно вспоминал этот эпизод своей жизни и был обижен на тетушек за их решение, т.к. он считал, что национальности у него нет.

«– Эх, Робка, – говорит он немного погодя, снова овладев собой, – я иногда думаю, хоть бы одна распроклятая бомба в наш дом ударила» [5, с. 30]. Эту фразу произносит младший брат Роберта Лейнонена, который умирает от голода и нервного истощения. Голод и война проецируют возникновение суицидальных мыслей, человек согласен на всё, лишь бы скорее стало легче. Младший брат и все родственники писателя погибли. Внимание заостряется и на обращении младшего брата к Роберту как своеобразного этнолингвокультурного маркера: звучит традиционный для русского языка уменьшительно-ласкательный вариант имени.

Война лишила Роберта Адольфовича многого, он потерял семью, родину, его язык был непонятен людям его же нации: *«Я остался один на свете не просто физически, но и морально... Потерял родных, потерял Ленинград – родину, потерял веру в правду... Меня вытолкнули одни и не приняли другие – немцы на первых порах смотрели на меня косо: я не знал их диалекта, был непонятен кем и откуда... Я был один... ОДИН ...»* [8, с.14]. Однако он смог преодолеть все трудности и лишения, оставаясь при этом российским немцем и истинным петербуржцем: *«Но вот я вышел на пенсию и вернулся «домой», в Ленинград, хотя вовсе нет больше нашего, моего дома... Не о здании речь... Сорок лет не смогли переделать меня – я остался ленинградцем»* [4, с. 8]. Эти строки звучат как личный манифест, ярко выраженная самоидентификация и самопрезентация себя не по национально-культурному маркеру (немец и/или русский), а по территориальной принадлежности (петербуржец/ленинградец).

Таким образом, исследовав прозаическое наследие Роберта Лейно-

нена, мы можем утверждать, что значительная часть художественных текстов посвящена теме Петербурга и всему, что с ним связано: детские воспоминания, блокада, жизнь в Петербурге до войны. К тому же писатель идентифицирует себя как коренной житель Петербурга, чувствует и мыслит себя частью данной духовной и территориальной общности. С любовью относится к месту, где он родился и вырос, где жили его предки. Данные эмотивные характеристики связаны с употреблением в прозаических текстах этнолингвокультурных маркеров типа «ленинградец», «дом», «нация», «семья», «судьба», «немец/русский», «наши» и др. Используя данные маркеры, он идентифицирует себя с этим городом, представляет себя его структурной частицей, петербуржцем, россиянином.

Литература и источники

1. Данилова Ю.Ю., Гильмутдинова Л.А. Проблема этнокультурной самоидентификации этнических немцев в публицистике Р. Лейнонена: к вопросу о двументальности // Лингвокультура и концептуальное пространство языка: сб. ст. Вып. 10 / Отв. соред. О.Н. Морозова, М.В. Пименова. – Санкт-Петербург: СПбГЭУ, 2016. – С. 244-263.
2. Лейнонен Р.А. Автобиография. Мой Рюкзак. – 2011 [Электронный ресурс]. – URL: <http://leinonen.ucoz.com> (дата обращения 20.02.2016).
3. Лейнонен Р.А. Блокада // Контакт-Шанс. – Кёльн. – 2005. – № 19. – С.16.
4. Лейнонен Р.А. Мой родной город // Дипломатический курьер. – Гамбург. – 2003. – № 5. – С. 8. [Электронный ресурс]. – URL: leinonen.ucoz.com/publ/15-1-0-22 (дата обращения: 18.03.2016).
5. Лейнонен Р.А. Последняя встреча // Всеобщая немецкая газета. – Алматы. – №31. – 2005. – С. 28-36.
6. Лейнонен Р.А. Рождество // Феникс. – Алматы. – 2000. – № 30. – С. 14. [Электронный ресурс]. – URL: <http://leinonen.ucoz.com/publ/22-1-0-7> (дата обращения: 19.03.2016).
7. Лейнонен Р.А. Стеклодувы из Тюрингских лесов // Дипломатический курьер. – Гамбург. – 2004. – № 10. – С. 19. [Электронный ресурс]. – URL: <http://leinonen.ucoz.com/publ/24-1-0-51> (дата обращения 20.02.2016).
8. Лейнонен Р.А. Трудармия // Всеобщая немецкая газета. – Алматы. – № 19. – 2005. – С. 12-16.

**Концептуальная оппозиция «свой – чужой»
как способ самоэтноидентификации российских немцев***

Данилова Ю.Ю.,
г. Елабуга (Россия, Татарстан)

*Статья выполнена при финансовой поддержке РГНФ
№15-04-00011а «Язык и культура русских немцев в миграции:
проблемы самопрезентации и самоидентификации».*

Представление о своем и чужом содержится в сознании человека онтологически, проявляется во всех сферах его бытия, что подчеркивает знаковую, семиотическую природу оппозиции и ее изначально антропоцентрический характер. Поэтому оппозиция «свой – чужой» является культурной константой, «одним из главных концептов всякого коллективного, массового, народного, национального мироощущения» [1, с. 126], одним из важнейших противопоставлений в жизни и устройстве общества, сохраняющих свое значение на протяжении веков, наряду с другими концептуальными оппозициями, отражающими архетипные представления об устройстве мира типа «жизнь – смерть», «небо – земля», «добро – зло», «мужчина – женщина», «любовь – ненависть» и др. В словаре славянских древностей под редакцией Н.И. Толстого представлена цепочка связей, организующих пространство «своего» и «чужого»: кровно-родственные, семейные (род, семья), этнические (народ, нация), языковые (язык, диалект), конфессиональные (вера), социальные (общество, сословие) [2, с. 581-582]. Это еще раз подтверждает, что данные лексемы обнаруживают неразрывную связь с самосознанием народа и самим понятием народа; категоризируют мир, выделяя «своих», свой народ и «чужих», иных, чуждых; организуют пространство этноса, давая некую оценку и помогая ориентироваться, вычленять релевантные признаки.

В контексте проблемы самоэтноидентификации российских немцев она приобретает особо острое звучание и несколько иное понятийно-смысловое преломление. В этом плане целесообразно будет рассмотреть дискурс конкретной личности, в которой оппозиция «свой – чужой» становится ключевой, концептуально значимой. Таковым является публицистический дискурс яркого представителя российских немцев

*Автор статьи выражает благодарность Л.А. Гильмутдиновой (волонтеру заявленного проекта, поддержанного РГНФ) за помощь в сборе фактического материала и его обработке.

Роберта Лейнонена*, где тема поисков себя, своего места, попытки этно-самоидентификации занимает, если не главное, то, как минимум, одно из лидирующих мест.

Реализация лингвокультурной оппозиции «свой – чужой» отличается доминированием компонента «свой» в публицистике Р.Лейнонена. Причем, мы намеренно не берем во внимание концептуально нейтральные, часто в силу актуализации денотативного макрокомпонента, сочетания типа свой чемоданчик, свои палки, свои гаражи, свои тумбочки, свои мысли, свои результаты, свои желания и т.п. Например: *Начал я **свою карьеру** буровым рабочим, водовозом [3]; ... и другие спортсмены могут болеть **за свою команду** и заслуженно гордятся **своими успехами** [4]; Остальные заняли **свои места** в автобусе [5] и т.п.*

Лексема «свой» чаще всего функционирует в текстах Р. Лейнонена как притяжательное местоимение (а не субстантив), наряду с местоимением «наш». Особое место здесь занимает лексико-семантическая группа «семья», члены которой объединены категориальной семей «род»: ***В нашей семье** рядовых немцев до войны 1941 года дома говорили по-немецки! [6]; ... никто **нашей семейной** истории никогда не записывал, а потому и мало что сохранилось в памяти из тех далёких времён. (Долгими зимними вечерами собиралась семья за общим столом и кто-нибудь из старших рассказывал о житье-бытье в старые времена. Так познавали ребятишки историю **своих предков**...) [7]; Ещё до школы по семейным обстоятельствам переехал [Лейнонен – прим. Ю.Д.] на постоянное проживание **к своим тётушкам**, двум сёстрам матери... [7]; Двести с лишним лет жили и работали здесь немцы-колонисты. <...> А в начале войны выслали их на восток. Так расплачивались они, честные труженики и мастера своего дела, только за кровь **своих предков** [8] и др. Частотность функционирования лексемы в такой синтагматике предсказуема, объективна в силу приоритетности кровнородственных, семейных отношений в цепочке связей, организующих пространство «своего». Этим же объясняется частотность сочетаний определений «свой/-ая» с лексемами «язык», «культура»: *В нашей семье рядовых немцев до войны 1941 года дома говорили по-немецки! Немцы **свой язык и культуру** сохраняли до последней возможности [6]; Двести с лишним лет жили и работали здесь [в Петербурге – прим. Ю.Д.] немцы-колонисты. Двести с лишним лет сохраняли **свою культуру, язык, традиции** [8]. Язык, культура, этнос составляют в гармоничном единстве своем этнолингвокультурный**

код личности. До конца XIX – начала XX вв. он был «капсульным» и определял тип мышления, речеведенческие стереотипы, образ жизни немецких колонистов в целом. Сегодня мы часто встречаем (среди респондентов) утрату этого кода этническими немцами. Например, показательно, что подавляющее большинство публицистических (как и поэтических, и прозаических) текстов Р. Лейнонена написаны и изданы на русском языке. На наш взгляд, это результат этнолингвокультурной интеграции автора. Хотя в автобиографии писателя читаем: *На долгие ночные дежурства неизменно берёт с собой печатную машинку то с русским, то с немецким шрифтом* [7].

Глубинный смысл данного концепта раскрывается с помощью номинаций «родной» в разной его репрезентации посредством системных (парадигматических и синтагматических) связей с единицами типа «родина», «дорогой», «любимый», «отчий», «край», «город», «страна» и др., составляющих ее смысловое/понятийное ядро в силу узуальности своих семантически пересекающихся планов. Использование подобных словосочетаний, слов и их форм актуализирует и общие семантические компоненты «наш», «личный», «принадлежащий», «близкий» и т.п. Например: *Я хотел защищать **родную страну** с оружием в руках, вместо этого меня подозревали, за мной следили, не верили ни единому моему слову* [9]; *Мечта о **любимом городе** не покидала его* [о себе в 3 л. – прим. Ю.Д.]: *назад, назад в **родные пенаты*** [7]; Он [о себе в 3 л. – прим. Ю.Д.] *живо интересуется архитектурой **родного города**, редкий отпуск он проводит за пределами Ленинграда и его пригородов...* [7]. Так, в концептуальный план «свои» Р. Лейнонен вписывает Петербург и Россию: он считает их своим домом, который он готов отстаивать в непростое для страны время.

Вообще, способ локализации пространства основывается на механизмах семантического «сужения» лингвистических единиц, актуализирующих наиболее значимые смыслы текста, – дейктических знаков (указательных, относительных и притяжательных местоимений). Все события, факты и объекты, описываемые Р. Лейноненом при помощи дейктических знаков, воспринимаются читателем как часть их собственной жизни, приближаются к личностной сфере, эмоционально переживаются: *«Моя **родина** – Ленинград, но вернуться **туда** после всего пережитого мне не удалось. Хотя я часто бывал **там** потом. Как-никак, я потомственный петербуржец»* [6]; *«**Мы, российские немцы Петербурга** долж-*

ны были сохранить **это место** как память о наших праотцах, захороненных здесь, на Смоленском кладбище» [6] и мн. др. Благодаря тому, что автор использует названные средства события, объекты и факты, о которых говорится в текстах, воспринимаются как общая территория, объединяющая автора с остальными жителями города и страны, т.е. имплицитная самоидентификация себя как «своего»: автор чувствует и мыслит себя частью данной духовной и территориальной общности, называет себя потомственным петербуржцем.

Отнеся себя к числу российских немцев Петербурга, он чувствует свою ответственность за место, где он родился и вырос, где жили его предки. Следовательно, в концептуальный план «свои» включаются такие универсальные константы человеческого бытия, как «родина» и «дом». Именно здесь особенно яркой, выпуклой, болезненной становится рефлексия автора как реакция на своеобразное разделение мира на «своих» и «чужих». В эссе-письме «Чужестранцы без родины» писатель задаётся вопросом идентификации российско-немецких переселенцев: **«Кто же мы такие, тысячи и тысячи, которые сплошным потоком со всех сторон света стремимся в Германию? Мы, которые потеряли веру в справедливость и правду. Кто я такой, Роберт Лейнонен, немец с финской фамилией, проклятый «фашист» в России, «русак» здесь, в Германии? Кто мы, российские немцы, что мы ищем здесь, на Родине наших предков?»** [10]. Сами факты подобных вопросов, беспрестанных попыток самоидентификации, характерных для российских немцев, указывают на сложность и неоднородность их национального самосознания. Уже само заглавие как сильная позиция текста задает пафос эссе, поскольку содержит двойную отрицательную коннотацию «чужестранцы» и «без родины», которые актуализируют мотив «бездомья». Это значит постоянное движение, дорога, поиск и отсутствие покоя, и физического, и морально-духовного. Постоянное блуждание: эмиграция в Россию, миграция внутри страны, депортация (Казахстан, Киргизия и др.), репатриация (Германия). Ассоциативно-вербальная сеть актуализирует параллель с притчей о блудном сыне. Однако в случае с российскими немцами всё далеко не однозначно. Они становятся блудными сынами не по своей воле, а в силу произошедших событий и сформировавшихся обстоятельств: если у блудного сына есть отчий дом, куда он возвращается, то для российских немцев это большая проблема. Неизвестно, куда возвращаться, если везде чужие. Германия, по мнению Р.Лейнонена, является

для российских немцев не домом, не родной страной, а лишь прибежищем: *Пусть я нашел прибежище в Германии, но я стал чужаком в своей стране и останусь чужим и здесь* [10]. Самое страшное для человека, готового пожертвовать всем ради родины, своей страны оказаться чужим для нее, преданным ею: *Удар, нанесённый мне войной, точнее, пятнадцатилетняя ссылка, несправедливость к людям из-за их национальной принадлежности – этот моральный удар был настолько силён, что надолго выбил меня из колеи* [3]. Этот диссонанс, двойственность миробытия и категоризация действительности Р. Лейнонена (как во многом и других российских немцев) обнаруживается, например, в следующем контексте: *«К сожалению или к счастью, в 1991 я оставил мачеху-Роди-ну [репатриация – прим. Ю.Д.] и вернулся на родину предков в Тюрингию»* [6]. Так, Россию автор определяет наряду с «родиной» «мачехой», т.е. в результате приложения антиномии возникает когнитивный оксюморон «неродная/чужая/приемная родина», вызванный столкновением семантических планов лексем «родина» и «мачеха». В данном примере дважды используется номинация «родина»: относительно России и Германии. Однако и во втором случае не происходит полной актуализации денотативного макрокомпонента «отечество, родная страна» [11, с. 681], объективируется ЛСВ-2 «место рождения, происхождения кого-чего-н.» [11, с. 681] посредством синтагматического сочетания «родина предков» и архисемы «род», а также топонима Тюрингия [федеральная земля на востоке Германии – прим. Ю.Д.]. Относительно самого факта репатриации у Р. Лейнонена также возникают сомнения, в этом плане союз «или» в данном реально-историческом и лингвистическом контекстах приобретает концептуальное наполнение.

Таким образом, посредством отбора и актуализации специальных средств языка мы можем утверждать, что такой представитель литературы российских немцев, как Роберт Лейнонен, идентифицирует себя не только как российский немец, но (в большей степени) потомственный петербуржец. Он демонстрирует принадлежность к географическому, культурному и духовному пространству своего города и страны, желание выразить отношение к этой земле, единение с её народом, однако Лейнонен, как и любой российский немец, находящийся вдалеке от своей родины, осознает окружённость «своего» «чужим».

Бесспорно, значимость этнолингвокультурной самоидентификации человека высока и определяет его информационный код, передающийся

из поколения в поколение и, следовательно, в некотором смысле определяющий его лингвокогнитивное, духовное бытие и психоэмоциональное состояние. Этот код у российских немцев нарушен, что определяет и объясняет феномен их двументальности, двуязычности и бикультурности.

Литература и источники

1. Степанов Ю.Н. Константы: словарь русской культуры. – Москва: Академический проект, 2004. – 991 с.
2. Славянские древности. Этнолингвистический словарь: в 5 т. / Под ред. Н.И. Толстого. – Москва: Международные отношения, 2008. – Т.4: П (Переправа через воду) – С (Сито). – 2009. – 656 с.
3. Лейнонен Р. Мой путь в технический прогресс // Роберт Лейнонен. Мой Рюкзак [Электронный ресурс]. – URL: <http://leinonen.ucoz.com/publ/25-1-0-34> (дата обращения 12.09.2016).
4. Лейнонен Р. Олимпийские игры // Роберт Лейнонен. Мой Рюкзак [Электронный ресурс]. – URL: <http://leinonen.ucoz.com/publ/26-1-0-83> (дата обращения 12.09.2016).
5. Лейнонен Р. Куса – Копейск // Роберт Лейнонен. Мой Рюкзак [Электронный ресурс]. – URL: <http://leinonen.ucoz.com/publ/25-1-0-90> (дата обращения 12.09.2016).
6. Лейнонен Р. Мир праху твоему (Спасти и Сохранить). Размышления о Смоленском лютеранском кладбище в Петербурге // Роберт Лейнонен. Мой Рюкзак [Электронный ресурс]. – URL: <http://leinonen.ucoz.com/publ/26-1-0-27> (дата обращения 20.09.2016).
7. Лейнонен Р. Автобиография // Роберт Лейнонен. Мой Рюкзак [Электронный ресурс]. – URL: <http://leinonen.ucoz.com> (дата обращения 20.02.2016).
8. Лейнонен Р. Стеклодувы из Тюрингских лесов // Роберт Лейнонен. Мой Рюкзак [Электронный ресурс]. – URL: <http://leinonen.ucoz.com/publ/24-1-0-51> (дата обращения 20.02.2016).
9. Лейнонен Р. Трудармия // Всеобщая немецкая газета. – Алматы. – 2005. – №19. – С. 12-16.
10. Зейферт Е. Творчество Роберта Лейнонена // Роберт Лейнонен. Мой Рюкзак [Электронный ресурс]. – URL: <http://leinonen.ucoz.com> (дата обращения 24.02.2016).
11. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – Москва: А ТЕМП, 2004. – 944 с.

**Этнолингвокультурная составляющая
жизнедеятельности этнических немцев,
проживающих на территории г. Елабуги РТ**

Евтеева Т.А.,

г. Елабуга (Россия, Татарстан)

*Статья выполнена в рамках реализации гранта РГНФ
№15-04-00011а «Язык и культура русских немцев в миграции:
проблемы самопрезентации и самоидентификации».*

Говоря об этнолингвокультурной составляющей жизнедеятельности этнических немцев, следует, прежде всего, уточнить семантику терминологического выражения «этнолингвокультурная самоидентификация». В контексте проводимого исследования данное понятие определяется нами как осознание личностью своей принадлежности к этнической группе российских немцев, идентификация с этой группой, ее культурой, традициями, языком, общим происхождением. Этнолингвокультурная идентичность (как результат самоидентификации) предполагает обязательное наличие трех ипостасей. Это значит, что, принадлежа определенной нации и культуре, говоря на определенном языке, личность владеет соответствующей этнолингвокультурой, т.е. умением кодировать и декодировать знаки данного языка как знаки культуры данной нации.

Так, в ходе исследования заявленной проблемы нами были собраны и обработаны сведения об этнических немцах, проживавших и проживающих на территории города Елабуги. Общее число респондентов составили 15 человек, их мы условно разделили на реальных и «виртуальных»: из них 10 респондентов стали реальными (группа лиц, которая в процессе работы, сбора информации находилась с нами в контакте лично) и 5 виртуальными (информация о них получена путем работы с документами в архивах Елабужского института КФУ, УФСМ города). Возраст реальных респондентов граничит от 20 до 87 лет. Все респонденты являются жителями Елабуги.

С целью выявить некоторые особенности этнолингвокультурной самоидентификации респондентов мы провели анкетирование. Респондентам была предложена анкета с рядом вопросов, касающихся их этнических и лингвокультурных кодов, а также нами было проведено глубокое интервью с четырьмя российскими немцами, проживающими на территории Елабуги.

Итак, для наглядности приведем некоторые полученные результаты проведенного анкетирования: непосредственные вербальные реакции респондентов и процентное соотношение от общего числа ответов.

На вопрос «К какой **этнической группе** Вы себя относите?» шестеро (39,96%) реальных респондентов ответили, что являются русскими, например:

Кельш А.И., 25 лет: «*Национальность – русская*»;

Янке Э., 22 года: «*Национальность – русский*»;

Виноградов А.В., 27 лет: «*Национальность – русский, конечно, все-таки четвертое поколение, уже не осталось немецкой крови*».

Идентифицируют себя как «российские немцы/ русские немцы» лишь четверо реальных респондентов (26,64%):

Колоскова (Майснер) М.Н., 87 лет: «*Да русская я, русская, российская немка*»;

Шнайдер М.Н., 35 лет: «*Национальность – русская немка*»;

Задав вопрос «**Кем респондент ощущает себя в Российской империи/ СССР/ России?**», мы получили ответ «русскими немцами» от четверых реальных респондентов, что составило 26,64%:

Колоскова М.П., 87 лет: «*Да русская я, российская немка*»;

Фрезе К.И., 19 лет: «*Российская немка*»;

Кельш А.И., 25 лет: «*Российская немка*»;

Куксаузен К.В., 23 года: «*Русская, немка, российская немка*».

Двое респондентов (13,32%) ответили, что чувствуют себя русскими:

Виноградов А.В., 27 лет: «*Русский, т.к. немецкой крови-то и не осталось уже*».

Исследуя автобиографии «виртуальных» респондентов, преподавателей Елабужского государственного педагогического института (ныне Елабужского института КФУ), мы узнали, что все они в графе «национальность» отмечали себя немцами. В частности:

Ауэр А.П., год рождения – 1948, место рождения – с. Новотроицкое Чуйского района, национальность – немец [1];

Ваймер А.Ф., год рождения – 1945, место рождения – г. Соликамск, национальность – немка [2];

Вельш К.К., год рождения – 1909, место рождения – с. Шеффер (сейчас Липовка), национальность – немец [3];

Люстиг А.М., год рождения – 1908, место рождения – г. Вена (Австрия) [4];

Штезель М.Д., год рождения – 1914, место рождения – с. Делер Куккукского района Саратовской области, национальность – немец [5].

Оценивая **уровень владения русским и немецким языками**, шестеро реальных респондентов (39,96%) ответили, что русский язык для них является родным языком. В частности, Э. Янке (22 года), Виноградов А.В. (27 лет), Виноградов В.Л. (54 года), Кельш А.И. (25 лет), Шнайдер М.Н. (35 лет), Вейт А.И. (44 года): *«Какой язык (языки) являются родным(и), неотъемлемо необходимыми респонденту для самовыражения?» – «русский».*

В свою очередь, **уровень владения немецким языком** находится в границах от А1 до С2 у половины респондентов (33,3%):

Куксгаузен К.В., 23 года: *«Уровень владения – В2»* (пороговый продвинутый уровень);

Колоскова М.П., 87 лет: *«Уровень владения – С1»* (родной язык, уровень профессионального владения).

Изучив некоторые характеристики, данные преподавателям ЕГПИ («виртуальным респондентам») и сохранившиеся в их личных делах, удалось выявить их уровень владения немецким языком.

В частности, в характеристике на ассистента кафедры немецкого языка ЕГПИ А.Ф. Ваймер говорится: *«За время работы в институте Ваймер А.Ф. показала хорошую теоретическую и практическую подготовку по курсу немецкого языка»* [2]. Однако, в графе «родной язык» сама Анна Францевна отмечает «русский».

Из автобиографии Штезеля М.Д. мы узнаем: *«Образование высшее, в 1939 г. окончил Немецкий Государственный Педагогический институт по специальности немецкий язык и литература. В 1974 г. издательством «Высшая школа» было издано учебное пособие (всероссийского масштаба) по истории немецкой литературы для педагогических институтов (на немецком языке). Свободно владею русским и немецкими языками, читаю, перевожу и говорю»* [5].

Так, 5 преподавателей свободно владеют русским и немецким языками, что составило 100%.

Несмотря на то, что в графе **«язык страны рождения респондента»**, все реальные респонденты (10 человек – 66,6%) ответили «русский язык», на вопрос о языке мышления (условно) респондентов, многие (53,28%) указали «русский и немецкий». Это свидетельствует о том, что язык предков не утрачен.

Следует отметить, что «**язык страны рождения**» «виртуальных» респондентов был русский язык, так как четверо из них родились в России (см. выше). И лишь только у одного из преподавателей, А.М. Люстига, языком страны рождения был немецкий язык, т.к. рожден он был в Австрии.

Говоря о «**сохранении немецкого языка и культуры в семье респондента после эмиграции в Российскую империю/ СССР/ Россию**», респонденты отметили следующее:

Куксгаузен К.В., 23 года: «сохранились от бабушки, в частности, язык»;

Янке Э., 22 года: «язык не сохранялся, культура передавалась через бабушку и отца, любившего национальную кухню»;

Виноградов В.Л., 54 года (отец); Виноградов А.В., 27 лет (сын): «не сохранились, т.к. прапрадед был сурового нрава и не разговаривал со своими детьми на немецком языке».

В свою очередь русский язык для всех респондентов является средством общения в их семьях.

Одним из пунктов исследования стало «**отчество как один из маркеров этнической идентификации**». Каждый из реальных респондентов имеют отчество: *Владимировна, Юрьевна, Владиславович, Львович, Игоревна, Петровна* (производ. от немец. *Peter* – русификация отчества) и др. Но, как известно, отчество в немецкой культуре не используется, по словам исследуемых, приобретено оно в связи с проживанием нескольких поколений в России. В русской культуре отчество необходимо для официальных ситуаций общения, а также для заполнения документов и пр. Поэтому, можно сделать вывод, что и те, кто относит себя к немецкому этносу, так или иначе связаны с русской культурой, подвергаются условиям российской действительности.

Культура этноса (русского и немецкого, в частности) предполагает соблюдение культурных традиций, в том числе праздников. На вопрос «**Какие чисто немецкие праздники считаются основными, обязательными для празднования в семье респондента, в том числе в Российской империи/ СССР/ России?**» самыми частотными были ответы «рождество, пасха» (19,98%), тогда как самым актуальными русскими/российскими праздниками принято считать новый год и первое мая (праздник труда). Однако, несмотря на то, что многие респонденты (19,98%) выделяют праздник Пасхи как немецкий, празднование его, по словам трех респондентов (Куксгаузен К.В., Кельш А.И., Э. Янке), прово-

дится по русским обычаям. Так, на вопрос «*когда вы празднуете Пасху?*», они отвечают: «*После великого поста*». Однако, известен тот факт, что по немецким традициям Пасху празднуют на пять недель раньше, это обусловлено разницей между григорианским и юлианским календарями.

На новый год, по словам пяти респондентов (33,3%), традиционными блюдами на их столе становятся утка (традиционное блюдо немцев на рождество) и «Оливье» («Зимний» салат), что указывает на смешение русских и немецких традиций.

Подводя итоги, отметим, что зачастую у представителей немецкого этноса, проживающих в инонациональном, инокультурном, иноязычном окружении, формируется двойственная идентичность, что обусловлено интеграцией культурных традиций двух этносов. При этом доминирующим языком общения является русский, родной язык коренного населения страны. В связи с этим, российские немцы не ощущают себя полноправными представителями немецкого этноса, но при этом и к русским они себя не относят. Занимая подобное положение, российские немцы совмещают в себе характеристики и немецкого, и русского этносов.

Литература и источники

1. Ауэр А.П. Л.Д. № 8984 // Архив ЕИ КФУ. – Ф. 6559. – Оп. 10. – Ед. хр. 8984. – 72 л.
2. Ваймер А.Ф. Л.Д. № 1293 // Архив ЕИ КФУ. – Ф. 6559. – Оп. 10. – Ед. хр. 1293. – 140 л.
3. Вельш К.К. Л.Д. № 8999 // Архив ЕИ КФУ. – Ф. 6559. – Оп. 11. – Ед. хр. 8999. – 152 л.
4. Люстиг А.М. Л.Д. № 10711 // Архив ЕИ КФУ. – Ф. 6559. – Оп. 11. – Ед. хр. 10711. – 272 л.
5. Штезель М.Д. Л.Д. № 12578 // Архив ЕИ КФУ. – Ф. 6559. – Оп. 11. – Ед. хр. 12578. – 320 л.

**Деятельность общества немецкой культуры
«Видергебурт» в социализации инвалидов
как опыт проработки этнотравмы**

*Карабулатова И.С., Ким Л.И.,
г.Москва (Россия)*

Этнотравма, как один из тридцати векторов жизнеобеспечения, является одной из мощнейших энергетических доминант в комплексе национального самосознания этноса [1]. Мы должны констатировать, что сам межэтнический конфликтный дискурс обладает естественной сущностью как неизбежная данность эволюционного развития этнических групп: он ни позитивен, ни негативен, он просто есть. Однако в ходе межэтнического конфликтного дискурса возникает проблема реализации «современной языковой личности в пространстве межкультурных коммуникаций» [2, с.4]. В качестве конкретных исторических примеров этнотравмы можно назвать: поражение Казанского ханства в войне с Иваном Грозным, войны на Северном Кавказе России, введение «черты оседлости» для евреев в России, поражение Германии в Первой мировой войне и Версальский договор, капитуляция Германии во Второй мировой войне, обретение и потеря независимости балтийскими странами в промежутке между двумя мировыми войнами, поражение США во Вьетнаме, потеря Украиной Крыма. Также примером этнотравмы можно привести лингвокультурную русификацию «инородцев» в имперской России, которая протекала с разной степенью интенсивности. Лояльных балтийских немцев и армян она затронула достаточно поздно, а жителей Финляндии вообще едва коснулась.

Наблюдаемые сегодня массовые беспорядки в ЕС, на наш взгляд, имеют тесную связь с переживанием последствий этнотравмы и всемирным публичным покаянием немцев из-за злодеяний во второй мировой войне. Мы полагаем, что создание благоприятных условий для возвращения евреев в Германию, приглашение на работу турков, прием ближневосточных беженцев имеют под собой единое обоснование – переживание опыта психотравмирующей ситуации на уровне всего немецкого этноса.

Так, создание благоприятного климата для приезжающих вьетнамцев в США является, на наш взгляд, своеобразной компенсацией за этнотравму военного конфликта. В этом контексте ситуация носит некоторые общие черты, которые мы наблюдаем с всемирным публичным покаянием

немцев за злодеяния во Второй мировой войне и приемом мигрантов с Ближнего Востока. В мае 2015 г. Глава МИД Германии публично попросил прощения у России за «неизлечимые страдания», полученные россиянами во Второй мировой войне [3]. В то же время существуют термины «преодоление прошлого» и «проработка прошлого» [4]. Первоначально они возникли в связи с процессом денацификации в Западной Германии. В настоящее время под преодолением прошлого подразумевается использование новыми демократическими государствами (Германия, Испания, страны Латинской Америки, постсоциалистические страны Восточной Европы и др.) политической практики, направленной на переоценку своего исторического прошлого, связанного с диктаторскими методами правления, и формирование отношения к нему. Изменение риторики в целом в отношении психотравмирующей ситуации, с одной стороны, направлено на преодоление психопатического, продуцирующегося невротического социального поведения. Однако, с другой стороны, игнорирование и изменение ценностного значения опыта прошлого создает благоприятные условия для возрождения этносоциальных девиаций в виде фашизма и нацизма [5]. В каждой стране процедура работы с этнотравмой имеет свои особенности.

В Германии процесс преодоления прошлого был начат по инициативе Англии и США, когда выяснилось, что, несмотря на проигрыш в войне, рядовые немцы не перестали верить в величие фюрера и в то, что нацистская идея в целом была правильной. Проработка этнотравмы включает четыре составляющих: денацификацию, демилитаризацию, декартелизацию и демократизацию. Денацификация началась с юридического наказания виновных в преступлениях против человечности и военных преступлениях. От коллективной вины в ее политическом и моральном аспекте не так просто избавиться. Она «прилипает», следует по пятам за человеком, потому что человек, сформированный в рамках определенной национальной культуры, не может отречься от нее и от народа ее создавшего. Именно эта культура определяет большую часть его личности и, соответственно, он вынужден принимать не только гордость за тот народ, из которого он вышел, но и бремя вины этого народа.

В этой связи, на наш взгляд, особый интерес представляют инклюзии, которые внедряет общество немецкой культуры «Видергебурт» г. Кокшетау в работу с лицами, имеющими те или иные ограничения здоровья. Само немецкое сообщество в Северном Казахстане относится к так

называемой «старой» диаспоре и представляет собой возрастных членов казахстанского общества, поэтому предлагаемый опыт казахстанского общества немецкой культуры может быть интересен как новая дискурсивная практика социализации и адаптации лиц с ограниченными возможностями здоровья. Организация такого рода медико-социальной помощи при Акмолинском областном обществе немцев «Видергебурт» г. Кокшетау обусловлена тем, что, в данное общество входят лица, как правило, пожилого возраста, которые вследствие своих возрастных особенностей имеют те или иные патологии опорно-двигательного аппарата, невротические и психические нарушения вследствие продолжительного стресса в условиях концлагерей, ссылок, трудовых лагерей в период второй мировой войны [6].

Попытка отречься от своих культурных корней подобна тому, что человек на словах отрекся от своих родителей. Человек, не глухой к голосу совести, вынужден искупать коллективную вину, вину за своих сородичей [7]. Например, к коллективной политической ответственности американцев можно отнести сохраняющуюся межрасовую напряженность. С одной стороны, белый американец пользуется плодами американской белой цивилизации, но с другой, вынужден терпеть неприятности из-за неблагоприятных поступков своих предков. И хотя многие вещи искупить невозможно, потому что невозможна никакая компенсация, голос совести побуждает человека делать то, что в его силах. Аналогично можно провести параллель в отношении немцев к туркам и/или прибывающим ближневосточным беженцам.

К. Ясперс подчеркивал особую важность нравственного покаяния. Он считал, что именно моральные слабости приводят к жизни уголовную и политическую вину. А они, в свою очередь, коренятся в исторической традиции народа [8]. Этот процесс особенно ярко наблюдается при диалоге диаметрально противоположных культур, что характерно для современной эпохи глобализации и миграций [9; 10; 11].

Плюрализм и множество образцов при разрушающихся традициях ставят индивида перед выбором как социального, так и речевого поведения [12]. Здесь возможны самые разные варианты, от полного отказа от собственной национальной, культурной, гражданской и др. идентичностей до обратной реакции, когда универсализация вызывает всплеск ответной реакции самосохранения [13]. Это одна из могучих энергетических доминант в комплексе национального самосознания эт-

носа. Этнотравмы, связанные с каким-либо историческим фактом в современной политике, обретают гипертрофированные черты и требуют включения в компенсаторный механизм национальной идентификации.

Сегодня мы наблюдаем новый тренд в трансформации парадигмы: расставание с предыдущими социально-психологическими и медицинскими моделями реабилитации, направленных лишь на лечение болезни и оказание поддерживающей социальной помощи. Новая модель ставит во главу угла человека, в связи с чем актуальным становится не только поиск причин болезни, но и тех социальных и психологических травм, которые вызвали отрицательные последствия для здоровья.

Литература и источники

1. Осипов Г., Карабулатова И., Шафранов-Куцев Г., Кононова Л., Ахметова Б., Лоскутова Е., Ниязова Г. Последствия этнотравмы в современной ментальной картине мира у народов постсоветского пространства: межэтнический конфликтный дискурс в современном этнолингвоинформационном пространстве России // Центральная Азия и Кавказ. 2016. – Том 19. №2. – С.100-108.

2. Карабулатова И.С. Современный электронно-информационный дискурс как индикатор этнополитической безопасности: межэтническая толерантность vs этноконфликтность в XXI веке // Научное обозрение. Серия 2: Гуманитарные науки, 2016. – №2. – С. 3-14.

3. Глава МИД Германии попросил прощения у россиян за «неизмеримые страдания» [Электронный ресурс]. – URL: <https://russian.rt.com/inotv/2015-05-09/Glava-MID-Germanii-poprosil-proshheniya> (дата обращения 04.09.2016).

4. Адорно Т. Что значит «проработка прошлого» [Электронный ресурс]. – URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ado4.html> (дата обращения 04.09.2016).

5. Mkrtumova I., Dosanova A., Karabulatova I., Nifontov V. The use of communication technologies of oppose political-religious terrorism as an ethnosocial deviation in the contemporary information-digital society // Central Asia and Caucasus. Vol.17, Issue 2, 2016, pp.54-61.

6. Карабулатова И.С., Ким Л.И. Социально—экономический эффект современных инклюзивных дискурсивных практик в социальной реабилитации лиц с ограниченными возможностями здоровья // Вестник УГАЭС. Наука. Образование. Экономика. 2015, №3 (13), сен. – С. 54-59.

7. Osipov G., Karabulatoва I., Shafranov-Kutsev G., Kononova L., Akhmetova B., Loskutova E., Niyazova G. Ethnic trauma and its Echo in today's mental picture of the world among the peoples of the post-soviet states: an interethnic conflicting discourse unfolding in Russian's ethnolinguistic information space// Central Asia and Caucasus. Vol.17, Issue 2, 2016, pp.: 87- 94.

8. Ясперс К. Вопрос о виновности. – Москва: Прогресс, 1999. – 146 с.

9. Акрамов Ш.Ю., Рязанцев С.В., Карабулатова И.С., Акрамов Ф.Ш. Социально-экономическое состояние современных таджикских семей: эффект социально-демографических последствий трудовой миграции из Таджикистана в Россию// Социально-экономические и гуманитарно-философские проблемы современной науки. – Москва, Уфа, Ростов-на-Дону, 2015. – т.2. – С.44-49.

10. Karabulatoва I.S., Akhmetova B.Z., Shagbanova K.S., Loskutova E., Sayfulina F., Zamalieva L., Dyukov I., Vykhrystyuk M. Shaping positive identity in the context of ethnocultural information security in the struggle against the Islamic State. In the: Central Asia and Caucasus. Vol.17, Issue 1, 2016 pp: 84- 92.

11. Карабулатова И.С., Рязанцев С.В., Гришанова А.Г. Миграционные мосты в Евразии: старые и новые тренды // Миграционное право, №1, 2015. – С. 5-8.

12. Данилова Ю.Ю., Салимова Д.А., Крапоткина И.Е. О «рождённых в России и рождённых Россией» немцах в истории русской литературы // Мир науки, культуры, образования. – Горно-Алтайск: МНКО, 2015. – № 6 (55). – С. 293-297.

13. Karabulatoва I., Mkrtumova I., Polivara Z., Akhmetova B., Galiullina S., Loskutova E., Abylkasymov E. Protest behavior of present-day Russian youth as ethnosocial deviation in an ethnopolitical conflict-prone situation // Central Asia and Caucasus. Vol.17, Issue 2, 2016, pp.94-103.

**«Загадочная немецкая душа»:
к вопросу о самоидентификации
русских немцев на современном этапе**

Мартинкова А.А.,
г.Брно (Чехия)

*Ne znam, gde mi je mesto,
među snovima,
među bajkama,
među zvezdama..
Ne znam, gde mi je město...
i lutam, od snova do zvezda,
od leta do lišća,
od čoveka do čoveka*.*

Vasilčin-Doža, Spoznaja stvarnosti

На сайте «Genosse», посвященном истории советских немцев на территории бывшего СССР, читаем: «Говорят, что у русских немцев две родины. На самом деле – ни одной. В Германии их считают русскими, в России – немцами.... Они также рациональны и упорны, как их прадеды, но теперь у них есть привязанность к российским просторам и вольнице. За 300 лет в России сформировалось уникальное явление – «загадочная немецкая душа» [5].

К какому же миру принадлежат российские немцы? Парадоксальность, даже некоторая оксюморонность понятия «загадочной немецкой души» лишь подчеркивает глубину и многогранность проблемы определения идентичности данной этнической группы, заключающую в себе как аспект идентификации со стороны мажоритарных групп, так и этническую самоидентификацию.

В.В. Веревкина, изучая процессы этноидентификации российских немцев в местах дисперсного поселения, приводит следующие выделяемые исследователями типы идентичности: 1) *немецкая* – тип мигранта, отсутствие этноса как такового – позиция В.Н. Шайдурова; 2) *русская и немецкая одновременно* – концепция «промежуточного» этноса В.Г. Дица; 3) *российско-немецкая* – концепция самостоятельного этноса

* «Я не знаю, где мое место – среди снов, среди историй, среди звезд... Я не знаю, где мое место... Я скитаюсь от мечтаний к звездам, от лета к листьям, от человека к человеку» (пер. автора) [Цит. по: 6].

В.Ф. Баумгертнера; 4) русская, немецкая и российско-немецкая – учитываемые случаи возвращения российских немцев в Германию – позиция Г.Г. Вормсбехера [1].

Придерживаясь концепций Баумгертнера и Вормсбехера (и не оспаривая при этом утверждений о разнообразии религиозных, территориальных и культурных групп внутри исследуемого сообщества), исследователь делает вывод о самостоятельности сформировавшегося молодого этноса «российские немцы», в силу культурно-исторических причин отличающихся как от русской, так и близкородственной старонемецкой нации [1]. Однако, как отмечает автор, **причисление себя к российским немцам и активная позиция в формировании целостного видения вопроса этничности присуще «авангардной» части русских немцев**, которая и составляет население районов компактного проживания» [1]. Результаты эмпирического исследования, проведенного В.В. Веревкиной в Алтайском крае, показывают, что в районах дисперсного проживания большая часть респондентов относит себя либо к русской, либо к немецкой нации: роль при этом играет, во-первых, невовлеченность в деятельность организаций российских немцев (как правило, большая часть не задумывается ни о собственной национальной принадлежности, ни о сохранении национальной идентичности российских немцев), а во-вторых, возраст – для старшего поколения в силу памяти языка и некоторых культурных традиций характерно восприятие себя как немцев, для молодого поколения в силу интеграции с русским населением типично отнесение себя к русской нации [1].

Этническая самоидентификация, по мнению А.П. Сайненко, базируется на двух столпах: осознании сходств и единства внутри группы и противопоставлении «своей» группы остальным [4]. Отметим, что термин «этническая самоидентификация» отражает в своей семантической структуре «связь между идентификацией и осознанием принадлежности к определённой группе. Идентификация основана, с одной стороны, на дифференциации, которая посредством противопоставления «мы / они» предполагает осознание различий между своей и другой группой. С другой стороны, идентификация предполагает осознание сходств внутри группы, основываясь на дискурсе идентичности «о нас» [4]. Этнический же кризис самоидентификации, является «следствием изменения соотношения этих двух составляющих» [4].

Кризис самоидентификации наиболее многогранно проявляется в ус-

ловиях репатриации, где дает о себе знать столкновение с мажоритарным населением и сказывается время переезда в Германию [3]. Так, М.С. Савоскул на основе проведенных интервью с российскими немцами в Германии выделяет следующие возможные типы самоидентификации репатриантов:

1) **Российские немцы, считающие себя настоящими немцами** (ранние переселенцы, превосходно владеющие немецким языком, полностью интегрированные в немецкое общество; автор подчеркивает, что стать гражданами Германии было для многих жизненной целью. При этом отмечается демонстрация черт российского менталитета) [3].

2) Поздние переселенцы, **считающие себя российскими немцами**, людьми, принадлежащими к двум культурам одновременно. Эта группа – граждане двух миров, не разрывающие связей ни с одним из них, успешно интегрирующиеся в немецкое общество и активно пользующиеся преимуществами двух культур [3].

3) Наиболее обширная и проблематичная группа поздних переселенцев, испытывающих **кризис этнической самоидентификации** (разные возрастные группы, характерно слабое знание немецкого языка или отличные от жизни в Германии жизненные установки, что ведет к социальной изоляции). [3]. Именно эта группа российских немцев оказывается «между двух миров», не идентифицируя себя полностью ни с одним из них.

Учитывая неоднородность и вариативность этнического самоопределения внутри группы в разнообразном инокультурном окружении (следует принять во внимание и российских немцев, проживающих в странах экс-СССР: влияние оказывает идентичность мажоритарной группы страны проживания), перспективным представляется **понятие множественной этнической идентичности**, введенное В.С. Курске, которое понимается как «отнесение себя индивидом или группой к двум и более этническим культурам» [2]. Данный тип идентичности «...интегрирует элементы двух и более этнических культур и может дополняться маркерами региональных, конфессиональных, лингвистических и гражданских идентичностей. Иерархия и степень конфликтности этих «частичных идентичностей» ситуативны» [2]. Исследователь отмечает также тенденцию увеличения доли групп с множественной этнической идентичностью в условиях глобализации и миграции населения.

Автор приводит 4 типа множественной этнической идентичности:

а) **«Тип мигранта»** реализуется в качестве индивидуальной жизненной стратегии. Он предполагает максимально, эффективную интеграцию в, принимающее общество. При этом множественная этноидентичность воспринимается как временное состояние в процессе перехода, из одной» культуры в другую.

б) **Позитивная маргинальная идентичность** (... индивиды чувствуют себя «мостом» или «швом двух миров», ощущают себя вовлеченными в обе «материнские» культуры).

в) **Негативная маргинальная идентичность.** Характеризуется неприятием ни в одной из культур, ощущением себя «оторванным от корней», «потерянным».

г) **Синкретическая множественная идентичность** предполагает осознание носителями особого статуса своей группы, культура которой воспринимается, не в качестве простой суммы «материнских» культур, а как самостоятельный социальный опыт и ценность [2].

Думается, что наиболее предпочтительными с точки зрения самоидентификации являются пути позитивной маргинальной идентичности и синкретичной множественной идентичности, т.е. концепция российско-немецкого самостоятельного этноса (см. выше успешность интеграции второй группы репатриантов). Осознание принадлежности к российской и немецкой культурам и одновременно отличности от каждой из них, черпание в этом своей силы будут способствовать формированию целостного мировоззрения, осознанию единства и исключительности российских немцев, а также смогут помочь избежать кризиса самоидентификации.

Литература и источники

1. Веревкина В.В. Об этнической идентичности российских немцев [Электронный ресурс]. – URL: <http://ashpi.asu.ru/ic/?p=2287> (дата обращения: 25.09.2016).

2. Курске В.С. Множественная этническая идентичность: теоретические подходы и методология исследования [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.dissercat.com/content/mnozhestvennaya-etnicheskaya-identichnost-teoreticheskie-podkhody-i-metodologiya-issledovani#ixzz4MEjMdoYI> (дата обращения: 20.09.2016).

3. Савоскул М.С. Российские немцы в Германии: интеграция и типы этнической самоидентификации (по итогам исследования российских

немцев в регионе Нюрнберг - Эрланген) [Электронный ресурс]. – URL: <http://demoscope.ru/weekly/2006/0243/analit03.php> (дата обращения: 21.09.2016).

4. Сайненко А.П. Дискурсы самоидентификации мажоритарного этноса республики Молдова. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.pandia.ru/text/77/311/45646.php> (дата обращения: 25.09.2016).

5. Genosse – сайт советских немцев [Электронный ресурс]. – URL: <http://genosse.su/novosti/501-v-rossii-oni-nemcy-v-germanii-russkie.html> (дата обращения: 25.09.2016).

6. Nomachi M. Whose Literature? Aspects of Banat Bulgarian Literature in Serbia [Электронный ресурс]. – URL: http://src-h.slav.hokudai.ac.jp/coe21/publish/no30_ses/p179-192.pdf (дата обращения: 28.09.2016).

Проблемы самоидентичности российских немцев в ракурсе психологии и языкознания

Салимова Д.А.,
г.Елабуга (Россия, Татарстан)

*Статья выполнена при финансовой поддержке РГНФ
№15-04-00011а «Язык и культура русских немцев в миграции:
проблемы самопрезентации и самоидентификации».*

Термины «родной язык», «русский как иностранный», «первый иностранный» и др., а значит, вопросы национальной идентичности, в науке о языке и в психологии трактуются неоднозначно. Вряд ли возможно ли терминологическое деление на основании исключительно территориального признака (географии распространения языка). Вспомним, что в различных странах мира понятие «родного языка» зависит от временных и юридических параметров (мнение носителей, а также их уровень владения языком не учитываются.). Например, в университете Санкт-Галлена (Швейцария) родной язык – это язык, на котором студент получил аттестат зрелости. Если он учился в разных странах, то родным языком считается тот язык, на котором студент проучился минимум 8 лет [1, с. 125].

Тем более, по отношению к российским немцам, которые родились в России, стали говорить именно на русском языке, термин «русский как иностранный», неприемлем, то есть термин «самоидентичность» действительно является понятием, весьма сложным и многоуровневым.

Общепринято, что под идентичностью мы понимаем представление человека о самом себе, своем «я», кто он есть в этом мире, в соотношении с языковой и национальной принадлежностью каким видит и воспринимает свой статус.

Национальная идентичность включает в себя множество составляющих: это и мировоззрение, национальное самосознание, менталитет, историческая память, этнонациональные образы и символы, традиции и т.д. Идентификация/самоидентификация (понятие, в свое время введенное еще З.Фрейдом) понимается нами, таким образом, как важнейший механизм социализации человека/народа, сравнение субъектом свойств с целью установления тождественности, осознания групповой принадлежности, формирования социальных установок.

В нескольких своих статьях (справедливости ради, добавим, по этой теме у отечественных и германских коллег написано очень много инте-

ресных работ) мы попытались ответить на вопрос: почему у современных российских немцев отличная от большинства россиян особенная этническая идентичность [2, с. 34-39]. Эта идентичность «амбивалентная», сдвоенная, с более ослабленным проявлением от поколения к поколению немецко-германской этнокультуры.

Известно, что в науках о человеке (а сегодня вся наука, особенно лингвистическая, «лицом обернулась» к человеку) понятие идентичность имеет три главные модальности: 1) психофизиологическая идентичность, 2) социальная идентичность и 3) личная идентичность или самоидентичность, под которой рассматривается единство и преемственность жизнедеятельности, целей, мотивов и смысложизненных установок личности, осознающей себя субъектом деятельности. Говоря по-иному, этническая идентичность же, как известно, – это осознание, восприятие, эмоциональное оценивание, переживание своей принадлежности к этнической общности [3, с. 6].

Специалисты разных областей и сфер исследуют вопросы идентичности в разных ракурсах: социальном, психологическом, историческом, лингвистическом и т.д., используя методики: а) «Типы этнической идентичности» (Г.У. Солдатова, С.В. Рыжова); б) измеряющую выраженность этнической идентичности (Т.Г. Стефаненко); в) исследования самоидентификации как фактора самоорганизации этнической группы (А.В. Булгаков, Н.Т. Колесник). Естественно, далеко не все аспекты лингвокультурологической идентичности учтены в этих методиках.

История и проблемы языка, идентификации российских немцев убедительно демонстрируют теснейшую связь вопросов истории общества/страны, культуры и языка.

Приведем лишь некоторые данные относительно языковой принадлежности РН: статистический материал имеет место в открытом доступе в последние годы. По данным всесоюзных переписей населения, немецкий язык считали родным для себя в 1959 г. – 75,0% немцев СССР, в 1970 г. – 66,8%, в 1979 г. – 57,0%, в 1989 г. – 48,8%, т.е. за 30 лет произошло снижение доли считающих родным языком немецкий на 26,2%. Следует отметить, что в союзных республиках, особенно в Казахстане и Средней Азии показатели признания немецкого языка родным были выше, чем в РСФСР, где в 1989 г. родным языком немецкий признали только 41,8% немцев. Представленные данные свидетельствуют о быстрой утрате немецким языком своих позиций. Эти цифры являются средними по-

казателями, отражающими общую тенденцию. К сожалению, при проведении Всероссийской переписи населения в 2010 г., в переписных листах отсутствовал вопрос о родном языке. Но изучение динамики этого показателя и по переписям населения, и по социологическим опросам, дает нам снижение доли немцев, признающих родным языком немецкий примерно на 1% в год на протяжении длительного времени. При планировании опроса мы исходили из гипотезы, что доля считающих немецкий язык родным среди российских немцев в настоящее время во всяком случае не превышает 30%. Оптимистичный прогноз был на уровне 40% (уровне 1989 г.), пессимистичный прогноз давал цифру в 10–15% (и то за счет старшего поколения). По данным проведенного исследования, наша гипотеза полностью подтвердилась: немецкий язык признали родным – 30,6%, русский – 60%, оба языка (и русский, и немецкий) – 9,1%, другие языки – 0,3% [4, с. 359].

Вспомним общеизвестные факты: после посещения СССР в 1955 г. первым канцлером Германии К.Аденауэром и подписанием ряда межправительственных соглашений с советских немцев был снят режим спецпоселения и начался процесс переселения немцев в Западную Германию. Первоначально он шел под лозунгом воссоединения разорванных в годы войны семей. В это время выезжало от нескольких десятков до сотен человек.

Ситуация изменилась после принятия закона СССР «О въезде и выезде» в 1986 г. Массовый выезд немцев с территории бывшего СССР в Германию начался в 1989 году, когда стали выезжать по несколько десятков тысяч человек в год (пик в 1994 г. – 213 214 человек), что значительно истощило долю немецкого населения в России, на Украине, в Казахстане и других странах. В общей сложности более 3 миллионов русских немцев переселилось в конце XX века в Германию, что составило вместе с другими переселенцами из стран бывшего СССР в Германии более чем 5%-ную русскоговорящую составляющую населения Германии [5, с. 10].

Каждый из этих периодов в жизни общества и этноса оставлял свой отпечаток в памяти народа и влиял на факторы национальной идентичности. По мотивации можно было бы выделить: 1. Личностная самоидентификация. 2. Генетическая самоидентификация. 3. Когнитивная самоидентификация. 4. Социальная самоидентификация. 5. Прагматическая самоидентификация. Последний пункт, на наш взгляд, связан с неустойчивой исторической памятью у этноса (в нашем случае у РН),

представители которого в зависимости от ситуации и страны проживания могут себя идентифицировать то немцем, то русским. Нельзя не согласиться с выводом ряда авторов о том, что у РН доминирующим критерием является «этническая индифферентность». Можно предположить, что у 28,5 % выборки присутствует размывание этнической идентичности, выраженное в неопределенности этнической принадлежности, неактуальности этничности (Колесник [6, с. 9]).

Однако языковые/музыкальные/кулинарные/религиозные и т.д. детерминанты самоидентификации, исследуемые нами на примере немцев России, могут быть использованы для раскрытия лингвопсихологической сущности, механизмов и принципов самоорганизации и сохранения этнической идентичности других национальных меньшинств, находящихся в условиях дисперсного проживания и имеющих глубокое историческое прошлое и память, например, это очень актуальные вопросы исторической памяти крымских татар.

В качестве таких детерминант, в частности, выступают: историческая (генетическая) память; «обида за предков»; реализация потребности в принадлежности к этнической группе; реализация потребности в единой национальной цели и идее, объединяющей людей; приобретение смысла жизни; «нахождение корней»; «нахождение своей земли обетованной», своей Родины; общение; взаимодействие; новые возможности и другие. А новые возможности для самоидентификации российских немцев, несмотря на тревожные фактора «ухода от исторических корней», сегодня в России действительно существуют.

В 1990-х гг. во многих крупных городах России и в местах компактного проживания российских немцев созданы Центры немецкой культуры, в которых при содействии правительства ФРГ реализуется программа «Брайтенарбайт» («Расширенная работа»), образованы два немецких национальных района (с центрами Гальбштадт в Алтайском крае и Азово в Омской области), реализована немецко-российская программа Нойдорф-Стрельна по созданию коттеджного поселка российских немцев в пригороде Санкт-Петербурга – Стрельне, образована Федеральная национально-культурная автономия «Российские немцы».

В настоящее время на территории Российской Федерации действуют более 500 структур российских немцев, – это Центры немецкой культуры, национально-культурные автономии, отделения общества «Возрождение», молодежные объединения, российско-немецкие дома,

различные фонды, например, только в интернет-пространстве функционирует свыше ста групп и сообществ, объединяющих российских немцев по разным интересам.

Наши выводы, одним из самых серьезных которых, на наш взгляд, является учет фактора возраста РН, подкреплены данными анкетирования/опроса 100 российских немцев, с которыми мы ведем активную переписку вот уже в течение двух лет. На вопросы: знаете ли вы немецкий язык, какой язык считаете родным и основным, кем себя по национальности вы себя называете и др. наши респонденты (в основном, молодого поколения), к счастью, давали откровенные и честные ответы.

Так, 1. Из российских немцев (опрошенных нами), заявляющих о себе как о представителях самостоятельного этноса, лишь примерно одна треть знает немецкий язык. 2. Интерес к немецкому языку как к доминантному признаку нации проявляют молодые и образованные люди, также те, кто избрал профессию, связанную с немецким языком. 3. У второго поколения российских немцев признаки самоидентификации проявляются намного слабее, нежели это у их детей, современной молодежи. 4. Даже у тех внуков и правнуков этнических немцев, не владеющих немецким языком, тяга к «немецкости» проявляется: это выявлено нами на разных уровнях (привязанность к национальной кухне, музыке, интерес к Германии как к государству), то есть можно говорить о сохранении этнокультурных кодов у российских немцев: дисперсное расселение российских немцев, которое повлекло за собой стирание-вымывание национального сознания, к счастью, все же не привело к тотальным исходам, как в этнокультуре, так и в плане этнодемографии. Самое главное, никто из опрошенных нами ста представителей российских немцев русский язык иностранным языком не назвал, в одиннадцати случаях русский и немецкий языки были названы родными. Несомненно, наши исследования требуют включения в число респондентов еще большего количества российских немцев и что немаловажно – представителей разных поколений.

Литература и источники

1. Koudrjavitseva E.L., Salimova D.A., Snigireva L.A. Russian as native, non-native, one of natives and foreign languages: Questions of terminology and measurement of levels of proficiency / Asian Social Science. 2015. Vol. 11. No 14. – P.124-132.

2. Салимова Д.А., Данилова Ю.Ю., Крапоткина И.Е. Историко-социальный подход к проблеме языка и культуры российских немцев Поволжья (на материале опубликованных архивных документов) // Политическая лингвистика / Гл. ред. А.П. Чудинов; – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т., 2015. – Вып. 4 (54). – С. 134-139.
3. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология: практикум: учеб. пособие для студентов вузов. – Москва: Аспект Пресс, 2013. – 224 с.
4. Киселева Е.А. Кросс-культурный подход в изучении этнографических и этнических групп (на примере российских немцев). / Е.А.Киселева, Н.Т.Колесник, Е.А.Орлова. // V съезд Общероссийской общественной организации «Российское психологическое общество». 14-18 февраля 2012 г. Материалы участников съезда. Т.П. – Москва: Российское психологическое общество, 2012. – С. 359.
5. Колесник Н.Т., Евенко С.Л. Исторические условия формирования психологических предпосылок развития идентичности этнических меньшинств в условиях дисперсного проживания (на примере российских немцев) // вестник екатерининского института. – № 4. – (32) – 2015. – С.7-12.
6. Колесник Н.Т. Самоидентификация как фактор Самоорганизации национальных меньшинств (на примере немцев России)/ Вестник МГОУ. Серия «Психологические науки». № 4 / 2011. – С. 9 (С.7-11)
7. Герман А.А., Иларионова Т.С., Плева И.Р. История немцев России. В 3 кн.: Кн. 1. Учебное пособие; Кн. 2. Хрестоматия; Кн. 3. Методические материалы. – приложение II к ... немцев России: учебное пособие. – Москва: МСНК-пресс, 2005. – 542 с.

**Этническая культура российских немцев
как вектор социолингвистических исследований**

*Салимова Д.А., Ушкова И.И.,
г.Елабуга (Россия, Татарстан)*

*Статья выполнена при финансовой поддержке РГНФ
№15-04-00011а «Язык и культура русских немцев в миграции:
проблемы самопрезентации и самоидентификации».*

Межэтнические и межкультурные отношения между немцами и русскими находят особую выразительность в среде российских немцев.

Находясь на стыке двух культур, двух языков, двух менталитетов, они, с одной стороны, были всегда заложниками истории в плане слишком амбивалентных германо-русских отношений. С другой стороны, они, в силу именно той же истории, странствуя между двумя мирами, стали уникальным связующим звеном между этими мирами, раскрывая перспективы и богатый потенциал межэтнического и межкультурного общения на будущее. Поэтому мы не можем быть равнодушны к судьбе российских немцев, которые прибыли в Россию более двух столетий назад по зову «русской немки» на царском троне – Екатерины II.

Наша работа: «**Язык и культура российских немцев (на примере архивных данных и опроса респондентов)**» была выполнена в рамках проекта РГНФ № 15-04-00011.

Целью является освещение вопросов языка и культуры русских немцев на материале архивных данных и анкет респондентов; выявление факторов, влияющих на самоидентификацию российских немцев.

В работе использовались оригинальные и ценные материалы - это архивные данные Елабужского госпединститута (8 человек), личные данные респондентов (всего 38 человек), научные и научно-популярные публикации по теме языка и культуры российских немцев.

Объектом исследования выступают российские немцы как представители двух этнокультур (русской и германской).

Предметом исследования является специфика отражения историко-культурных факторов в языке, культуре, самопрезентации и самоидентификации российских немцев.

Изучая историю появления российских немцев в России, мы выяснили, что первые упоминания о немцах на Руси относятся в IX веку.

Проанализировав проблему языка российских немцев, следует отме-

тить следующие тенденции в области языковой компетенции: с одной стороны, растет доля немцев, не владеющих немецким языком совсем; но с другой стороны, увеличивается доля тех, кто владеет языком свободно.

Следует подчеркнуть, что все без исключения сферы общения стали двуязычными, владеющие немецким языком редко практикуют употребление только немецкого (или исключительно русского языка).

Для изучения знания немецкой культуры нами был посвящен блок вопросов по истории и культуре.

Часть вопросов касалась отношения самих респондентов к истории, их знаниям, желанию изучать. Несколько вопросов было посвящено реальному функционированию национальной культуры и вероисповедания. В целом, ситуацию в развитии этнокультурных процессов следует признать хотя и не столь катастрофической, как в ситуации с языком, но весьма далекой от идеала. Для того, чтобы этническая культура развивалась поступательно, необходима непрерывная работа по её сохранению. В настоящее время представляется, что наиболее оптимальным вариантом развития является модернизация культуры российских немцев за счет культурного обмена с Германией при сохранении важнейших элементов и символов этнической культуры немцев России.

Вторая часть нашей работы – практическое исследование. На первом этапе мы изучили Российских немцев Елабужского госпединститута. И можем сказать, что в процессе становления российской науки – наука немецкая сыграла особую роль. Ученые и преподаватели, работающие в Елабужском госпединституте внесли огромный вклад в становление науки и развитие госпединститута. Например:

АУЭР АЛЕКСАНДР ПЕТРОВИЧ работает на кафедре русской и зарубежной литературы с октября 1974 года. Ведет курс литературы 19 века и введение в литературоведение.

Люстиг Альфред Максович. Его заслуги в развитии математических кафедр огромны. В 1965 году А.М. Люстиг был занесен в «Книгу Почета» ЕГПИ. Он был награжден орденом «Знак почета» за достигнутые успехи в развитии образования. Женой удивительного человека - Альфреда Максовича Люстига была Лидия Алексеевна Люстиг - прекрасный лектор, замечательный преподаватель Елабужского пединститута.

В процессе исследования было выявлено, что, будучи весьма образованными, немецкие преподаватели стремились не только передать свои

знания новым поколениям, но и показать через свои уроки / лекции всю самобытность немецкого народа, познакомить с его культурой, достижениями в науке, литературе, искусстве. Огромный вклад немецкие педагоги внесли в развитие филологии как науки, межкультурного взаимодействия, двуязычной коммуникации.

Основной частью нашей работы было заполнение таблицы нации в миграции. Она состоит из 400 пунктов. К сожалению, все пункты нам не удалось заполнить, но самые основные нами были заполнены.

Нами было исследовано 38 представителей российских немцев.

Данных респондентов мы разделили на три группы.

1) Те, кто родились в начале XX-го века.

Практически все свободно владели немецким языком, мало того, признавали себя немцами.

Их дети, в основном, немецким не владеют, кроме специалистов, связавших жизнь с немецким языком.

Вторую группу составили респонденты, относящиеся к поколению середины XX-го века

Все респонденты второй группы так же имели представления о своих корнях, но со сложившейся пост военной ситуацией, старались скрывать информацию о происхождении, и не обсуждать эти вопросы даже в кругу семьи. Со временем детали происхождения забывались и до нынешних дней много информации утеряно.

Третья группа – молодое поколение. Данная группа также интересна была для исследования, т.к. можно было проводить сравнение нескольких поколений, позволяющих определить динамику в развитии этнической самоидентификации.

Поиск рецензентов велся, в основном, из групп в социальной сети «Вконтакте»:

1) <https://vk.com/club1096055> - немцы Поволжья - насчитывает 432 участника.

2) <https://vk.com/perlenkette> - МК «Perlenkette» при АНО «Немецкий Дом РТ» – насчитывает более 1300 участников;

3) <https://vk.com/bvadeu> - Немцы - переселенцы в Германию. Spätaussiedler - насчитывает 3085 участников;

4) <https://vk.com/russlanddeutsche> - российские немцы, насчитывает 3718 участников.

Которая позволила нам выявить русских немцев.

Респонденты третьей группы (поколение 80-90х) - имели не такие четкие представления о своих корнях, как представители первой группы. Но после проведения беседы, было видно, что повысился интерес и ими был предложен вариант получения информации от достоверных источников (характерно для 9 человек из 38).

В ходе экспертного опроса интервьюируемые выделили несколько основных проблем этнической общности: разрозненность немецкого населения; утрата немецкого языка как средства общения и сохранения культуры; снижение уровня поддержки (прежде всего финансовой) со стороны Правительства РФ; потеря ориентиров: люди с немецкими корнями не видят смысла в подчеркивании своей этнической принадлежности.

На сегодняшний день, из граждан с немецким этническим происхождением в возрасте до 30 лет только 20 % идентифицируют себя с этносом российских немцев, остальные – с русскими и другими этническими общностями.

Исходя из данных опросов, мы можем предположить, что этническая общность российских немцев находится в стадии ассимиляции: большинство респондентов не используют немецкий язык для повседневной коммуникации; подверглись брачной ассимиляции или родились в этнически смешанных браках; не принимают участие в немецкой самоорганизации и не выразили желание, в случае восстановления этнического территориального образования, переехать в зону компактного проживания немецкой общности.

Немецкий этнос ждет дальнейший процесс ассимиляции либо интеграции в Германии. В отдельных семьях будет сохраняться немецкая идентичность. Общественные движения российских немцев продолжают свое существование, но консолидация немцев вокруг них будет слабой. При сохранении сельских поселений есть шанс сохранить все признаки идентичности, но, учитывая последние тенденции отъезда молодежи в города, идентичность умрет вместе с последними ее представителями. Искусственные механизмы через общественные структуры теряются, как только заканчивается финансирование.

**Причины утраты и возобновления своих
лингвоэтнокультурных корней (на материале анализа
данных четырех семей российских немцев)**

*Саушкина А.И., Ягудина Л.И.,
г.Елабуга (Россия, Татарстан)*

*Статья выполнена в рамках реализации гранта РГНФ
№15-04-00011а «Язык и культура русских немцев в миграции:
проблемы самопрезентации и самоидентификации».*

Вопрос о лингвоэтнокультурной самопрезентации и самоидентификации российских немцев становится актуальным и ведущим для исследований, изучающих языки с точки зрения антропоцентрического подхода, как системы национального миропонимания. «Язык этнических немцев навсегда вписался в языковое полотно России и остается прекрасным фрагментом орнамента общероссийского многоязычного пространства» [1, с.138], так как традиционная культура и историко-культурное наследие российских немцев огромно и составляет отдельный пласт в изучении истории этнических немцев. Беря во внимание точку зрения В.Г. Дица и его одновременно и русскую, и немецкую концепцию «промежуточного» этноса [2] и говоря о российских немцах как о народе, который внес значительный вклад в историю России, в своем исследовании мы не можем не отметить, что численность российских немцев на территории России уменьшается с невероятной быстротой: «По переписи 1989 г., в СССР проживало 2 млн 38 тыс. немцев, из них в РСФСР — 842 тыс. Через 13 лет, по переписи 2002 г., в России оставалось уже около 600 тыс. немцев. Перепись 2010 г. зарегистрировала на территории России 394 138 немцев, т. е. всего за 8 лет немцев убыло на треть, стало на 203 074 человека (34 %) меньше, чем в 2002 г» [1, с.134]. Несмотря на то, что за последние несколько десятилетий наблюдаются такие серьезные изменения в численном составе российских немцев, их язык и культура, тем не менее, функционируют и развиваются, пусть пока и у небольшого числа потомков этнических немцев.

В связи с этим, выявление причин и мотивов либо утраты, либо сохранения российскими немцами своих лингвоэтнокультурных корней становится ведущей проблемой в научных исканиях, особенно для тех, кто занимается проблемами социолингвистики, этноязыковой политики и ситуации, этнопсихологии. Именно поэтому в своей работе мы рас-

смотрим историю четырех семей как фрагменты истории российских немцев и как доказательство того, что у части населения речевые навыки и этнические корни этой нации сохранились на протяжении многих лет и ассимилировались с русскими традициями и языком, но и у части – полностью утратились современными потомками российских немцев.

Мы, работая над этой темой в течение последних двух лет, занимались архивными исследованиями, также вели переписку, организовывали встречи с представителями российских немцев. Всего было исследовано нами 30 семей и конкретных представителей одного поколения. Заранее благодарим тех, кто охотно делился с нами воспоминаниями и предоставил в наше распоряжение материалы по своим семьям.

В этой статье мы дадим краткий обзор данных по четырем семьям, потомкам российских немцев.

Елена Аркадьевна Мосман, например, представляет собой случай возрождения своих лингвоэтнокультурных корней. Ее прадед Иосиф Петрович Моосманн был российским немцем, родившимся в 1888 году в селе Деготт Каменского кантона (ранее немецкая колония Сосновской волости Камышинского уезда Саратовской губернии, входившая в состав АССР Немцев Поволжья, и ныне не существующая колония) в семье бедного крестьянина. Иосиф Петрович окончил школу в родном селе и в 1900 год, как пишет он в автобиографии (Рисунок 1), «лишился возможности продолжать учебу из-за смерти отца и отсутствия средств». Получать образование Иосиф Петрович Моосманн не мог, поэтому был вынужден заниматься «в летнее время полевыми работами, а в зимнее время по ткачеству сарпинки». Заметим, что сарпиноткацкое производство (изготовление ткани сарпинки) было одним из первых производств, зародившихся в колонии Сарепта (г. Волгоград) в 1770-1780 гг. Его навыки были привезены из Германии. Спрос на сарпинку резко возрос в то время, поэтому создавались предпосылки для расширения производства. С 1790-х гг. Сарепская община отдавала изготовление пряжи в колонии, где была дешевая рабочая сила, свободная от земледельческого труда в зимнее время. Из автобиографии Иосифа Петровича мы узнаем, что с 1908 по 1909 года он работал в селе Деготт в качестве наемного рабочего «по ткачеству сарпинки». В 1909 году Иосиф Моосманн уходит на военную службу, а в 1914 возвращается в родное село и работает там сельским писарем до Октябрьской революции 1917 года. За период с 1917 по 1937 года он занимал должности секретаря

му возникли проблемы как с изучением немецкого языка, так и с пониманием речи (например, разные диалекты у рядом поселенных семей).

Сама Елена Аркадьевна Мосман на данный момент интересуется своей родословной и активно занимается ее восстановлением. И, в отличие от своего деда Аркадия Иосифовича, утратившего навыки речевого общения на немецком языке, Елена Аркадьевна знает язык своих предков и может свободно использовать его в коммуникации.

Таким образом, на примере одной семьи (в частности, на примере трех ее поколений) мы наблюдаем владение немецким языком на уровне языка-мышления (Иосиф Петрович), полная утрата языковых навыков (Аркадий Иосифович) и стремление сохранить и возродить этнокультурные коды российских немцев (Елена Аркадьевна).

Следующая рассмотренная нами семья – семья респондента Кристины Игоревны Фрезе (1994). На данный момент ее семья: отец – Игорь Эрикович Фрезе, мать – Ольга Тимофеевна Фрезе (дев. фамилия Борисова), брат – Эрик Игоревич Фрезе активно занимаются восстановлением родословной своей семьи. Для семьи Фрезе очень важно знать, какая жизнь была у их предков, какой культуры они придерживались, поэтому очень многое Кристина может рассказать о своей прапрабабушке Матильде, которая родилась в конце 19 века в России и очень плохо знала русский язык. «Баба Мотя (как ее все называли) общалась только на родном немецком языке, как и читала, а также отмечала только немецкие праздники, как и вся ее семья», – пишет Кристина Фрезе. Прабабушка Матильда (данные по фамилии и отчеству не сохранились) вместе с её родителями переехала в Российскую империю в 19 веке в Екатеринославский уезд Екатеринославской губернии Российской империи (в настоящее время территория входит в состав Запорожского района Запорожской области Украины). Образование Матильда получила начальное и всю жизнь была домохозяйкой. В 1915 году она родила дочь Марию, которая уже частично владела немецким языком. Далее наблюдается полная утрата немецкого языка в семье: сын Марии Эрик Вольдемарович Фрейзе (1936) плохо знал родной язык своей бабушки, а у Игоря – сына Эрика полностью исчезли языковые традиции его предков.

Кристина Игоревна Фрезе же считает себя российской немкой и восстанавливает языковое и культурное наследие своих предков: она является активным участником Немецкого Молодежного Объединения (г. Москва), председателем Немецкого Молодежного Клуба «Югендблиц»

(г. Санкт-Петербург), интересуется немецким языком и всем, что с ним связано. Кристина признает родным языком как русский, так и немецкий языки, поэтому коммуникацию может осуществлять на обоих языках.

О данном респонденте (Кристине Фрейзе) мы можем говорить как о случае, где «сработали так называемые «генная память» и «зов крови», пробуждение «приглушенных генетических кодов» [1, с.137].

На примере следующей семьи респондента Виктории Дмитриевны Мунц (1990) мы наблюдаем полное сохранение родного немецкого языка во всех поколениях. Дедушка Виктории Геннадий Иосифович Мунц родился 19 марта в 1938 году. Эмиграция в Россию произошла в феврале 1940 года (Геннадию Иосифовичу тогда был всего лишь один год). На данный момент он проживает в городе Самаре. Своим родным языком Геннадий признает немецкий язык, на котором он общался в семье с детства, уже живя в России. Геннадий Иосифович, с малых лет живя в России, в совершенстве овладел русским языком, поэтому он читает художественную литературу и публицистику, а также смотрит новости и фильмы преимущественно на русском языке. Но со своей женой, сыном и с внучкой Викторией иногда говорит по-немецки. Геннадий Иосифович в воспитании своих детей пытается привить им немецкую культуру, поэтому их семья во многом сохранила чисто немецкие праздники и традиции: они празднуют День Урожая, немецкую Пасху, и основной традицией в их семье считается готовка немецких блюд абсолютно на любой праздник. Сейчас Геннадий Иосифович активно восстанавливает свою родословную, в связи с тем, что его интересуют люди, которые каким-либо образом соприкасаются с его корнями.

Мунц Виктория, внучка Геннадия Иосифовича, – опытный репетитор по немецкому языку со стажем 8 лет. Один из самых важных интересов в ее жизни – это немецкий язык, немецкая культура, Германия. Виктория считает своим родным языком русский, но и языком своих предков владеет в совершенстве, чтит свои немецкие корни. В семье с отцом и дедом Виктория Мунц общается только на их родном немецком языке. Она признается, что и ее муж – российский немец по маме с фамилией Штейнбах, тоже неплохо владеет языком своих предков.

Следующая семья – семья нашего респондента Егора Вячеславовича Лоренц. Его мать Ирина Владимировна Лоренц родилась в 1959 году. Имеет немецкие корни по линии матери Лоренц Фриды Христофоров-

ны, у которой отец Христофор и мать Фрида были немцами, проживающими в России не одно столетие. Родным языком Ирины Владимировны является русский, хотя для ее матери, Фриды Христофоровны, родным языком был немецкий, «но время было такое, что об этом не стоило ни говорить, ни общаться на данном языке дома». По свидетельству Ирины Лоренц, в школе ее с сестрой обзывали «немчурами», поэтому они прекратили какое-либо общение на немецком языке. Семье Лоренц была запрещена даже любая переписка на немецком языке, так как их считали предателями.

Егор Вячеславович Лоренц на данный момент совершенно не знает немецкого языка и не придерживается каких-либо культурных традиций своих предков. На примере данной семьи мы видим, что все её языковые и культурные корни со своими этническими предками были утрачены, не наблюдается также в них интереса к восстановлению традиций и истоков исторической родины.

Таким образом, российские немцы и их личные данные составляют ценную, пусть и небольшую, лингвокультурологическую базу для изучения немцев в России, и в частности, образуют огромный фонд для исследования этнических немцев в рамках проекта «Язык и культура русских немцев в миграции: проблемы самопрезентации и самоидентификации». По результатам своей работы мы пришли к убеждению в том, что исследованные нами российские немцы: а) сохраняли на протяжении всей своей жизни свои этнические корни и речевые навыки, но это отнюдь не означало полное отчуждение респондентов от русских традиций и языка. На их примерах наблюдается четкая интеграция и взаимодействие языков, культур, что очень характерно для современности (семья Мунц); б) частично утратили свои лингвоэтнокультурные корни (в ряде поколений) и возобновили их на современном этапе (молодое поколение: Кристина Фрезе, Елена Мосман); в) полностью лишились связи с немецким языком и полностью обрусели как в языковом, так и в культурологическом плане. Немецкие корни этих респондентов остаются далеко в прошлом, напоминая о себе только немецкими фамилиями, которые носят некоторые «бывшие» российские немцы (Егор Лоренц).

В своем исследовании нам удалось показать, что жизнь современных российских немцев в большинстве своем идет параллельно с немецкой культурой и немецким языком, то есть они не утрачивают своих этнокультурных и этноязыковых корней. У многих из них наблюдается се-

ррезная работа по восстановлению своих родословных, по совершенствованию своего немецкого языка. Современные российские немцы находятся в тесных контактах друг с другом, общаясь и обмениваясь своим опытом на немецком языке. Такой тесный межнациональный русско-немецкий симбиоз является не только объектом нашего анализа, но и субъектом высказывания человека о себе, о своих корнях. Перспективный ресурс нашего исследования мы видим в изучении еще большего числа российских немцев в разных регионах нашей страны и в выявлении закономерности языковых предпочтений в результате дисперсного и компактного проживания немцев на отдельных территориях.

Литература и источники

1. Салимова Д.А., Данилова Ю.Ю., Крапоткина И.Е. Историко-социальный подход к проблеме языка и культуры российских немцев Поволжья (на материале опубликованных архивных документов) // Политическая лингвистика / Гл. ред. А.П. Чудинов. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2015. – Вып. 4 (54). – С. 134-139.
2. Диц В. Г. Кто мы, российские немцы? [Электронный ресурс]. – URL: http://www.rdinfo.ru/soc_rd/article.php?mode=view&site_id=34&own_menu_id=14127 (дата обращения: 01.04.2016).
3. Дитц Я.Е. История поволжских немцев-колонистов. – Москва: Готика, 2000. – 496 с.
4. Историческое, географическое и статистическое описание немецких поселений: сайт Alexander Spack. – 2005-2016 [Электронный ресурс]. – URL: <http://wolgadeutsche.ru/list/degott.htm> (дата обращения: 01.04.2016).
5. Форум Германии. [Электронный ресурс]. – URL: <http://germany-forum.ru/> (дата обращения: 01.04.2016).

Часть 3. Листая живые страницы памяти: воспоминания российских немцев

Учительская династия российских немцев: на примере семьи Вельш

Моя мама, Лидия Карловна Вельш, урожденная Дирлам, родилась 28 июля 1914 года в городе Саратове. Она происходила из семьи столяра-краснодеревщика. Зеркало, изготовленное руками ее отца (моего деда) Вельш Л.К., хранила долгие-долгие годы, она провезла его через всю Сибирь, привезла в Елабугу, и зеркало простояло на комодке почти до самой смерти Вельш Л.К. В Сибири Лидия Карловна работала в годы войны в деревне Георгиевка Канского района Красноярского края. О том, что она проявила себя и в годы ссылки отличным человеком, учителем, говорит следующий факт: она проработала уже некоторое время в Георгиевке учителем младших классов, и тут приходит распоряжение, что она должна отправиться на работу на север, простой рабочей на рыбзавод, а ее две маленькие дочки – в детский дом. Это было самым страшным моментом в ее жизни – разлука с детьми. Наступил момент отъезда, Лидия Карловна сидела уже на телеге и выезжала из деревни. Тут вдруг появилась женщина, жительница деревни, она бежала за телегой и кричала: «Карповна, (так Лидию Карловну переименовали в Карповну на деревне) пришло разрешение из района, ты можешь остаться!» Оказывается, сельчане написали прошение в район, чтобы учительницу оставили в деревне. По тем временам это был смелый поступок! Просить за учительницу – немку (а немцев ассоциировали с фашистами, ведь шла война) – серьезный риск и опасное занятие для того времени.

Позже моя семья переехала в г. Елабугу, мама, Лидия Карловна, была замечательным педагогом, учителем. Она работала в средней школе № 1 города Елабуги учителем немецкого языка. Ученики любили посещать уроки и кружок немецкого языка. Лидия Карловна умела увидеть и выделить ту черточку в ученике, которая была его главной характеристикой. Кто-то рисовал хорошо, кто-то писал красиво, они помогали готовить наглядные пособия, и всегда имя изготовителя называлось с гордостью за умельца! Руками учеников под руководством их учительницы Лидии Карловны были созданы целые галереи портретов немецких художни-

ков, композиторов, писателей и поэтов. Учениками создавались шедевры наглядных пособий, таких сейчас не найдешь ни в одном магазине! Это и игры на немецком языке, всевозможные лото на различные темы. Ученики создавали альбомы по творчеству великих немцев. И все это активно использовалось в работе на уроках, на занятиях кружков.

А какие постановки готовились на немецком языке: Сказка «Золушка», «Танец цветов», где каждый цветок исполнял песенку о себе на немецком языке! Эти постановки ребята показывали и перед студентами, на сцене актового зала института, для учеников это было нечто возвышенное, необыкновенное, ведь институт для Елабуги был настоящим храмом науки. Студенты проходили практику у Лидии Карловны. Это был праздник как для студентов, так и для учеников, вместе и под руководством Л.К. Вельш они создавали шедевры наглядных пособий своими руками, ставили на сцене инсценировки на немецком языке. У Лидии Карловны хранились портреты писателей, музыкантов, художников Германии, России. Многие ее ученики после окончания школы поступали на факультеты иностранных языков, Елабужский пединститут, пединститут и университет Казани, институт иностранных языков в Нижнем Новгороде (тогда Горький) и Москве, здесь продолжили свое образование ученики Л.К. Вельш. За свою самоотверженную работу Лидия Карловна Вельш была награждена почетными грамотами города, района и Республики Татарстан. Высшей оценкой ее учительского труда стало присвоение ей Звания заслуженной учительницы Республики Татарстан.

Вельш Л.К. и ее муж Вельш К.К., преподаватель немецкого языка в пединституте, а в дальнейшем один из основателей, и первый декан инфака, стали основателями учительской династии семьи Вельш. Они и их четыре дочери – учителя, трое из них преподавали немецкий язык. Третья дочь, Светлана, выполнила заветное желание отца, Вельша К.К. – защитить кандидатскую диссертацию, сам он этого не смог сделать из-за жизненной ситуации. Внуки четы Вельш тоже стали учителями, дочь старшей Нины – директор школы в Енисейске. Внучка Светланы закончила биологический, осталась в Сибири, закончила Енисейский факультет КФУ, защитила диссертацию и преподает в вузе.

Старшая дочь Нина Конрадовна Вельш (Зырянова) осталась в Сибири, закончила Енисейский пединститут, математический факультет и всю свою рабочую жизнь провела в школе № 2 города Енисейска. Математик по образованию, она посвятила себя преподаванию немецкого

языка. Она - учитель высшей категории. Педагогический стаж - 43 года, из них 40 лет в Енисейской – средней школе №2. Ветеран педагогического труда, учитель - методист, награждена грамотой главы города, благодарственным письмом губернатора Красноярского края.

Вторая дочь – Тамара Конрадовна Вельш (Ганиева) закончила Елабужский пединститут, математический факультет, преподавала математику сначала в Елабужской школе № 1, затем, волею судеб, вновь оказалась в Сибири, в Енисейском районе в поселке Усть-Кемь. Здесь она проработала до ухода на пенсию в местной школе, вела уроки по математике. В школе она пользовалась большим уважением коллег и учеников, знания учеников отличались основательностью, многие ученики также выбрали стезю учителя математики. Вельш Т.К. получила звание учителя высшей категории, учителя-методиста, победителя социалистического труда. Третья их дочь – это я сама, Балобанова (Вельш) Светлана Конрадовна.

Светлана Конрадовна Балобанова-Вельш, автор этих строк (для удобства изложения перехожу на повествование от третьего лица), родилась в Сибири, в деревне Георгиевка Канского района, Красноярского края в 1948 году. Сюда были переселены ее родители во время войны. Ее родители, Вельш К.К. и Вельш Л.К. были учителями немецкого языка. С детства впитала Светлана Конрадовна любовь к учительской профессии, к немецкому языку. Любимым занятием Светланы Конрадовны была игра «в школу», «в урок немецкого языка». Имена Гете, Шиллер, Гейне были знакомы ей с ранних лет. В 1958 году родителям разрешили вернуться в Европейскую часть Советского Союза. Отец, Вельш К.К., прошел по конкурсу на должность ассистента кафедры иностранных языков города Елабуга. Сюда и приехала вся семья. Светлана Конрадовна училась сначала в школе № 5, а затем в школе №1. Родители воспитывали своих дочерей в огромной любви и уважении к учительской профессии, поэтому, когда перед Светланой Конрадовной встал вопрос о том, куда пойти учиться после школы, проблема была решена просто: обязательно в педагогический и обязательно немецкий язык. Поскольку в то время самым известным и лучшим вузом по подготовке специалистов в области немецкого языка слыл Горьковский государственный педагогический институт иностранных языков, то и поступать Светлана Конрадовна поехала в Горький и сразу же поступила.

Светлана Конрадовна Вельш (Балобанова) окончила институт иностранных языков в Горьком (сейчас это лингвистический университет

в Нижнем Новгороде) и вернулась в свой родной город Елабугу, чтобы преподавать на вновь организованном факультете иностранных языков немецкий язык. Она закончила в Высшие педагогические курсы иностранных языков при ЛГПИ им. Герцена в Ленинграде в 1975 году. В 1988 году была завершена учеба в аспирантуре при КГУ (теперь КФУ, город Казань), на кафедре русской и зарубежной литературы. В 1989 году Светлана Конрадовна успешно защитила кандидатскую диссертацию по немецкой литературе. Тема диссертации «Рассказы Германа Канта 60-70 гг.». После учебы в аспирантуре Светлана Конрадовна вернулась в свой родной институт, она преподавала немецкую грамматику, фонетику, лексику, историю немецкой литературы, лингвострановедение, спецкурс по истории российских немцев. С 1989 года по 2004 год Светлана Конрадовна исполняет обязанности заместителя декана факультета иностранных языков. Она награждается почетными грамотами города, министерства Образования России, удостоена звания Ветерана труда. Она была достойной дочерью своего отца, Вельша Конрада Конрадовича. Давала студентам отличные знания.

На своих занятиях Светлана Конрадовна использовала самые современные методы обучения иностранным языкам. Известны занятия Светланы Конрадовны, которые она проводила в декабре и апреле месяцах, посвященные национальным немецким праздникам: рождеству, дню Святого Мартина, пасхе. На занятия приходили не только студенты I курса отделения немецкого языка, но и студенты отделения английского языка, отделения татарского-инострannого языка. Светлана Конрадовна рассказывала о традициях немецкого народа, связанных с этим праздником, сопровождая свой рассказ богатым и ярким наглядным материалом, часть которого оставила ей преподаватель Ольга Андреевна Бурбах, часть она собрала сама, привезла из путешествий и учебных поездок по Германии. Студенты с удовольствием повторяли поговорки, связанные с праздником, заучивали стихи, пели песни на немецком языке. Здесь также проводились конкурсы на лучшего Святого Мартина, Санта Клауса, на лучший стих. Часто к проведению занятий на эти темы привлекались студенты старших курсов немецкого отделения. Студенты сами разрабатывали уроки, придумывали и проводили различные конкурсы и игры, заучивали со студентами младших курсов стихи, песни.

Ежегодно весной, обычно в апреле месяце, на факультете проводились дни, посвященные одному из немецких писателей, у которых отмечал-

ся юбилей. Это дни Гете, Шиллера, Канетти, Т. Манна и многих других. Перед проведением этих дней Светлана Конрадовна знакомила своих студентов первого курса с творчеством писателей. К этой работе также привлекались студенты 4 курса, только что вернувшиеся с практики в школе. Это было продолжением учительской работы. Студенты четвертого курса разрабатывали планы уроков, составляли тексты о творчестве писателей, готовили к ним задания и помогали студентам первого курса отработать тексты в фонетическом, грамматическом и лексическом плане. Такого типа занятия были интересны как студентам четвертого, так и первого курса.

Многие из студентов Светланы Конрадовны становились победителями районных и всероссийских олимпиад. Ее студентка Мингазова Гюзель Раисовна стала в 2008-2010 году учителем года России, вот что она пишет в своей анкете: МИНГАЗОВА Гюзель Раисовна. Учитель немецкого языка. Дата рождения: 31 декабря 1972 года. Образование: Елабужский государственный педагогический институт, факультет иностранных языков. Педагогический стаж: 11 лет. Место работы и должность: Муниципальное общеобразовательное учреждение. «Средняя общеобразовательная школа № 44 с углубленным изучением предметов» г. Набережные Челны Республики Татарстан, учитель немецкого языка. Кумиры в профессии: Балобанова Светлана Конрадовна, доцент кафедры немецкого языка Елабужского государственного педагогического университета.

Победитель конкурса «Учитель года России» – это яркая личность, профессионал с большой буквы своим кумиром она называет Светлану Конрадовну, не это ли высшая оценка ее труда.

Четвертая дочь – Людмила Конрадовна Вельш (Реглинг). Закончила факультет иностранных языков Елабужского пединститута. Сначала работала в средней школе города Нижнекамска, с 1974 года – в городе Октябрьский Башкортостана. 1974-1979 – учитель немецкого языка в средней школе № 18, 1979- 2002 – в ПТУ № 4 и вела курсы немецкого языка в Центре немецкой культуры г.Октябрьский. Ее рабочий стаж составляет 30 лет. За высококачественный труд в сфере народного образования Людмила Конрадовна была награждена значком «Отличник просвещения республики Башкортостан».

Так, мои родители, Вельш К.К. и Вельш Л.К. создали основу для развития семейной учительской династии, которая насчитывает сейчас уже

370 рабочих лет. Четыре дочери, их дети, внуки пошли по педагогической стезе. Они работают с полной отдачей и снискали уважение к себе и к труду педагога, что является самым важным результатом труда. Кроме того, многие ученики выбрали профессию учителя и самозабвенно работают в школе, с детьми, со студентами, а в свою очередь их дети, внуки становятся учителями, многие учителями немецкого языка, который сейчас, к сожалению, так незаслуженно забывается.

*Материал подготовлен Балобановой (Вельш) С.К.,
г.Елабуга (Россия, Татарстан)*

Традиции семьи и речевые особенности российских немцев Вельш

Мы в России. Наша семья после войны, можно сказать, обрусела, особенно дети, а тем более дети, две дочери Светлана и Людмила, рожденные уже после войны. Говорили в семье практически только по-русски, но родители разговаривали между собой, конечно же, по-немецки. Немецкий язык был всегда на слуху, мы привыкли к звучанию слов на немецком языке, мы его, несмотря на то, что почти на нем не разговаривали, воспринимали как свой, родной. Мы никогда не стыдились сказать, что мы – немцы, хотя часто можно было нарваться на грубость и оскорбления, так меня одноклассники, это были мальчишки только, обзывали «фашистка», мою сестру даже «гитлерова жена». Но наши родители не культивировали в нас ненависти к людям, они понимали, откуда берутся все эти дразнилки. Мы жили в дружбе с людьми, и люди всегда относились к нам хорошо, с уважением, часто нам помогали в трудные минуты бытия.

Некоторые немецкие традиции дома поддерживались, это прежде всего пунктуальность, для моих родителей было самым страшным событием в жизни — опоздание, это было всегда для них нечто из ряда вон выходящим. Нам, детям, также прививалась эта черта характера, отличительная для немцев. «Лучше прийти на пять минут раньше и подождать, чем опоздать» бытовала в нашей семье поговорка. Даже про папу, Конрада Конрадовича Вельша, в институте говорили, что по нему можно сверять часы, настолько он был пунктуален. В нас, детях, это сидит до сих пор.

Сохранялись также некоторые традиции и обычаи в питании. Так, утро для нас начиналось и начинается до сих пор с бутерброда с колбасой, а немцы — любители колбасы, это национальный признак (существует дразнилка даже: «немец – перец – колбаса...») и кофе. В годы, когда кофе невозможно было купить, пили эрзац – кофейный напиток «Колос», цикорий. Но с этого начинался день. Мама пекла часто пироги, это были пироги из немецкой кухни – Штройзелькухо или Ривелькухо, как говорила мама. Это пирог с посыпушкой – масло, сахар и мука растираются, получается рассыпчатое тесто, которое потом посыпают на пирог, и он запекается. Очень вкусно! Готовили пироги с различными

ягодами, яблоками по-немецки: не закрытый пирог, как в русской кухне, а заливной пирог: желток яйца и песок растираются добела, белок взбивается, все перемешивается и потом этой смесью заливают полуготовый пирог – пальчики оближешь. Часто пекли «крепели» – это лепешки из простого теста, оно раскатывалось и разрезалось на прямоугольники, а в середине прямоугольников делались два вертикальных разреза, потом эти лепешки жарились на сковороде в масле. Тоже очень вкусно. Папа обожал галушки, по-немецки это блюдо называется «Kartoffel und Kleis» – диалект, по Hochdeutsch – «Kloesse» Отваривался картофель, пока он готовился, лепили галушки – мука, яйцо, тесто, часто добавлялась не холодная вода, а кипятки, из полученного теста лепились колобки и добавлялись в кипящую воду с картофелем, когда все было готово, вода сливалась, а полученное блюдо заливалось растопленным и немножко пожаренным на сковороде сливочным маслом. Это было любимое папино блюдо. сидит до сих пор. Другая черта, которая воспитывалась в нашей семье – это бережливость. Это качество проявлялось в особенном отношении к хлебу. До сих пор никто из нас не может выбрасывать хлеб. Если случалось, что хлеб черствел, то ему находили другое применение. Делали гренки, использовали в котлетах. А как вкусно запекали хлеб в оладьевом тесте! Самое большое увлечение нашей семьи – это чтение. В нашей квартире не было места для ковров, по всем стенам стеллажи и шкафы с книгами немецких и русских авторов. Кроме книг, родители выписывали много журналов и газет. Наши любимые издания: «Мурзилка», «Пионерская Правда», «Кругозор», «Юность», «Роман-газета» и др. Читали все: от мало до велика, особо интересную книгу читали до утра, иногда с фонариком, чтобы не ругали родители. Читали везде, не читали только за обеденным столом. Здесь царил покой и порядок. У нас у каждого было своё место, своя тарелка, ложка, вилка. Хлеб нарезал и колот сахар (помните большие куски сахара и щипчики) папа, мама подавала еду. Традицией были совместные семейные ужины. Это было время нашего общения. Мы обменивались впечатлениями о прожитом дне, о новостях в школе, институте, городе. Мы не спешили вставать из-за стола, всем было интересно побеседовать с родителями. Кроме того всегда устраивались совместные воскресные и праздничные обеды, мы планировали свой день так, чтобы быть во время обеда дома. Обычно готовилось жаркое и пеклись пироги. Частыми гостями были наши друзья – Ольга Андреевна Бурбах и Альфред Максович Люстиг – наши соседи

и коллеги, друзья. Что касается языка, то интерференция немецкого на русский особенно сильна была у папы. Вероятно потому, что он вырос в деревне, сугубо немецкой и до 18 лет не слышал почти русской речи и не разговаривал по-русски. Мама, однако, родилась и жила в Саратове, среди русских людей, поэтому она говорила без акцента. Мы, дети, часто подсмеивались над папой и просили произносить русские слова, он произносил, но это было очень смешно: ложка – лёжка, орёл – орол, особенно чувствовалось немецкое оглушение звонких согласных в начале слов: так мы часто любили задавать ему вопрос, когда он приходил из сада: «Папа, что ты делал в саду?» Ответом было: «Почку красил», мы покатывались со смеху и папа вместе с нами.

Наши в Германии. Сейчас, младшая из сестер, Людмила, живет в Германии, в Баварии. Они все говорят по-немецки, кто-то лучше, кто-то хуже, однако домашний язык – это язык русский. Так как мы все получили высшее образование на факультете иностранных языков, то я и сестра разговариваем на Hochdeutsch, зять Виктор, Людин муж говорит на диалекте, но это широко распространено в Германии. Сыновья и их жены выучили язык, живя в Германии, но чувствуется влияние русского уже в произношении и в построении предложений. Их дети, кроме старшего внука, о нем разговор особый, одинаково хорошо говорят как по-русски, так и по-немецки. Здесь уже ощущается влияние немецкого на их русский, мелодика – это уже от немцев, некоторые звуки тоже перешли из немецкого в русский язык.

Однако, на мой взгляд, самое удивительное произошло со старшим внуком Ромой. Он родился в России, здесь научился говорить по-русски, ходил в русский садик, хорошо говорил на своем родном языке. А в Германии с его русским языком произошла метаморфоза – влияние немецкого оказалось очень сильным, он говорит со страшным немецким акцентом по-русски и в фонетическом плане и грамматическом, а также лексическом, он уже говорит немецкими словами по-русски – это смесь немецкого с русским – есть ведь такое высказывание – смесь французского с нижегородским – это тот же самый случай. Я не занималась этим специально, поэтому точно не могу привести примеры. Но меня поразило то, что когда Рома приехал в Россию год спустя после отъезда из России, он говорил со всеми взрослыми нормальным русским языком, а когда начинал играть сам с собой, он уже говорил по-немецки.

К России моя сестра и ее семья относятся с любовью, они приезжают

сюда каждый год, ведь здесь остались их друзья, одноклассники, любимые учителя. Каждым летом моя сестра приезжает в Елабугу, хотя ее семейный дом в Октябрьском, в Башкортостане. Она встречается обязательно со своими одноклассниками, посещают учителей. Это ее родной дом.

Что касается кулинарных привычек, то здесь предпочтение отдается пельменям, вареникам с вишней или творогом, пекутся разнообразные торты, любимый «Наполеон». Сестра и ее муж часто ездят в Мюнхен в «русский магазин», как принято среди них говорить, там они покупают русские деликатесы – мясо, сало, шпик, русские колбасы, зелень, фрукты и овощи. Хотя в основном делают покупки в магазинах и на рынках своего городка. Сестра также часто печет крепели – кребли. Интересно, что в Германии почти не знают грибов и не собирают их. А вот русские, в том числе моя сестра и ее муж любят грибы, их в лесах около их городка много, поскольку никто не собирает. Сестра и ее муж собирают их и готовят по-разному, по-русски: жарят, солят, сушат. Немцы страшно удивляются, делают огромные глаза, когда видят, что есть любители пособирать и поесть грибы. Для них это – отравка.

Что касается общения с людьми, то друзья – это в основном русская диаспора. Они жили в лагере для переселенцев, там познакомились с людьми и дружат до сих пор, гуляют вместе, отмечают праздники как немецкие, так и русские, говорят по-русски. А дети, конечно, внуки, у них уже в друзьях местные немцы, с ними они ходят в школу, друг к другу в гости, хорошо общаются, ночуют друг у друга. Дети, это общеизвестно, быстро адаптируются.

Вот так складывается жизнь российских немцев.

*Материал подготовлен Балобановой (Вельш) С.К.,
г.Елабуга (Россия, Татарстан)*

«Мой предок самых строгих правил...»: Франц Иоганнович Катуль

Моего прапрадедушку, выходца из поволжских немцев, звали Франц Иоганнович Катуль. Подробности его жизни мне известны исключительно из семейных легенд, которые пока не удалось подтвердить или опровергнуть.

Франц Иоганнович большую часть своей жизни жил в Мензелинском уезде Уфимской губернии в поместье Марьино Пустошь (впоследствии село Князево), принадлежавшем дворянскому роду Татищевых. Он служил в качестве приказчика у Василия Асклепидотовича Татищева, который был достаточно прогрессивным помещиком и содержал при своем имении винокуренный завод. В обязанности прапрадедушки входило не только управление хозяйством, но и обучение детей Татищевых, поскольку иностранные гувернанты в те времена пользовались спросом. Возможно, именно так они познакомились с моей прапрабабушкой Евдокией Дроздовой, которая, по слухам, была дочерью приказчика елабужских купцов Стахеевых, имевших общие дела с Татищевыми. После смерти ее отца, Василий Татищев взял сироту к себе и воспитывал почти на правах приемной дочери.

О «немецком характере» Франца Иоганновича известно со слов моей прабабушки Риммы Францевны Грищук (в девичестве Катуль). Согласно им, в семье царил строгий патриархат. Дети прапрадедушки (1 сын и 3 дочери) общались с отцом настолько мало, что у них практически не было общего языка: Франц Иоганнович говорил преимущественно по-немецки, дети и мама – преимущественно по-русски. Много внимания мой предок уделял своей работе, в прапрабабушке Евдокии ценил ее способности к ведению домашнего хозяйства. По этой причине до нас дошло довольно мало сведений о его биографии.

Долгое время в семье хранилось фото супружеской четы Катулей. Прапрабабушка Евдокия стояла рядом со стулом, на котором сидел Франц Иоганнович, и, несмотря на это, на фотографии они были одного роста. Оригинал этого фото, к сожалению, не сохранился. Помимо выдающегося телосложения, говорят, что прапрадедушка Франц имел ярко-рыжие волосы и красивые зеленые глаза.

По воспоминаниям прабабушки Риммы, Францу Иоганновичу приходилось сталкиваться с предвзятым отношением к себе из-за его проис-

хождения. Когда кто-то упрекал прапрадедушку в том, что он, немец, командует русскими (по долгу службы в поместье), он отвечал, что их пригласила императрица Екатерина. Судя по всему, из-за авторитета царицы этот аргумент был довольно весомым.

Насколько мне известно, все дети Франца Иоганновича осознавали себя как русские. Их имена были подобраны так, чтобы аналоги были и в русском, и немецком языке (Нина, Мария, Римма, Петр). На их национальную идентичность больше всего повлияло отсутствие близких, доверительных отношений с отцом, и, главное, исторические события начала XX века. Свои немецкие корни они, по понятным причинам, старались скрывать в годы Первой мировой войны (прапрадедушка к тому времени уже умер). После революции 1917 года опасным было упомянуть о своем происхождении из дворянского поместья.

Прошло много лет... и сегодня мы носим фамилию Виноградовы: я, мой дед, мой отец и мой сын. В браке прабабушки Риммы Францевны с Самсоном Петровичем Грищуком родилась моя бабушка, Ираида Самсоновна. В 1955 году она вышла замуж за Льва Викторовича Виноградова. Спустя несколько лет в браке у последних родился сын Владислав. Это мой отец. Я – Андрей Владиславович Виноградов, российский немец (пусть и полностью обрусевший).

В целом, немецкие корни в последующем уже не влияли на наши семейные традиции.

*Материал подготовлен Виноградовым А.В.,
г.Елабуга (Россия, Татарстан)*

**«Я долгий путь прошла, но духом не пала!»:
Мина Петровна Колоскова (Майснер)**

О том, что в нашем славном маленьком провинциальном городке Елабуге живет очень интересный человек с непростой судьбой, имеющий в своей родословной немецкие корни, узнали мы совершенно случайно от коллеги, специалиста отдела кадров Елабужского института КФУ, которая сообщила, что когда-то в теплице нашего вуза выращивались необыкновенно красивые цветы, особенно астры, – это чудо было дело прекрасных рук Мины Петровны. И что она родилась в одном из сел Республики немцев Поволжья, что у нее девичья фамилия немецкая, что ее семья была депортирована, что была пройдена трудармия... Эта информация по понятной причине привела нас в неопишуемый восторг (насколько, конечно, уместно в данном контексте подобным образом выражать свои эмоции) и вызвала непреодолимое желание «прикоснуться» к «живой легенде». Наша великодушная коллега, предварительно получив согласие на встречу с нами, поделилась необходимыми сведениями (адресом и номером домашнего телефона) пока еще для нас потенциального респондента.

... И вот в назначенный день и час мы на пороге. Нас встретила вроде бы обычная и в то же время необычная пожилая женщина. Приветливая, открытая, абсолютно неподозрительная, седовласая и коротко стриженная, достаточно высокая, худощавая, опрятно одетая в кофточку в мелкий цветочек и брюки спортивного типа – очевидно, что в целом эти «штрихи» не соответствуют стереотипному образу русской бабушки или татарской абики. Искренне радуясь нашему приходу, сразу открытая для диалога она начинает с нами говорить, приглашает пройти и т.п. Говорит достаточно громко, несколько растянуто-напевно, а самое интересное – с легким (временами чуть заметным) акцентом. Такой оказалась Мина Петровна.

Дабы не исказить мысли, стиль и устную манеру изложения, мы постарались максимально сохранить авторство (во всех смыслах) рассказов Мины Петровны. Мы намеренно не приводим перечень наших вопросов, чтобы воссоздать целостность повествования.

«Мне уж 88-ой год...

Девичья фамилия – Майснер. Майснер Мина Петровна. Отец Петер по-немецки, по-русски Петровна.

Мама сказала: «Мои родители в конце XVII века приехали в Россию». Вот у меня книга есть 1814 год, библия немецкая, поколение в поколение книгу передаем...

В XVII веке там же мало земли, в Германии. Екатерина II. Степи от Волги до Оренбурга, там все время набеги были. Она разрешила, у кого деньги есть, переселяйтесь туда, и они переселились. Тогда же Екатерина была...

Наше село, точно я не знаю, но не больше 50 км. от Энгельса, называлось Йость (Jost) Куковский район. И метрики мои есть. Копии есть и метрики есть, надо посмотреть... Фотографии есть моей матери. Родители матери, – фамилии их Горн (Horn), по-немецки «рог». У нас Евграфова заставили написать, когда меня как репрессированную на учет поставили. Мы же под комендатурой были, и там написано, вроде, это все.

Вот переселили, нам мать рассказывала, прапрапрадеда. И купили себе землю. Отцовский дедушка был торгаш: у него до революции два магазина было, торговал всем необходимым. А мамин папа сельхозом занимался, купил землю и обрабатывал. За селом выращивали все необходимое, а потом, когда революция-то началась, этого дедушку с магазином конфисковали, раскулачили, а другого – нет, просто землю и скот забрали. У него трое детей было: мать моя и два брата. Одного брата (в 14-ом году война была. Турция) в армию взяли. Раньше Царицын Сталинград был. Он до Царицына поехал на поезде до Саратова, и диверсия случилась, или авария, – поезд с рельс сошел, и он погиб. Дедушка поехал забрал его, приехал в деревню и похоронил его.

...Папа с мамой, они немцы...

У нас церковь лютеранская была в деревне. Было три веры: лютеране, католики, менониты. Вот лютеране – мы – переселились на левый берег Волги (дали землю), а католики тоже жили с нашей стороны, но большинство на правом берегу. Вот наша деревня была лютеранская, через две деревни была уже католическая церковь. Наши [лютеране – Ю.Д.] не женились на них [католиках – Ю.Д.] и в их церковь не ходили.

Вот приехали 15-20 семей, и уже в наши года там столько Майснеров было, и номер один, и номер два... И Горнов столько там было! Фамилия-то передавалась по наследству, а в другие деревни – нет.

У нас у отца в семье пять детей было: четыре сына и одна дочь. Они все учились, все по-русски знали. Отец наш в гимназии в Царицыно учился и умел хорошо по-русски разговаривать.

Сначала сделали коммуну, а потом уже колхоз, взяли в колхоз бухгалтером и кассиром, грамотных-то в то время мало было. И вот уже в 21-ом году всех раскулачили и колхоз сделали. Все работали. Вот тут 3 дома, тут дом, середина и там. И с той стороны улицы три дома. Огород в середине вместе. Тут переулок, тут переулок. Ни соринки. Каждую субботу каждый свой двор убирает. В субботу мы мели улицы и никакой пьянки, в церковь ходили. И вот меня крестили в 28-ом году.

И дедушку раскулачили и в Томскую область отправили, в Сибирь. Дома отобрали, магазины отобрали. А дочка его замуж вышла и в Америку удрала. А потом бабушка с дедушкой заболели в Томской области. Отец поехал и их забрал, они уже при смерти были, он их привез в наше село, они через месяц оба померли. А что они одни там, в Томской области, жили, никого не было. Сестра отца (голод же в 30-е годы был, есть нечего, все сгорело за 3 дня, с Астраханских степей как подуло и за 3 дня пожухла земля, ничего не осталось) стала доллары посылать, а у нас отец старший был, он эти доллары получал, разменивал на русские рубли и братьям делил. А потом, в 37-ом, репрессии-то начались, отца забрали и через 10 дней расстреляли. А сейчас реабилитировали. Вон у меня бумага есть. Отец хороший был, не пил водку вообще...

И вот мы остались одни, нас было пятеро детей. Так и жили. Что у нас было? Мать в колхозе работала. Дом был: дедушка построил до раскулачивания. Один ребенок в младенчестве умер: когда отца посадили в декабре, мать беременная осталась [это шестой ребенок в семье Майснеров – прим. Ю.Д.], маленький заболел корью и умер. А мы выросли. Мать в колхозе работала, мы в школу ходили. В сентябре я в школу ходила в 4-ый класс. У нас всего 8 классов по-немецки. 10 классов ездили в район кончать. И вот я 4 класса кончила, я училась по-немецки, немецкие учителя были и русские, с 4-го класса нам русский преподавали. Отец нас еще с малых лет учил, чтобы мы грамотные были. Я уже буквы знала, а по-немецки читала книги «Тихий дон», «Петр 1». Но по-немецки только читала, я много книг за свою жизнь перечитала.

Мать в 55 лет на пенсию пошла в Сибири. Старшая сестра, зовут Эмма (она померла уже), энгельский колледж кончила на мастера маслозавода, в другую деревню переехала. Маслозавода не было в нашей деревне, вот в другую деревню переехала.

А тут война началась. А мы откуда знали, что нас выселят? А потом раз, пришли к нам: «Собирайтесь, через три дня вас выселят отсюда!

Собирайте продукты с собой!». И вот мать поросенка зарезала, а сосед телку зарезал, мы вот поменялись мясом-то. Мать ведро котлет напекла и жиром залила, и мешок небольшой сушек напекла, – за три дня она не сидела. И нас увезли на пристань, половину деревни – на пристань. Это 3 км. А вторую половину на станцию «Безымьянная» под Оренбургом. Там линия кончалась. У нас конец был там. Республика там. Там уже Казахстан начинается. На пристань нас увезли на лошадях, мы три дня там пробыли. Представь, 10 улиц было, село такое большое, и пусто ни одного человека не осталось. Один был у нас русский дедушка, он бакенщик был на Волге. Раньше же электрических не было бакенов. Он их зажигал. Ему избушку построили на берегу, он там жил, у него детей не было. И он один остался там в этой деревне. Весь колхозный скот, а зерна сколько было! Все брошено: собаки, куры, коровы, свиньи... В общем, все: пусто в деревне, ни одного человека. 12 военных пригнали, а они пришли на третий день на пристань, народу много, не успевали людей отправлять в Саратов, на поезд садить. И мы три дня на пристани. И они пришли и девочек, которым лет по пятнадцать, по семнадцать... Переводчик у них был: «Мол, пойдемте, коров хоть на пол подоите». У всех же скотина была. Верблюды сдохли: они зерна нажрались (колхозные верблюды были), и их раздуло прямо возле зерна, и они сдохли. Лошади не поены, не кормлены, колхозные, у всех коровы, свиньи, собаки, куры и все, в деревне ни одного человека, кроме этого бакенщика. А че дед?! Он один. И вот они девочки возьмут... прямо коров выводили со двора и доили на пол, чтоб не лопнуло вымя. Коровы ревут. Девчонки пришли, плачут, говорят: «Там такой шум! Собаки лают!». Привязанные некоторые собаки, солдаты-то все равно боятся, собаки же. Потом они их отпустили, убежали собаки. Пить даже нечего. Осенью-то пить надо. Скотина не поена, не доена, ничего.

И привезли нас, погрузили на баржу и повезли в Саратов. И перегрузили много. Баржа сзади, спереди пароход, а сзади баржа большая. Семьи были, где мужики были, они много прихватили вещей. А мы что?! У нас дети: мне 13 лет, старшая замужем в другой деревне была, а Марушке нашей 16 было, братишке 11, а малой сестренке было 2,5-2, она с 38 года, это 41-ый, 3-ий год ей был. И вот баржи-то погрузили, где мужики были, они много вещей прихватили. И слишком много нагрузили, и баржу водичка вот-вот ли тронет, тихо идет, шлепает пароход. И вот эти, которые сопровождали нас, которые последние грузились, они

подошли и вещи в Волгу начали скидывать. И они поплыли: сундуки, гитары, балалайки, мешки с подушками, – и они совсем голые остались, кто последний на баржу грузился.

Привезли, выгрузили нас. Возле пристани, прям, стоял эшелон, нас – в товарные вагоны, сколько влезет туда. В середине печка стояла – буржуйка такая. И тут же отправили, и мы ехали через Туркмению, через Киргизию на Алмату, с Алматы на Петропавловск, из Петропавловска в Сибирь через Красноярск. Мы попали в Красноярский край. Вот эшелон идет, отцепит на какой-нибудь станции и оставляет, едет дальше, опять отцепит, – мы не знали кто где, родные... Мы с мамой вместе. А село-то большое! Те потом попали на станцию «Безымянное», половину деревни в Саратов увезли. Этот пароход не успевал всех увезти. В течение, написано, трех дней чтоб немцев не было там. А черт их знает! Может, немцы и были предатели там. Мы те же пионеры были, те же октябрята, те же комсомольцы. У меня старший брат двоюродный в армию комсомольцем ушел, и так и сгинул, никто не знает куда. И вот мы 17 суток ехали. Особенно Туркменские степи там внизу. Остановится. Там одна путка (линия), не так, как тут, две – туда и обратно. Поезд стоит, пока этот пройдет. Там поле, мы пойдем, поймаем саксаул, мать костер разведет маленько там, он же сухой, и котлеты в сковородочку в маленькую, котлеты застыли же в жире, котлеты, сушки, а на больших станциях мы кипяток брали, чтобы чай попить. И так мы 17 суток ехали.

И Новосибирск проехали, и Красноярск проехали. И, не доезжая Иркутска, 2 станции, – (нас туда привезли) город Иланск. Отцепили 3 вагона с нашей деревни. И нас увезли, милиция была там. А там тоже был купеческий дом, двор большущий, огороженный, а рядом милиция, а один дом – школа была, и нас всех туда в двор завезли. Всем председателям сообщили, чтоб они приехали. Каждый председатель с деревни Иланского района пускай приедет и забирает, кто, сколько семей возьмет, кто, сколько у него жилья там есть. Ну и что?! Председатели с Иланского района приезжают, а тогда же уже русских-то всех в армию брали, уже сентябрь месяц был, – мужиков мало в деревнях... Они брали, семьи, где мужики. Всех разобрали, а мы и еще наша тетка (у неё пятеро было), еще дедушка с бабушкой остались. Мы три семьи остались, нас никто не берет. А потом самая близкая деревня возле города, председатель пришел, нас забрал, заставили брать его, он опоздал. Мы уже 17 октября 1941 года приехали в Иланск, а там уже снег лежал, – холодище;

а мы в ботиночках, – холодно. И нас привезли в деревню, и дом там был пустой, печка русская, сбоку железная печка. Пусто, ниче нету. Мы свои шмотки в угол, там еще семья, у них фамилия тоже Майснер. В нашей деревне много Майснеров было. Отцы троюродные братья были. У нее тоже пятеро детей было, у моей матери тоже, четверо, Эмма-то наша с мужем в Алтайский край попала. И вот на утро проснулись. По-русски не знаем никто ни слова. Ну, «карандаш», «тетрадка», буквы я тоже знала. По-русски не знали. И вот мы первую зиму перезимовали. Нам председатель картошки дал. На утро русские бабы, кто табуретку принес, кто стол старый, кто чугуны, у нас чугунов не было, котлы только, кто тарелку, у нас ничего же не было. Так нас и разделили. Этой семье опять дом дали, тоже пустой дом стоял в колхозе, кто-то помер, так дом пустой и стоял. Там дома делили. Одна улица была в селе и 18 км. от города только.

Мать потом в колхоз пошла работать, тетка тоже в колхоз пошла.

Мы приехали в октябре, в декабре сестру забрали, старшую сестру, Марусю, привезли сюда, где-то тут город Октябрьск, станция «Туймаза», она туда в трудармии была, ей было 16 лет. Потом она приезжала к нам с Казахстана и ездила в Октябрьск, говорит, к кому я не приду, многие остались там, и она поехала их проведывать, уж сколько лет прошло. Ну, перед этим, как они в Германию попали, она ездила в Октябрьск, говорит, что кто-то умер, кто тоже, с 26 года, как она. Вот её забрали сюда. Мы зиму пережили, весной мы картошку не посадили, мы думали, что нас домой опять отправят, мы ж не подумали, что нас насовсем.

Пожили 42-ой год зиму, кушать нечего. Не поверите, что я два раза по миру ходила. Я зато такая, когда вижу, что у человека ничего нет, я все отдаю... Знаешь, сидели на печке, вот ничего у нас нет. Братишка (он меньше меня был) говорит: «Пойдем, Нинка! Я с этой стороны [деревни – прим. Ю.Д.] пойду, а ты с этой!». Я в первый дом зашла (там в Сибири одна улица)... Он мне сказал, он пацан был, он как-то лучше по-русски научился: тетка какая-то там русская его научила, ты, говорит, скажи «дайте мне кусочек хлеба или картошки две». И вот он мне так сказал, скажи вот так вот, и тебе дадут. И вот я в деревне в один дом, где начинается, зашла и сказала так, они как раз за столом кушали сидели утром, тетка мне кусок хлеба дала и картошку вареную в мундире. Я взяла и вышла. Я вот этого в жизни не забуду. У них под окном три сосны росли, и лавочка была, я на эту лавочку села и ждала, когда брат туда и обратно сходит. Он говорит: «Ты что сидишь?» (по-немецки). А я говорю, что с

голоду помру, но по миру больше не пойду. Мне же уже 14 было, как-то стыдно было, и мы больше не пошли. Это 42-ой год. Зимой – зайцы: все ходили в тайгу, петли ставили; летом сусликов валили, чтоб только пожрать что-нибудь.

А потом в 43-ем году мать нашу забрали в трудармию на кирпичный завод. И нас – в пустое здание, там немецкий детдом сделали, и туда. Я два дня была в детдоме. Нас привезли на вокзал в Омск. Детей-то привезли на вокзал, а детей не берут. Матерей наших загнали в вагоны. Дети до трех лет, если ребенку больше трех лет, их снимали. А Ирке (Ирме) нашей летом только было. Ей летом, наверное, четыре было или три с половиной. Ну да, она в июне родилась, а мать забрали в феврале. Двадцать пять нас ребятишек было нас со всего района. Нас машина подобрали и в детдом 25 км. увезли. На второй день в ФЗО забрали тех, кому 15 лет. А меня и пацанов, нам по 15 лет было... Пацанов в железнодорожное училище на 2 года на паровозников взяли, там у нас в Иланске узловая станция, как Агрыз, а меня и девчонок в фабрично-заводское училище отправили. 6 месяцев нас водили, форму дали железнодорожную. И вот у меня стаж с 43-го года, пока я на пенсию не ушла с института. У меня 41 год стажа.

И вот мать три с половиной года была в трудармии. Как война закончилась, их сразу не отпустили. В трудармии она была в городе в Нижнем Тагиле, на кирпичном заводе. Их в 46-ом году отпустили. Ей начальник говорил: «Мария, зачем ты едешь в колхоз, в Сибирь? Забери сюда детей своих». Она сказала, что у нее дочка, ей нужно отработать, и она приехала в колхоз. Когда война кончилась, мне после ФЗО надо было четыре года отработать. Мать уже в годах была, она техничкой работала.

А сестренка с братишкой в детдоме остались. Брат пожил, а потом сбежал, пока тепло было. Соскучился по сестренке, как лето стало, он украл ее, утащил. «Она не отцепилась от меня и плачет! А я взял и унес ее из детдома». А в то время кому нужны были мы? И он в другую деревню с нашей деревни, откуда нас выселили, там дальняя родня жила, он оставил сестренку у тетки, а сам по миру пошел...

... Потом мы узнали, что именно наша деревня в Казахстан попала. И родня у нас в Казахстане 150 км. от города Петропавловска. И мать уехала в Казахстан, а я замуж вышла и в Сибири осталась. А потом я мужика: «Давай поедem в Казахстан!». Поехали мы в Казахстан, пожили мы с ним там 8 лет. Он: «Вот поедem опять в Сибирь». Че 22 года? Там холодище,

а тут родня все-таки, много их в одном селе родни. Наверное, сто семей было. Село называлось «Пресновка», село «Станица Пресновка». А сейчас они почти что все уехали.

И вот мои племянники женились на русских, и все жены там. Они каждое лето ездят к тещам. Там жила сестра [Мария, 1924 г.р. – прим. Ю.Д.], но померла в прошлом году [2015 г. – прим. Ю.Д.]. Еще четверо племянников там.... Там много немцев жило. Которые уехали... некоторые согласились ехать, а некоторые нет. А мы с сестрами уехали, в прошлый год [2015 г. – прим. Ю.Д.] они махом умерли. Две сестры в Германии [старшая Эмма, 1922 г.р.; младшая Ирма, 1938 г.р. – прим. Ю.Д.], а одна в Казахстане [Мария]. А там работы нет, село, мужики работают на автовазе, денег у них нет. Одна запила, у нас сроду никто не пил. Их там шесть человек в одном доме живут. На днях [декабрь 2015 г. – прим. Ю.Д.] я послала деньги, хоть на поминки...»

Не один вечер мы провели за беседами. Мина Петровна подробно нам рассказала о судьбе своей и своих родных, полной самых разных перипетий... Сразу скажем, что всё мы не могли изложить в одном материале, понимая, что превышаем допустимый объем. Конечно, эмоции, мимику, интонацию, настроение, поведение человека во время рассказа передать на листе бумаги невозможно. Они у Мины Петровны богатые и разнообразные, как и события ее жизни. Скажем только то, что слышать, а главное – осознавать услышанное, особенно на психоэмоциональном уровне, не просто...

Как-то во время очередной встречи практически между делом Мина Петровна оговорила: «Девочки, я длинный путь прошла, но духом не пала!». Так просто. Так ёмко. Так точно.

*Материал подготовлен
Даниловой Ю.Ю., Евтеевой Т.А., Нуриевой Д.Р.
при финансовой поддержке РГНФ №15-04-00011а
«Язык и культура русских немцев в миграции:
проблемы самопрезентации и самоидентификации»,
г.Елабуга (Россия, Татарстан)*

**«Называйте меня русским с немецкими корнями»:
Александр Владимирович Роотермель**

Живет в г. Елабуге очень скромный человек с красивой «нерусской» фамилией Роотермель. А вот имя и отчество его вполне русские: Александр Владимирович. Как так случилось, что у человека русские имя-отчество и немецкая фамилия? Мы уточнили у него самого.

Вот что нам рассказал о себе, своей фамилии и своих предках Александр Владимирович в ходе нашей встречи.

«Я родился в 1965 году в г. Елабуге. Всю свою жизнь проработал слесарем, сейчас вышел на пенсию по состоянию здоровья.

К сожалению, я не много знаю о своих предках, однако некоторые отрывки из рассказов своей бабушки остались в памяти.

Предки мои – немцы, Эрик Роотермель и его жена Мария, попали в Россию во времена правления Екатерины II. Где основались они – не знаю, известно лишь только то, что они входили в число немцев Поволжья. Как говорила еще моя бабушка: «Поселились они, дом построили, скотину завели. И так чисто было всегда во дворах, все прибрано, никто не ругается, никто не пьет, только собаки и лаяли». Так и жили. Было у них трое детей, имена сейчас назвать не могу, не помню. Но началась революция, далее репрессии, предки подверглись гонениям. Что было дальше, я не знаю. Известно лишь, что в годы Великой Отечественной войны немецкие семьи определялись в убогие временные дома и были подчинены строгому надзору органов государственной безопасности (спецкомендатуры). Мужчин и женщин до 60 лет призывали в трудовую армию, где отношение к ним было, как к предателям Родины. Условия, в которых должны были жить и работать трудовармейцы, по жестокости не уступали тем, в которых содержали военнопленных немцев.

В последующие годы моя бабушка всячески пыталась скрыть немецкие корни своих детей, так как зачастую таких детей называли «фашистами».

А до 80-90-ых годов XX столетия над нами, людьми немецкой национальности, навис тотальный контроль со стороны государства. Это, пожалуй, все, что я знаю о своих прародителях.

... Что касается религии и вероисповедания, то сам я православный, а вот прадеды лютеранами были. Всё перемешалось ведь, всё! – не поймешь то ли русский, то ли немец.

... В нашей семье немецкая культура, к сожалению, почти утратилась. Но одно нам привила наша бабушка – это Рождество. Несмотря на то, что сейчас мы православные, Рождество мы отмечаем по католическим обычаям: 25-го декабря собираемся всей семьей, запекаем курицу (пусть и должна быть индейка) и проводим тихий, семейный, душевный вечер».

Интересуясь проблемой этнолингвокультурной самоидентификации, мы не могли не задать вопрос об отношении к немецкому языку как языку предков, выяснить степень владения им и уточнить, сохранился ли он в семье Александра Владимировича. На что получили следующий ответ: «Я Вам так скажу: пока я был маленький, бабушка изредка пыталась меня научить разговаривать по-немецки. Но мне это тяжело давалось. Мои внуки зато сейчас в школе изучают. Красивый язык, жаль только, что я его позабыл».

И в завершении нашей встречи мы уточнили, кем по национальности себя считает наш собеседник, на что Александр Владимирович ответил: «Не знаю даже, что и сказать... Вроде немец я, и кровь во мне немецкая, и фамилия немецкая, но рожден я в России. Наверное, русский я. Хотя, нет! Называйте меня русским с немецкими корнями».

*Материал подготовлен Евтеевой Т.А.
в рамках реализации гранта РГНФ №15-04-00011а
«Язык и культура русских немцев в миграции:
проблемы самопрезентации и самоидентификации»,
г.Елабуга (Россия, Татарстан)*

Немцы в России: из истории одной фамилии

После окончания Первой мировой войны жизнь в Германии была достаточно сложной. Нестабильность экономического положения Веймарской республики порождала восприимчивость народа к различного рода идеям государственного развития, подталкивала граждан к участию в политических движениях. Германские социал-демократы усиленно боролись с соотечественниками-коммунистами, ведомый волей А. Гитлера набирал силу национал-социализм. Одним из активных деятелей Коммунистической партии Германии (КПГ) был в этот период коренной берлинец Карл Шредер. Находясь в рядах движения с 1929 г., вскоре он отчетливо осознал масштабы опасности, угрожавшие на родине его семье. Востребованность иностранных специалистов в СССР позволила ему принять решение о переезде. В январе 1931 г. он отбыл в Россию. При помощи партийных друзей в апреле 1931 г. инкогнито из Германии выехали его жена Элен и дочь Ирмагард (Ирма). «Приехав в Москву, – вспоминала Ирмагард – мы сразу же получили комнату, так как считались политэмигрантами. И хотя мама долгое время не могла понять, как обращаться с керогазом, условия все же были неплохими. Отец был идейный коммунист и постоянно говорил, что Россия прекрасная страна, где все принадлежит народу, поэтому мы сможем жить здесь счастливо! Приехав, он первым делом организовал политкружок, установил связь с Коминтерном и стал добиваться гражданства, которое вскоре нам предоставили».

В последующие четыре года оправдывались имеющиеся надежды, укреплялась вера в светлое будущее. Восторженные впечатления о жизни в СССР Элен Шредер выразила в пространной статье, опубликованной в одной из советских газет к юбилею Великого Октября в 1935 году. «В моей маленькой семье сегодня двойной праздник: пятый раз мы встречаем Октябрьскую годовщину в Советском Союзе... День приезда в СССР был днем нашего освобождения». Знакома советского читателя с трудностями своей прежней жизни в Германии автор, описывая реалии советской действительности, рассказывала о своем материальном благополучии: «Я и мой муж работаем на Электрозаводе им. Куйбышева. Карл – инструктором по сварке, а я браковщицей. Зарплата Карла – 350 руб. в месяц. Я зарабатываю 200 руб.».

Предпочтение Элен Шредер работать, что было нераспространенно

среди женщин иноколонии, а также всего лишь один ребенок, позволяли семье жить вполне обеспеченно. Следует сказать, что в период нормированного снабжения потребление иностранцев не ограничивалось карточками. Вспоминая первые годы пребывания в СССР Ирмагдот отмечала: «Проблем с едой и одеждой не было, дома всегда были кофе [дефицитный дорогой импортный продукт. – Д.К.], батон и сливочное масло, а также много из того, что в обычных магазинах невозможно было найти». Вполне объяснимо, что, навестив летом 1935 г. родных в Берлине, Элен получила наказ брата выслать им из Москвы продукты, «особенно масла и сала».

По партийной работе Карл Шредер имел личное знакомство с Вильгельмом Пиком и Вальтером Ульбрихтом, которые неоднократно бывали у него дома. Выполняя большую общественную работу по распространению политической литературы он стал обучаться на вечернем отделении Института Маркса – Энгельса – Ленина при ЦК ВКП(б). В известную немецкую школу им. Карла Либкнехта пошла с 1931 г. Ирмагдот. Это учебное заведение считалось элитным – школа предназначалась для детей иностранцев и представителей советской номенклатуры. Здесь учились дети немецких, венгерских и австрийских эмигрантов. Доступ в школу детям российских немцев был сильно ограничен. Внимание властей предопределило излишнюю идеологизированность учебного процесса. В 1938 г. учебное заведение было закрыто как «центр шпионажа». История школы и ее учеников – предмет отдельного микроисторического исследования.

С усилением репрессий, коснувшихся всех слоев и групп населения, в среде политэмигрантов стало распространяться разочарование. Рост опасений за свое существование в России спровоцировал отток прибывших европейцев, не оформивших советского подданства. Известно, что некоторых граждан Германии при помощи немецкого посольства освобождали из-под ареста и отправляли на родину.

После обыска квартиры 3 марта 1938 г. Карла Шредера арестовали. «Мы пытались найти отца разными способами, – рассказывала Ирмагдот, – я ходила в НКВД, а мама даже к самому Вильгельму Пику, он знал отца, но успехом наши попытки не увенчались». Лишь в июле Элен узнала, что муж заключен в Таганскую тюрьму, но встречи с ним так и не добились.

«Вскоре отца перевели из тюрьмы, а в сентябре я нашла в почтовом

ящике маленькую записку из двух склеенных папиросок, где папа писал, что жив и что их везут на Север». Дальнейшие поиски главы семейства окончились внезапно. В 1940 г. Элен Шредер получила ответ в справочном бюро НКВД, что ее муж скончался 28 октября 1938 г. в пересыльной тюрьме г. Котлас.

Арест и смерть мужа заставили Элен по-новому взглянуть на реалии советской жизни. Убежденная коммунистка, всегда отличавшаяся просоветским настроем, она присоединилась к небольшому сообществу жен арестованных немцев. Желавшие немедленно уехать в Германию, поддерживавшие связи с родными, недовольные положением в СССР они быстро вызвали беспокойство в рядах немецкой секции Коминтерна. Руководитель представительства КПГ при Исполнительном комитете Коммунистического Интернационала В. Ульбрихт в письмах руководителю Коминтерна Георгию Димитрову выражал опасения по поводу возможного возвращения жен репрессированных немцев на родину. С 1940 г. в сообществе жен арестованных иностранных рабочих появились осведомители и на стол сотрудников НКВД стали регулярно ложиться подробные сведения о подозрительной деятельности кружка.

Начало Великой Отечественной войны, о котором Элен и Ирма узнали из передач английского радио утром 22 июня 1941 г., ознаменовало новый поворот в жизни. Власти приняли решение о немедленной ликвидации «осинового гнезда» немок – работниц Электроставода. Элен Шредер арестовали 29 июня 1941 г.

«Положение было катастрофически безысходным, – вспоминала Ирмгард, – я осталась одна в чужой стране, ждать помощи было неоткуда. Забыться помогала работа, нас вскоре перестали отпускать с завода, а спальные места устраивали непосредственно в цехах. В свободное время, обычно ночью, приходилось дежурить на крышах зданий, тушить зажигательные бомбы». Изнурительный, но привычный режим жизни был нарушен предписанием покинуть Москву. 13 сентября 1941 г. Ирмгард в числе многих была выслана из столицы в Карагандинскую область. «Уезжали ранним утром. Поезд состоял из товарных вагонов, куда нас сажали вместе с вещами, двери вагона не закрывали на замки, так как поезд следовал без остановок».

После распределения она была отправлена на поселение в казахскую деревню, находившуюся среди бескрайних степей: «Я жила там почти год, первое время работала в поле, что спасало от голода семью, кото-

рая меня приняла, а затем попала в цех, где мы вязали теплые вещи для фронта. За эту работу мне полагался паек и карточки». Ирма не раз слышала, что в нескольких километрах от деревни находился спецлагерь Долинка, но она и не подозревала, что среди сотен заключенных был там единственный близкий ей человек – мама!

Проработав полгода на строительстве Карагандинской Магнитки Темиртау, летом 1943 г. Ирма Шредер была отправлена в трудармию на Север в Коми АССР. В болотах глухой тайги приходилось прокладывать дороги, вытаскивая на себе 8-ми метровые ели. Со временем удалось попасть на буровую станцию по добыче газа, где стало гораздо легче. К 1945 г. жизнь немного улучшилась. Ирма вышла замуж, а в 1954 г. после долгих поисков и ходатайств состоялась долгожданная встреча с мамой.

Увлекательное знакомство с Россией в 1930-х гг. обернулось чередой сплошных тягот в 1940-х гг., столкнувших Элен и Ирму Шредер на край пропасти, вполне способных привести к гибели. После освобождения и до конца жизни Элен добивалась выезда на родину, на что, в конце концов, получила разрешение в 1970 г. Молодость, проведенная в страхе, сформировала у Ирма привычку не выставлять напоказ традиции родной культуры. Но забыть родину невозможно! В душе Ирма Шредер всегда оставалась тоска по Германии, куда после падения Берлинской стены она уже не смогла выехать.

*Материал подготовлен Кондрашиным Д.В.,
г.Чистополь (Россия, Татарстан)*

Нашим предкам Рац посвящается (из воспоминаний сестер Евгении, Екатерины и Лидии Рац)

В нашем небольшом старинном и уютном городе Елабуге живут сестры Рац: Евгения, Екатерина и Лидия, которые и рассказали историю семейного рода российских немцев по материнской линии.

В конце XIX века (точная дата неизвестна) семья бюргера Якова и Паулины Рац по приглашению богатого помещика из Киева (в семейных преданиях князя) переехала из Германии (предположительно г. Гамбург) на Украину в Житомирскую область, г. Коростишев, где ей и был выделен надел – 25 (250) десятин земли. По одной версии члены семьи Рац занимались ремеслом, по другой – торговлей, но вероятнее всего, и тем и другим. Здесь и родились 5 сыновей и 2 дочери. Семья Рац была набожная (Яков Рац служил пастырем в лютеранской церкви) и образованная: владели немецким, польским, русским, украинским языками. Три сына Якова и Паулины Рац служили в царской армии и впоследствии погибли в Первую мировую войну. Один из братьев, Фердинанд, до начала Великой Октябрьской социалистической революции вернулся в Германию, в период правления нацистов эмигрировал в Канаду, где и в настоящее время проживают его потомки.

В России остались пятый брат – Юлиус Яковлевич Рац (род. в 1884 г.) и сестра Альбертина Яковлевна Рац (1896-1984). В 1906 г. Юлиус женится на Матильде Вельгельмовне Литке, которая была старше его на 6 лет и служила гувернанткой в Киеве в княжеском доме. В этом браке родились 5 детей: Лидия, Ольга, Эрн, Адольф и Эйвальд (род. в 1911 г., родной отец вышеупомянутых сестер, который в годы советской власти в паспорте был записан как Владимир). Альбертина Яковлевна Рац в 1916 г. собиралась выйти замуж за Августа (фамилия неизвестна), но влюбленные не успели пожениться: Августа призвали в армию, и в 1917 г. он погибает. От этой внебрачной связи 22 июня 1917 г. рождается дочь – Ида Матильда Августовна, будущая мать моих собеседниц. В годы Первой мировой войны всех немцев, живущих недалеко от зоны военных действий, сослали в Самарскую губернию. Так семья Рац оказалась в ссылке и прожила несколько лет в лишениях, голоде и нужде. Здесь Альбертина Рац вышла замуж за Якова Кляуза. В 1922 г. семье разрешили вернуться домой на Украину, но и там все пришлось начинать заново: землю конфисковали, в уютном, родном двухэтажном доме разместилось госуч-

реждение. Опять холод и голод – семья бедствовала. В 1923 г. Альбертина Рац родила сына Эдуарда. Жизнь потихоньку налаживалась, но в 1933 г. на Украине был страшный голод, и семья решила переехать в Сибирь, куда ранее уехали родственники (брат Юлиус с семьей), писавшие о том, что жить там легче, земли и пастбищ для скота в достатке. Семья Рац переезжает в Сибирь к родственникам в село Солоновка Одесского района Омской области. Летом стали обустриваться: вырыли землянки, завели домашний скот и птицу. Поселившись в Сибири, два раза переезжали из одного села в другое (из села Солоновка переехали в село Смородина, позднее, в 1963 г., в село Чугуево), что было связано с тем, что не было работы и школы для обучения детей по месту жительства.

Ида Матильда была грамотной и устроилась работать писарем в сельском совете, остальные члены семьи начали работать в колхозе. В 1935 г. она выходит замуж за кузена Эйвальда (по паспорту, как упомянуто выше, в годы советской власти, записанного как Владимир). В семье родилось 13 детей (8 сыновей и 5 дочерей), двое из которых Лидия (род. в 1937 г.), Андрей (род. в 1949 г.) умерли в раннем возрасте; сын Владимир (1946-1979) был инвалидом с детства.

Роды всех внуков принимала бабушка А.Я. Рац, которую в семье и односельчане ласково и с уважением называли Тина. Альбертина Яковлевна была повитухой от бога, за ней для принятия родов приезжали со всего района, причем ни одного смертельного случая при рождении детей не было.

15.02.1936 г. (умер в 2011 г.) родился первенец Александр Владимирович Рац, впоследствии окончивший Омский техникум транспортного строительства (ОМТТС), затем Новосибирский институт железнодорожного транспорта. Работал на руководящих постах. Последние годы жизни прожил в Сургуте, имеет двух детей: дочь Елену и сына Сергея. В 1939 г. (умер в 2002 г.) родился Адольф (в паспорте записан как Анатолий) Рац, окончил Усть-Каменогорский геологический техникум, работал в авиаотряде по тушению пожаров в Приморском крае. Имеет двух сыновей – Эдуарда и Сергея. В 1940 г. родился Артур Рац (умер в 1980 г.), окончив школу механизаторов, работал в колхозе комбайнером и трактористом. Передовик района, имел многочисленные награды. Жена Эмма Шлейхер, сын Александр.

В 1941 г., когда началась Великая Отечественная война, отца Эйвальда (Владимира) Рац забрали в трудовую армию, а в 1942 г. призвали в

действующую армию как бывшего пулеметчика и отправили в Мурманскую область на остров (название дочери не помнят), где он совместно с другими солдатами отслеживал полеты вражеской авиации. В течение двух лет, оторванный от большой земли, он вместе с другими солдатами выполнял свой воинский долг. Раненый, истощенный и заболевший воспалением легких, отец оказался в Омском госпитале, откуда почти умирающего его забрали жена и теща.

Когда папу забрали на войну (вспоминают дочери), мама Ида осталась беременной, и 20.11. 1941 г. родилась Ольга Рац, позднее окончившая ОМТТС, впоследствии работала начальником лаборатории Мосто-поезда. Живет в Кемерово, имеет двух детей – сына Анатолия и дочь Евгению. 20.10.1944 г. родилась Евгения Рац, окончила ОМТТС, Фрунзенский политехнический институт, в течение многих лет работала мастером, прорабом, начальником планового отдела СУ-928 в Елабуге. В 1947 г. родился Виктор Рац, окончил техникум механизации. Работал механиком в совхозе Комсомольский Одесского р-на Омской области, женат, детей нет. В 1951 г. родился Дмитрий Рац, окончил Новосибирский строительный институт, работал на разных должностях на объектах строительства г. Новосибирска. Сын Владимир.

В 1954 г. родился Эдуард Рац, окончил Омский сельскохозяйственный институт и партийную школу, работал парторгом в немецком селе Побочино Одесского р-на Омской области. Женился на Лидии Вагнер, в 1993 г. эмигрировал вместе с семьей жены в Германию – Франкфурт на Майне г. Гадамар. Имеет двоих сыновей: Дмитрия и Александра. В 1955 г. родилась Екатерина Рац, окончила Океанологический университет во Владивостоке, работала в Петропавловске-Камчатском гидрологом. Имеет дочь Лидию. В настоящее время проживает в Елабуге. В 1957 г. родилась Лидия Рац (в замужестве Хидирян), окончила ОМТТС. В течение многих лет работала инженером производственного отдела Су-928 г. Елабуги. Имеет двух детей: дочь Кристину, сына Артура.

Дочери и сыновья с любовью и благодарностью вспоминают родителей и бабушку Тину (Альбертину). Отец, Эйвальд (Владимир) Рац, всю жизнь работал на разных должностях: и председателем колхоза, и заведующим фермой, и бригадиром. Мама, Ида Магильда, работала разнорабочей, затем долгое время телятницей. В декретном отпуске никогда не была: за детьми смотрела бабушка, потом помогали подростки дети. К сожалению, родители умерли рано: отец скончался 14.02.1965 г.

от рака легких, после войны часто болел простудными заболеваниями; мама в феврале 1981 г. в возрасте 64 лет от инфаркта.

В большой и дружной семье дети росли в строгости и честности – никогда не смели брать чужое. У всех были обязанности: у девочек уборка дома, стирка, приготовление еды, работа в огороде. Мальчики занимались заготовкой дров, ухаживали за скотиной, привозили воду и т.д. Выращивали много цветов, так бабушка приучала внуков к чувству прекрасного. Большие мастерицы и рукодельницы мама и бабушка обшивали всю семью с помощью швейной машины Зингер, вышивали необыкновенной красоты цветами наволочки, скатерти, подзорники и рушники.

Так как всю жизнь семья Рац прожила среди украинцев и русских (в селе жили только три немецкие семьи), то национальные обычаи были утрачены. Рождество, Пасху, Троицу отмечали как православные люди. Бабушка и мама, по воспоминаниям дочерей, красили на Пасху яйца и пекли изумительные по вкусу куличи с различными узорами из теста. Бабушка Тина знала много сказок, поучительных историй и всегда читала большую Библию на немецком языке, пела библейские песни. Все внуки любили рассматривать многочисленные картинки в ней, а бабушка рассказывала об ангелах и их добрых делах. Так прививалась такие качества характера, как доброта, скромность, честность. В семье любили петь и читать, выписывали много газет и журналов: «Огонек», «Нева», «Красный Октябрь», «Крестьянка». Отец первым в селе привез из Омска патефон и пластинки с оперой и эстрадными песнями. Затем появилось и большое радио на ножках с проигрывателем, и телевизор, все соседи собирались вечерами смотреть фильмы.

Жизнь в селе была непростой, приходилось много трудиться. Держали много скотины: 2-3 коровы, бычков, овец, гусей не менее ста голов, а также уток, кур. Осенью делали колбасы, в том числе и кровяную, солили сало, коптили окорока, варили студень. Из гусяного пуха делали подушки, одеяла и матрасы.

Еда была простая и вкусная. Любили немецкое блюдо (название не сохранилось), которое готовилось следующим образом: свинина внизу (или гусятина), затем слой соленой капусты, слой картофеля с луком и сверху пампушки из теста. Также часто варили суп с клецками (тертый сырой картофель, смешанный с яйцом – ложкой формировалась клецка), делали фушер (отварной размятый картофель с отрубями, из него

формировались клёчки и варились в воде, потом поливали топленным маслом). Вечером к чаю пекли пышки или блины. Белый пшеничный, необыкновенно вкусный хлеб выпекали один раз в неделю. В праздники же на столе было много разной выпечки: немецкий пирог рыба-кюхель (большой сладкий прямоугольный пирог, посыпанный сверху сладкой крошкой).

В заключение нашей беседы сестры Рац сказали, что в настоящее время на родине (в Омской области) живет брат Виктор, и все члены их многочисленного рода время от времени приезжают в родные места, посещают кладбище, вспоминают всех, кто не с ними и не рядом.

Вспоминая те нелегкие, но счастливые годы, они добавили следующее: то, что они, русские немцы, прожили долгое время среди людей разных национальностей дало свои плоды – уважение и терпимость к людям разной национальности.

*Материал подготовлен Пупышевой Е.Л.,
г.Елабуга (Россия, Татарстан)*

Воспоминания о моем детстве

Чем пахнет детство? Моё – вареной кукурузой и сладким kuchen (пирогом). Папина семья (мама Елизавета Петровна Сайбель (Нейн), папа Альберт Альбертович Сайбель, и бабушка Матильда Сайбель (Зейфрид)) в ходе принудительного расселения оказались в Актюбинской области (КазАССР) и почти 30 лет прожили в небольшом городке Эмба. Таких, как они, немцев Поволжья, там было немало. Их селили целыми улицами. Так что, приезжая в Казахстан на время летних каникул, мы с моими сестрами слышали чаще немецкую речь, чем русскую и казахскую.

Казахи относились к нам немного настороженно. В семье отца все общались на немецком языке. Но детей учили русскому. Тогда еще была жива моя прабабушка (гросмутер) Матильда Сайбель (Зейфрид) (дедушкина мама). Она, на мой взгляд, была яркой представительницей своей нации: строгая, собранная, дотошная во всем. Забавно было наблюдать, как она критикует ведение хозяйства своей снохи (моей бабушки). Все на немецком, конечно, но в целом, было понятно, о чем речь. Все трое были католиками, соблюдали пост и праздники.

Прабабушка Матильда (мы ее называли Ома) жила отдельно от семьи своего сына и снохи. Когда я приходила в гости, всегда поражалась идеальному порядку в ее доме. Все разложено аккуратно по своим местам. Старинные черно белое фото в рамках, расставленные на полках, где никогда не появлялся даже намек на пыль. И везде, где только можно – вышивка. Наволочки, шторы на окнах и занавеси на дверях, салфетки под телевизором и на телевизоре, под цветочными горшками... все украшено вышитыми ее руками яркими узорами. В нашей семье все девочки увлекаются рукоделием. Я тоже люблю украшать цветами свой дом, только вышиваю не гладью и крестиком, а атласными лентами и бисером.

У моего папы было двое старших братьев: Эдуард и Владимир. Владимир погиб от несчастного случая в молодости.

Все дети немного говорили в семье на немецком, но потом, когда поженились и разъехались... Папа и сейчас хорошо понимает немецкий, но без практики язык забывается. Он говорит, что сейчас, наверное, после 35 лет, прожитых в Татарстане, лучше поймет татарина, чем немца.

Папа с братьями рос в многокультурной среде: немцы с российскими корнями в окружении казахов. В семье говорили на двух языках – рус-

ском и немецком, но в силу обстоятельств, в школе, училище, на улице, в магазине и т.д. – учились понимать и изъясняться на местном казахском языке. Не все было гладко в отношениях с местной молодежью. И мне, в свое время иногда «прилетало» от какого-нибудь обиженного одноклассника: «У! Фашистка!» (И я в долгу не оставалась в таких случаях)). Но где нет конфликтов? Была и крепкая дружба. И надо сказать, папа и до сих пор с ностальгией вспоминает своих школьных друзей, армейских товарищей. С удовольствием сейчас подпевает песне: «А я поеду снова в Казахстан! Друзья накроют сразу дастархан. Будем кушать вкусный бешбармак, Нигде не приготовят его так!»

В доме бабушки и дедушки всегда вкусно пахло. Я помню, что, угощая гостей, в нашем доме готовили не только блюда русской и немецкой кухни, но и казахской – бешбармак, шорпа, манты, баурсаки и т.д. А моя мама до сих пор балует нас блюдами немецкой кухни, которым, в свою очередь, научилась от свекрови: тампфнудель, клейс. Ну и конечно, лето в Казахстане всегда баловало нас богатым урожаем кукурузы. Она росла почти в каждом огороде. И как только янтарная зернистая маковка показывалась из початка, желтолицую красавицу приглашали «к столу». Увлеченные играми с соседскими детьми мы часто забегали в дом, и вместо хлеба хватали теплые вареные початки (себе и другу). А вечером, утомленные, мы шли на ароматный запах кухен или хвороста. Бабушка, насколько я помню, всегда хлопотала у плиты, спрашивала нас, что еще нам приготовить, чем угостить. Не удивительно, что внучки после таких каникул возвращались сдобными и кругленькими, как те пончики, которыми нас угощали. А как нас встречали: с накрытым столом, громкими восклицаниями «О, майн энгельдин!!!», с крепкими долгими объятиями и расспросами о наших успехах. Помню забавную приговорку, которую повторяли дедушка и бабушка, качая меня на коленях: «Коккен, коккен – нихт ферштейн... Цап-царап – ауфидерзейн!» И при этом они делали вид, что роняют меня, но опять подхватывали и снова качали... А приговорка о глупом цыпленке, который ничего не знал, ничего не понимал, и в результате его съела кошка... И их колыбельную, под которую часто засыпала тоже смутно помню, но, к сожалению, уже не могу воспроизвести даже на русском. Нет, смогу, но это будет очень забавно.

Не могу вспоминать эту теплоту и заботу без грусти. Но я благодарна своей семье за эти воспоминания.

А вот насчет своей приверженности к нации припоминаю одну исто-

рию, рассказанную моим папой не так давно. Спрашивает у меня – есть ли у нас канал, где транслируется Чемпионат мира по футболу. «Сегодня немцы с итальянцами играют, буду болеть за наших!» Как выяснилось, за «наших» он болеет уже давно. В юности, уехав с геодезисткой экспедицией, просил начальника, чтобы включил телевизор. Начальник спрашивает – так наши (команда советского союза) уже проиграли! Чего там смотреть? Папа ответил – одни наши уже проиграли, другие НАШИ еще играют!!

Мне нравится моя фамилия. С детства, втайне, я мечтала, чтобы она осталась при моем имени даже после замужества. Повлияла и грусть папы – у всех троих братьев родились девочки (в нашей семье – трое, в другой – двое, в третьей – одна), и он вздыхал порой, что эта веточка нашей фамилии оборвется, как только мы все выйдем замуж.

Так получилось, что именно в тот период, когда я начала готовиться к свадьбе, мои бабушка и дедушка (Елизавета и Альберт Сайбель) вдруг начали говорить о своем решении переехать, как и многие их знакомые, в Германию. Они стали уговаривать нас (своих внуков) поехать жить с ними. Я и мой муж обсудили это на семейном совете и решили, что нужно воспользоваться случаем, и попробовать устроить свою жизнь за границей. Тогда же было принято решение, что семья наша должна носить фамилию Сайбель. Муж принял мою фамилию и мы передали ее своим детям. Имена мы, кстати, выбирали соответствующие ей: Владислав, Эрнест и Алиса. Последние два имеют германское происхождение. Наверное, не случайно). В школе и институте я учила немецкий язык. Когда бабушка и дедушка были живы, в гостях с ними я немного практиковалась в бытовом общении на немецком, это было приятно.

Уехать за границу не получилось: бабушка и дедушка начали болеть и побоялись уезжать далеко от детей – а вдруг... Но я не привыкла жалеть о чем-либо не случившемся. Оно, значит, так и надо было.

Зато при мне воспоминания о моем «немецком» детстве в гостях у бабушки, дедушки и прабабушки). Согретая их теплом и любовью, я в свою очередь, напевала колыбельную на ломаном немецком своим детям: Баю-бабаю, вас рапельт иштро катце фарект ис майси истро.... Я знаю, что это набор букв уже, а не песня, но мне приятно ее мурлыкать на ушко своему ребенку.

*Материал подготовлен Сайбель Е.Г.,
г.Елабуга (Россия, Татарстан)*

Хочу быть ближе к своим корням

Этой фотокарточке более 50 лет, но в нашем семейном альбоме она появилась лишь 6 лет назад вместе с множеством других. Снимки связаны с нашими немецкими корнями, и стоят за ними печальные события. Долгое время они были спрятаны от посторонних глаз у моей бабушки, так как она видела, как трудно живется немецким ребятишкам, и старалась скрыть немецкие корни своих детей. Часто ее сын (мой папа) маленьким прибежал в слезах и в недоумении: почему его называют «фашистом»? А далее у нее появился страх, что он может эмигрировать в Германию вместе с родственниками отца. Вплоть до 1990-х годов принадлежность к немецкой национальности приносила папе немало хлопот – постоянный контроль со стороны государственных структур и во время службы в Советской Армии (к нему был приставлен его же товарищ, чтобы сообщать о его поведении, передвижении), и на месте постоянной регистрации уже здесь, в Удмуртии.

Ушли из жизни люди, так и не успев раскрыть историю семьи, а те, кто мог бы прояснить ситуацию, давно покинули страну.

Но все-таки я знаю, что на этой фотокарточке моя прабабушка Матильда (баба Мотя) со своими внуками Эриком (моим дедом – крайний справа), Федей и Галиной. Позади них раскинулись просторы казахстанских степей – земли, печально известной как Степлаг, где томились тысячи невинно осужденных, куда ссылались объявленные неблагонадежными корейцы, немцы, чеченцы, греки, ингуши.

28 августа 1941 года Президиум Верховного Совета СССР издал указ о выселении немцев из Поволжья. В нем российские немцы обвинялись в активной поддержке германских войск. 340 000 человек были размещены в вагоны, предназначенные для перевозки скота, и в нечеловеческих условиях отправлены в Казахстан и Сибирь. Были среди них Фрейзе (Фрезе) – прабабушка Матильда с семьями своих дочерей. Они были потомками немцев, переселившихся в Россию еще при Екатерине 2.

Судьбы депортированных немцев мало отличались друг от друга. Семьи определялись в убогие временные пристанища и были подчинены строгому надзору органов государственной безопасности (спецкомендатуры). Мужчины и женщины до 60 лет призывались в трудармию, где с ними обращались, как с предателями родины. Условия, в которых должны были жить и работать трудармейцы, по жестокости не уступали тем, в которых содержали уголовников. Но и в таких тяжелых условиях люди могли радоваться жизни: верили, любили, играли свадьбы. Немцы держались друг за друга, поддерживали свою культуру и свой язык. Мой папа до сих пор вспоминает, с каким удовольствием он убежал из дома к бабе Моте. Ее дом находился на месте старых горных выработок, которые чем-то напоминали землянки. Дома всегда было уютно, чисто и пахло жареными семечками. Потеря родных мест в Запорожье, долгие 14 лет унижений, потеря родных людей не сломили эту хрупкую немецкую женщину.

«Россию молю, мою родину: верни в свое лоно меня», - писал поэт из депортированных немцев в 1949 году в Степлаг. Только в 1955 году немцы были реабилитированы.

Печальны судьбы Эрика (моего деда) и его брата Феда, которые ушли из жизни очень рано. Эрик в 33-летнем возрасте трагически погиб на шахте, когда моему папе было всего 1,5 года. Много молодых людей, таких же, как мой дед, погибли в шахтах и лежат в казахстанской степи. Заросли их могилы, потому что ухаживать за ними было некому – для многих немцев эта земля не стала родной, они предпочли покинуть страну, оставив лишь могилы. Также покинула страну жена Феда - Фрида с четырьмя детьми в 1980 году: Россия временно открыла границу в честь Олимпиады, и Фрида с большим трудом получила разрешение на выезд в Германию. О судьбе Галины нам пока известно мало.

Жизнь движется вперед, но ничто не властно над человеческой памятью – она вечна. В суверенном Казахстане, на родине моего папы, еже-

годно 31 мая проходит траурный митинг в джезказганском парке «Наурыз». Здесь собираются пострадавшие от сталинского геноцида, члены их семей, общественность города, молодежь....

Снова и снова перебираю черно-белые фотографии. Многие из них пока безымянны, но я уверена, что со временем у каждого снимка будет своя история. С каждой такой историей я стану богаче и ближе к своим корням.

*Материал подготовлен Фрезе К.,
г.Можга (Россия, Удмуртия)*

Что я знаю о своей семье?

Что я знаю о своей семье? Какими были мои прабабушки и прадедушки? Какая судьба у моих родных? Что они любили? О чем мечтали? К чему стремились? Почему у меня немецкая фамилия? Кто мой папа, и как он связан с Германией?

Эти вопросы начали наполнять меня, когда мне было 12-14 лет. Я не понимала, отчего на меня глазают одноклассники на уроках истории при изучении тем Великой Отечественной войны, отчего слово «немец» стало созвучным со словом «фашист» по отношению ко мне, отчего моя немецкая фамилия вызывала в этом подростковом возрасте не то насмешку, не то скрытое опасение. Но на то это и подростковый возраст – время, когда почти к каждому в классе задиры находили, к чему придраться – у кого нос не такой, у кого очки, кто шепелявит, мне вот досталось за мою немецкую фамилию.

Фрезе, ФрээЭ, ФрЭзе, Фрэээ, Фризе – как только не называли мою фамилию учителя и одноклассники, не понимая, как верно. На старых фотокарточках моя фамилия пишется двумя способами – Фрезе, а где-то Фрейзе. «А у меня очень даже красивая фамилия, такой ни у кого нет из моих знакомых, да даже в целом городе, в телефонном справочнике» – так, я впервые по-новому взглянула на свою фамилию в 14 лет, пересматривая с папой семейные фотографии. Папа с трепетом и с осторожностью постепенно тогда рассказывал мне, что помнит о себе, о своей семье. Я никогда не видела, чтобы папа мялся при просьбе повторить его фамилию, он всегда говорил четко и уверенно. Но в детстве и молодости папа тоже ощущал то, что чувствовала я, только более сильнее, в Советские годы немецкая фамилия всегда вызывала напряжение и недоверие, как со стороны властей, так и со стороны окружающих.

Часто мой папа маленьким прибегал домой в недоумении: почему его называют «фашистом»? Вплоть до 1990-х годов принадлежность к немецкой национальности приносила папе немало хлопот – постоянный контроль со стороны государственных структур и во время службы в Советской Армии (к нему был приставлен его же товарищ, чтобы сообщать о его поведении, передвижении), и на месте постоянной регистрации уже здесь, в Удмуртии.

Мой папа часто говорит, что у него три родины: Казахстан – где он родился и вырос, Россия (Удмуртия) – где он женился, вырастил меня

и старшего брата, построил свой дом и Германия – страна, в которой он никогда не был, но чувствует, что она тоже небольшая его часть. И это удивительно, как складываются судьбы, как разносит по разным уголкам некогда большие и крепкие семьи, как теряются связи, и как трогательны встречи. История моего папы, его немецкой линии стала для меня не просто историей, а возможностью познания самой себя еще больше.

Как только изменилось мое отношение к самой себе, к моим корням, для меня многое изменилось в 14 лет вокруг. Российские немцы – кто они? Немногие знают, что это один из народов нашей страны, прибывший еще при Екатерине 2, а то и намного раньше, что у российских немцев была своя Республика в Поволжье, что у них особая культура и своя история. Об этом стоит просто помнить, не коверкать их историю, не кидать жалостливые взгляды, не приписывать им не содеянного.

В этом году я и мой папа стали еще ближе к своей семье. Одно письмо – один звонок. Казалось бы, так просто, можно сделать в один миг. Но видимо, нужно было, чтобы прошло какое-то время, когда на другой стороне трубки из г. Гуммерсбах мне ответили: «Ja, wir sind Frese». Так, я нашла папиных двоюродных сестер и брата. Для нас снова открылась новая дверь. Я рада, что мой папа словно стал богаче внутренне, у него есть связь с родными, некогда покинувшими Казахстан. Когда тебе в трубку говорит еще прежде незнакомый голос, но ты понимаешь, что это твоя родная тетья: «Кристина, спасибо, что ты нашла нас». Поверьте, эмоций не передать.

*Материал подготовлен Фрезе К.,
г.Можга (Россия, Удмуртия)*

Сведения об авторах

1. **Алишина Ханиса Чавдатовна**, доктор филологических наук, профессор, ФГАОУВО «Тюменский государственный университет» (Россия, г.Тюмень); kaf_tatarlit@utmn.ru

2. **Алмагамбетова Динара Талап кызы**, студентка 5 курса факультета филологии и истории Елабужского института ФГАОУВО «Казанский федеральный университет» (Россия, Татарстан, г. Елабуга); dinaraalmagambetova@mail.ru

3. **Балобанова (Вельш) Светлана Конрадовна**, кандидат филологических наук доцент Елабужского института ФГАОУВО «Казанский федеральный университет» (Россия, Татарстан, г. Елабуга)

4. **Виноградов Андрей Владиславович**, кандидат исторических наук старший преподаватель кафедры всеобщей и отечественной истории Елабужского института ФГАОУВО «Казанский федеральный университет» (Россия, Татарстан, г. Елабуга)

5. **Власова Татьяна Валерьевна**, студентка 4 курса факультета филологии и истории Елабужского института ФГАОУВО «Казанский федеральный университет» (Россия, Татарстан, г. Елабуга); Chicaloca95@yandex.ru

6. **Гильмутдинова Луиза Азатовна**, бакалавр: педагогическое образование с двумя профилями подготовки (русский язык и литература); магистрант по направлению «Управление образовательными организациями» Елабужского института ФГАОУВО «Казанский федеральный университет» (Россия, Татарстан, г. Елабуга); luizaazatovna@ya.ru

7. **Евтеева Татьяна Анатольевна**, бакалавр: педагогическое образование с двумя профилями подготовки (русский язык и литература); магистрант по направлению «Управление образовательными организациями» Елабужского института ФГАОУВО «Казанский федеральный университет» (Россия, Татарстан, г. Елабуга); evtееvamanya2013@yandex.ru

8. **Ивыгина Алена Александровна**, кандидат филологических наук доцент кафедры русского языка и литературы Елабужского института ФГАОУВО «Казанский федеральный университет» (Россия, Татарстан, г. Елабуга); linguistika@mail.ru

9. **Данилова Юлия Юрьевна**, кандидат филологических наук доцент кафедры русского языка и литературы Елабужского института ФГАОУ-

ВО «Казанский федеральный университет» (Россия, Татарстан, г. Елабуга); danilovaespu@mail.ru

10. **Карабулатова Ирина Советовна**, доктор филологических наук, профессор, академик РАЕН, главный научный сотрудник, заведующая сектором этнополитической, социокультурной безопасности и коммуникационных технологий, Институт социально-политических исследований РАН (Россия, Москва); Radogost2000@mail.ru

11. **Ким Леонид Иосифович**, специалист медико-социальной службы Акмолинского областного общества немцев «Видергебурт» г. Кокшетау, Казахстан, аспирант ИСПИ РАН (Россия, Москва); Radogost2000@mail.ru

12. **Кондрашин Денис Викторович**, заместитель директора по научной работе Чистопольского государственного историко-архитектурного и литературного музея-заповедника (Россия, Татарстан, г. Чистополь)

13. **Крапоткина Ирина Евгеньевна**, кандидат исторических наук доцент кафедры всеобщей и отечественной истории Елабужского института ФГАОУВО «Казанский федеральный университет» (Россия, Татарстан, г. Елабуга); ikrapotkina@mail.ru

14. **Кудрявцева Екатерина Львовна**, кандидат педагогических наук, научный руководитель ЕС-проекта VILUM Университета Грайфсвальда, отв. секретарь Международного методсовета по многоязычию и межкультурной коммуникации ОЦ «ИК@РУС», научный руководитель Международной лаборатории с распределенным участием Елабужского института Казанского федерального университета (Россия) – Удмуртского государственного университета (Россия) – Актюбинского университета им. С. Баишева (Казахстан) и др. (Германия)

15. **Мартинкова Анастасия Анатольевна**, докторант, Университет им. Масарика (Чехия, Брно)

16. **Нуриева Динара Ринатовна**, аспирант 2-го года обучения ассистент кафедры русского языка и литературы Елабужского института ФГАОУВО «Казанский федеральный университет» (Россия, Татарстан, г. Елабуга); nurievadinara@yandex.ru

17. **Пупышева Евгения Леонидовна**, кандидат педагогических наук доцент кафедры русского языка и литературы Елабужского института ФГАОУВО «Казанский федеральный университет» (Россия, Татарстан, г. Елабуга); evpupysheva@yandex.ru

18. **Разживин Анатолий Ильич**, кандидат филологических наук про-

фессор кафедры русского языка и литературы Елабужского института ФГАОУВО «Казанский федеральный университет» (Россия, Татарстан, г. Елабуга); arazzhivin@yandex.ru

19. **Рахимбакиев Самат Зиннадович**, кандидат филологических наук, ФГАОУВО «Тюменский государственный университет» (Россия, г.Тюмень); rasamat@mail.ru

20. **Сайбель Екатерина Гарриевна**, руководитель пресс-центра Елабужского института ФГАОУВО «Казанский федеральный университет» (Россия, Татарстан, г. Елабуга); e.saibel@mail.ru

21. **Салимова Дания Абузаровна**, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы Елабужского института ФГАОУВО «Казанский федеральный университет» (Россия, Татарстан, г. Елабуга); daniya.salimova@mail.ru

22. **Саушкина Анастасия Ивановна**, студентка 4 курса факультета филологии и истории Елабужского института ФГАОУВО «Казанский федеральный университет» (Россия, Татарстан, г. Елабуга);

23. **Ушкова Ирина Игоревна**, бакалавр: педагогическое образование с двумя профилями подготовки (русский язык и литература); магистрант по направлению «Управление образовательными организациями» Елабужского института ФГАОУВО «Казанский федеральный университет» (Россия, Татарстан, г. Елабуга)

24. **Фрезе Кристина**, магистр Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Россия, г. Санкт-Петербург)

25. **Шевелина Галина Александровна**, студентка 4 курса факультета филологии и истории Елабужского института ФГАОУВО «Казанский федеральный университет» (Россия, Татарстан, г. Елабуга); shevelina.galina@mail.ru

26. **Ягудина Линара Ильдаровна**, студентка 4 курса факультета филологии и истории Елабужского института ФГАОУВО «Казанский федеральный университет» (Россия, Татарстан, г. Елабуга); svetlana-1809@mail.ru

Российские немцы: вопросы языка, культуры и самоидентификации

Научные редакторы: доктор филол. наук проф. Д.А. Салимова
канд. филол. наук доцент Ю.Ю. Данилова
Технический редактор: Д.Р. Нуриева

Подписано в печать 01.10.2016. Формат 60x90 1/16.
Бумага офсетная. Печать ризографическая.
Гарнитура «Times». Усл. печ. л. 12,4.
Тираж 300 экз. Заказ 10-15/04-2.

Редакционно-издательский центр «Школа».
4420011, Россия, Казань, ул. Дзержинского, 9
Тел. +7 (917) 2648483
E-mail: ric-school@yandex.ru
www.ric-school.nethouse.ru